

**ЛИТАГЕНТ «АСТ», ФРИДРИХ
ЭНГЕЛЬС**

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ И
ГОСУДАРСТВА**

Фридрих Энгельс
**Происхождение семьи, частной
собственности и государства**
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10213361

*Происхождение семьи, частной собственности и государства:
ISBN 978-5-17-118289-2*

Аннотация

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» – один из самых известных трудов выдающегося немецкого философа и мыслителя 19 века Фридриха Энгельса. Это фундаментальное произведение стало одним из основополагающих в развитии марксизма.

В книге автор раскрывает вопросы первоначальной истории, процесс образования классового общества, построенного на частной собственности, подробно рассматривает процесс развития семейных отношений. Автор отстаивает позицию о неизбежном отмирании классового общества и государства с последующей победой коммунизма.

Книга являет собой ценный материал для философов, политологов, социологов, а также для всех, интересующихся проблемами развития общества в целом.

Содержание

Предисловие к первому изданию 1884 года	5
Предисловие к четвертому немецкому изданию 1891 года к истории первобытной семьи	9
Происхождение семьи, частной собственности и государства	31
I. Доисторические ступени культуры	31
1. Дикость	32
2. Варварство	34
II. Семья	42
III. Ирокезский род	136
IV. Греческий род	161
V. Возникновение Афинского государства	177
VI. Род и государство в Риме	197
VII. Род у кельтов и германцев	215
VIII. Образование государства у германцев	240
IX. Варварство и цивилизация	259

Фридрих Энгельс
**Происхождение семьи,
частной собственности
и государства**

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие к первому изданию 1884 года

Нижеследующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего – в известных пределах я могу сказать нашего – материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс. И подобно тому, как присяжные экономисты Германии годами столь же усердно списывали «Капитал», сколь упорно замалчивали его, точно так же и представители «доисторической» науки в Англии поступали с «Древним обществом» Моргана¹. Моя работа может лишь в слабой степени заменить то, что уж не суждено было вы-

¹ Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization/By Lewis H. Morgan. London: Macmillan and Co., 1877. Льюис Г. Морган. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Лондон: Макмиллан и К., 1877. Книга напечатана в Америке, и в Лондоне достать ее чрезвычайно трудно. Автор умер несколько лет тому назад.

полнить моему покойному другу. Но в моем распоряжении имеются среди его подробных выписок из Моргана² критические замечания, которые я, в той мере, в какой это относится к теме, воспроизвожу здесь.

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории являются в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны – труда, с другой – семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях, структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней – частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений

² См.: *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 227–372).

стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту. Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов, его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, – общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени.

Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории. Его сочинение – труд не одного дня. Около сорока лет работал он над своим материалом, пока не овладел им вполне. Но зато и книга его – одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху.

В нижеследующем изложении читатель в общем и целом легко отличит, что принадлежит Моргану и что добавил я. В исторических разделах о Греции и Риме я не ограничился данными Моргана и добавил то, что находилось в моем распоряжении. Разделы о кельтах и германцах в основном

принадлежат мне; Морган располагал тут материалами почти только из вторых рук, а о германцах – кроме Тацита – лишь низкопробными либеральными фальсификациями г-на Фирмана. Экономические обоснования, которые были достаточны для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточны, все заново переработаны мной. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргана.

Написано около 26 мая 1884 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats». Hottingen Zurich, 1884

Предисловие к четвертому немецкому изданию 1891 года к истории первобытной семьи (Бахофен, МакЛеннан, Морган)

Предыдущие издания этой книги, выходявшие большими тиражами, целиком разошлись почти полгода тому назад, и издатель³ давно уже просил меня подготовить новое. Более неотложные работы до сих пор мешали мне это сделать. Со времени выхода в свет первого издания прошло семь лет, и за эти годы в изучении первобытных форм семьи достигнуты большие успехи. Поэтому необходимо было сделать здесь тщательные исправления и дополнения, тем более что предполагаемое печатание настоящего текста со стереотипа лишит меня на некоторое время возможности вносить дальнейшие изменения⁴.

Итак, я внимательно пересмотрел весь текст и сделал ряд добавлений, в которых, надеюсь, в достаточной мере учтено нынешнее состояние науки. Далее я даю ниже в этом пре-

³ И. Диц.

⁴ В тексте, опубликованном в журнале «Die Neue Zeit», конец этой фразы после слов «тем более что» дан в следующей редакции: «новое издание должно выйти большим тиражом, обычным теперь в немецкой социалистической литературе, но все еще крайне редким для немецких книгоиздательств».

дисловии краткий обзор развития взглядов на историю семьи от Бахофена до Моргана; я делаю это главным образом потому, что шовинистически настроенная английская школа первобытной истории по-прежнему делает все возможное, чтобы замолчать переворот во взглядах на первобытную историю, произведенный открытиями Моргана, нисколько не стесняясь, однако, при этом присваивать себе полученные Морганом результаты. Да и в других странах кое-где слишком усердно следуют этому английскому примеру.

Моя работа была переведена на различные иностранные языки. Прежде всего на итальянский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в просмотренном автором переводе Паскуале Мартиньетти, Беневенто, 1885. Затем на румынский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», перевод Иона Нэежде; опубликовано в яском журнале «Contemporanul» с сентября 1885 по май 1886 года. Далее – на датский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», издание, подготовленное Герсоном Триром. Копенгаген, 1888; французский перевод Анри Раве, сделанный с настоящего немецкого издания, находится в печати.

* * *

До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком

еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли – за исключением многоженства – с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала якобы никакого исторического развития; самое большее – допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. – Правда, кроме единобрачия, было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение считалось не по отцу, а по матери, так что женская линия признавалась единственно имеющей значение; что у многих современных народов воспрещаются браки внутри определенных, более или менее крупных, групп, в то время еще обстоятельно не исследованных, и что этот обычай встречается во всех частях света, – эти факты были, правда, известны, и такого рода примеров накапливалось все больше. Но как к ним подойти, никто не знал, и даже еще в «Исследованиях первобытной истории человечества и т. д.» Э. Б. Тэйлора (1865) они фигурируют просто как «странные обычаи» наряду с действующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к го-

рящему дереву железным орудием и тому подобными религиозными пустяками.

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышла в свет работа Бахофена «Материнское право». Автор выдвинул в этой работе следующие положения:

1) у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, которые он обозначает неудачным выражением «гетеризм»;

2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии – согласно материнскому праву, – как первоначально это и было у всех народов древности;

3) вследствие этого женщины как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения, пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинекократии);

4) переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, таил в себе нарушение древнейшей религиозной заповеди (то есть фактически нарушение исконного права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или допускалось при условии выкупа, состоявшего в том, что женщина в течение определенного времени должна была отдаваться посторонним.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительной тщательностью собранных цитатах из классической литературы древности. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, – в частности у греков, – вследствие дальнейшего развития религиозных представлений, вследствие водворения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, олицетворявшую старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало, по Бахофену, исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. В соответствии с этим Бахофен толкует «Орестею» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и побеждающим отцовским правом. Ради своего любовника, Эгиста, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, вернувшегося с Троянской войны; но Орест, сын ее и Агамемнона, мстит за убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют Эринии, демонические охранительницы материнского права, по которому убийство матери – тягчайшее, ничем не искупимое преступление. Но Аполлон, который через своего оракула побудил Ореста совершить это дело, и Афина, которую призывают в качестве судьи, – оба божества, пред-

ставляющие здесь новый порядок, основанный на отцовском праве, – защищают Ореста; Афина выслушивает обе стороны. Весь предмет спора сжато выражен в дебатах, происходящих между Орестом и Эриниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив своего супруга и, вместе с тем, его отца. Почему же Эринии преследуют его, а не преследовали ее, гораздо более виновную? Ответ поразителен:

«С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была»⁵.

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он – муж убившей его женщины, может быть искуплено, Эриний оно нисколько не касается; их дело – преследовать убийство лишь среди родственников по крови, и тут, согласно материнскому праву, тягчайшим и ничем не искупимым является убийство матери. Но вот в роли защитника Ореста выступает Аполлон; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага – афинских присяжных; голоса делятся поровну – за оправдание и за осуждение; тогда Афина как председательница подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами Эринии, побеждают Эриний, и, в конце концов, последние тоже соглашаются взять на себя новые обязанно-

⁵ Эсхил. Орестея. Эвмениды.

сти, перейдя на службу новому порядку.

Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестей» представляет собой одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена, но оно в то же время доказывает, что Бахофен по меньшей мере так же верит в Эриний, Аполлона и Афину, как в свое время Эсхил; а именно: он верит, что они в греческую героическую эпоху совершили чудо: ниспровергли материнское право, заменив его отцовским. Ясно, что подобное воззрение, по которому религия имеет значение решающего рычага мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму. Поэтому проштудировать книгу Бахофена – толстый том большого формата – работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги как исследователя, проложившего новый путь; он первый вместо фраз о неведомом первобытном состоянии с неупорядоченными половыми отношениями представил доказательство наличия в классической литературе древности множества подтверждений того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое состояние, когда, нисколько не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половые отношения с несколькими женщинами, но и женщина – с несколькими мужчинами; он доказал, что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя след в виде необходимости для женщины выкупать право на единобрачие ценой ограниченной определенными рамками обязанности отдаваться

посторонним мужчинам; что поэтому происхождение могло первоначально считаться только по женской линии – от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия, когда отцовство сделалось достоверным, или во всяком случае стало признаваться; что, наконец, это первоначальное положение матерей как единственных достоверных родителей своих детей обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они с тех пор уже никогда не занимали. Бахофен, правда, не сформулировал этих положений с такой ясностью, – этому мешало его мистическое мировоззрение. Но он их доказал, и это в 1861 г. означало целую революцию.

Толстый том Бахофена был написан по-немецки, то есть на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась предысторией современной семьи. Поэтому книга осталась неизвестной. Ближайший преемник Бахофена на том же поприще, выступивший в 1865 г., даже не слышал о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак-Леннан – прямая противоположность своему предшественнику. Вместо гениального мистика тут перед нами – сухой юрист; вместо буйной поэтической фантазии – тщательно взвешенные построения выступающего в суде адвоката. Мак-Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених, один или со своими друзьями, дол-

жен как бы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай является, по-видимому, пережитком более раннего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали себе жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак-похищение»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени, для такого брака не было никакого повода. Но столь же часто мы находим, что у неразвитых народов существуют известные группы (в 1865 г. их еще часто отождествляли с самими племенами), внутри которых брак запрещен, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей – вне этой группы; между тем у других существует обычай, требующий, чтобы мужчины, принадлежащие к определенной группе, брали себе жен только внутри своей собственной группы. Мак-Леннан называет первые группы экзогамными, вторые – эндогамными и тут же, без дальнейших околичностей, конструирует резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». И хотя его же собственное исследование экзогамии прямо-таки носом наталкивает его на тот факт, что эта противоположность во многих случаях, если не в большинстве или даже во всех, существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в основу всей своей теории. Экзогамные племена могут, согласно этому, брать для себя жен только из других племен, а это при свойственном периоду дикости непрерывном состоянии войны между племенами можно сделать лишь путем похи-

щения.

Мак-Леннан спрашивает далее: откуда произошел этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешении не имеют к этому никакого отношения: это – явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело – широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после рождения. Благодаря этому в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, ближайшим следствием которого неизбежно должно было явиться совместное обладание несколькими мужчинами одной женой – многомужество. Отсюда, по его мнению, следует, что известно было, кто мать ребенка, но неизвестно, кто его отец, и поэтому счет родства велся лишь по женской линии, а не по мужской. Это было материнское право. Вторым же следствием недостатка женщин внутри племени, – недостатка, ослабляемого, но не устраняемого многомужеством, – именно и был систематический насильственный увод женщин чужих племен.

«Так как экзогамия и многомужество возникают вследствие одной и той же причины, – численного неравенства обоих полов, – то мы должны признать, что у всех экзогамных рас первоначально существовало многомужество... И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знала кровные узы лишь с материнской стороны» (Мак-Леннан, «Очерки по древней истории», 1886, «Первобытный брак», стр.

Заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того, что он называет экзогамией. Он вовсе не открыл факт существования экзогамных групп и во всяком случае не понял его. Не говоря уже о более ранних отдельных указаниях многих наблюдателей, – они-то и были источниками Мак-Леннана, – Лейтам («Описательная этнология», 1859) точно и верно описал этот институт у индийских магаров и высказал мнение, что он общераспространен и встречается во всех частях света, – это место цитирует сам Мак-Леннан. Да и наш Морган еще в 1847 г. в своих письмах об ирокезах (опубликованных в «American Review») и в 1851 г. в работе «Лига ирокезов» доказал наличие подобного института у этой группы племен и дал правильное описание его, между тем как адвокатский ум Мак-Леннана, как мы увидим, внес здесь гораздо больше путаницы, чем мистическая фантазия Бахофена в области материнского права. Дальнейшая заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он признал порядок происхождения по материнскому праву первоначальным, хотя в этом отношении, как он и сам позднее признал, Бахофен опередил его. Но и тут у него имеются неясности; он постоянно говорит о «родстве только по женской линии» (kinship through females only), все время применяя это выражение, правильное для более ранней ступени, также и к позднейшим ступеням развития, когда происхождение и право на-

следования, правда, считаются еще исключительно по женской линии, но родство признается и определяется также и с мужской стороны. Это – ограниченность юриста, который, создав себе твердый правовой термин, продолжает применять его в неизменном виде и к таким условиям, в которых он уже успел стать неприменимым.

Однако при всей своей основательности теория Мак-Леннана и самому ее автору представлялась, по-видимому, недостаточно прочно обоснованной. По крайней мере, он сам обращает внимание на

«тот примечательный факт, что наиболее отчетливо выраженная форма» (многого) «похищения женщин распространена как раз у тех народов, у которых мужское родство» (то есть происхождение по мужской линии) «господствует» (стр. 140).

И далее:

«Странно, что детоубийство, насколько нам известно, никогда не практикуется систематически там, где существуют рядом экзогамия и древнейшая форма родства» (стр. 146).

Оба эти факта находятся в явном противоречии с его способом объяснения, и он может противопоставить им лишь новые, еще более запутанные гипотезы.

Тем не менее его теория получила в Англии горячее одобрение и широкий отклик; Мак-Леннана все считали здесь основоположником истории семьи и первым авторитетом

в этой области. Его противопоставление экзогамных «племен» эндогамным, несмотря на то что были установлены отдельные исключения и видоизменения, оставалось все же общепризнанной основой господствовавших воззрений и превратилось в шоры, делавшие невозможным всякое непредвзятое рассмотрение исследуемой области, а тем самым и всякий решительный шаг вперед. В противовес распространенной в Англии переоценке заслуг Мак-Леннана, а по английскому примеру и в других странах, следует подчеркнуть, что своим противопоставлением экзогамных и эндогамных «племен», являющимся чистым недоразумением, он причинил больше вреда, чем принес пользы своими исследованиями.

Между тем вскоре начало обнаруживаться все больше и больше фактов, не уместившихся в изящных рамках его теории. Мак-Леннан знал лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачие. Но уж раз на этот пункт было направлено внимание, стали находить все больше и больше доказательств, что у неразвитых народов существовали такие формы брака, когда несколько мужчин обладали сообща несколькими женщинами; и Леббок («Происхождение цивилизации», 1870) признал этот групповой брак (Communal marriage) историческим фактом.

Вслед за тем, в 1871 г., выступил Морган с новым и во многих отношениях решающим материалом. Он убедился, что действующая у ирокезов своеобразная система родства

была свойственна всем коренным жителям Соединенных Штатов и, следовательно, распространена на целом континенте, хотя она прямо противоречит степеням родства, фактически вытекающим из принятой там системы брака. Он побудил американское федеральное правительство собрать, на основе им самим составленных вопросника и таблиц, сведения о системах родства у прочих народов и из ответов увидел: 1) что принятая у индейцев Америки система родства существует также у многочисленных племен в Азии, а в несколько видоизмененной форме – в Африке и в Австралии; 2) что система эта получает свое полное объяснение в той форме группового брака, которая находится как раз в стадии отмирания на Гавайских и других австралийских островах и 3) что наряду с этой формой брака на тех же островах существует, однако, и такая система родства, которая может быть объяснена только еще более древней, ныне вымершей формой группового брака. Собранные сведения вместе со своими выводами из них он опубликовал в своей работе «Системы родства и свойства», 1871, и тем самым перенес спор в несравненно более обширную область. Исходя из систем родства, он восстановил соответствующие им формы семьи и, таким образом, открыл новый путь для исследования и возможность глубже заглянуть в предысторию человечества. Восторжествовал этот метод, и изящные построения Мак-Леннана разлетелись бы в прах.

Мак-Леннан встал на защиту своей теории в новом из-

дании «Первобытного брака» («Очерки по древней истории», 1876). В то время как сам он конструирует историю семьи в высшей степени искусственно, опираясь на одни лишь гипотезы, от Леббока и Моргана он требует не просто доказательств для каждого их утверждения, но доказательств неопровержимых, таких, какие только и допускаются в шотландском суде. И так поступает тот самый человек, который на основании наличия тесной связи между братом матери и сыном сестры у германцев (Тацит, «Германия», гл. 20), на основании рассказа Цезаря о том, что у бриттов каждые десять или двенадцать мужчин имеют общих жен, и всех других рассказов древних писателей об общности жен у варваров, не колеблясь, делает вывод, что у всех этих народов господствовало многомужество! Кажется, что слушаешь прокурора, который готов позволить себе любую вольность при предъявлении обвинения, а от защитника требует самого строгого, имеющего юридическую силу доказательства для каждого слова.

Групповой брак – чистейшая выдумка, утверждает он, оказываясь тем самым далеко позади Бахофена. Система родства у Моргана – по его мнению – простые правила общественной вежливости, и это доказывается тем фактом, что и к чужим – к белым – индейцы обращаются со словом: брат или отец. Это все равно, как если бы вздумали утверждать, что обозначения отец, мать, брат, сестра – просто ничего не значащие формы обращения, потому что католических ду-

ховных лиц и настоятельниц также называют отцами и матерями, а монахи и монахини и даже масоны и члены английских цеховых союзов на торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами: брат и сестра. Словом, защита Мак-Леннана была до крайности слаба.

Но оставался еще один пункт, в котором он был неуязвим. Противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами», на которой покоилась вся его система, не только не была поколеблена, но была даже повсюду признана краеугольным камнем всей истории семьи. Допускали, что объяснение, которое Мак-Леннан пытался дать этой противоположности, недостаточно убедительно и противоречит фактам, приводимым им самим. Однако сама эта противоположность, существование двух взаимно исключающих видов обособленных и независимых племен, из которых племена одного вида брали для себя жен внутри племени, тогда как племенам другого вида это было абсолютно воспрещено, рассматривалась как неопровержимое евангелие. Сравни, например, Жиро-Тёлон, «Происхождение семьи» (1874) и даже Леббок, «Происхождение цивилизации» (4 издание, 1882).

Против этого пункта направлено главное произведение Моргана «Древнее общество» (1877), – произведение, которое положено в основу настоящей работы. То, о чем Морган в 1871 г. лишь смутно догадывался, здесь развито с полной ясностью. Эндогамия и экзогамия вовсе не составляют

противоположности; существование экзогамных «племен» до сих пор нигде не доказано. Но в то время, когда господствовал еще групповой брак, – а он, по всей вероятности, некогда господствовал повсеместно, – племя расчленилось на ряд связанных кровным родством по материнской линии групп, родов, внутри которых царило строгое запрещение браков, так что мужчины, принадлежавшие к одному роду, хотя и могли брать для себя жен внутри племени и, как правило, так и делали, но должны были брать их вне своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то племя, охватывающее совокупность родов, было так же строго эндогамным. Этим был окончательно опровергнут последний остаток искусственных построений Мак-Леннана.

Но Морган этим не ограничился. Род американских индейцев дал ему, далее, основание сделать второй решающий шаг вперед в исследуемой им области. В этом роде, организованном согласно материнскому праву, он открыл первичную форму, из которой развился более поздний род, организованный согласно отцовскому праву, – тот род, какой мы находим у культурных народов античности. Греческий и римский род, являвшийся до того загадкой для всех историков, получил свое объяснение в индейском роде, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшество-

вавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономики. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука; со времени его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует изучать и как нужно группировать полученные результаты. А в соответствии с этим теперь в этой области делаются гораздо более быстрые успехи, чем до появления книги Морган.

Открытия Морган признаны или, вернее, присвоены теперь всеми историками первобытного общества также и в Англии. Но почти ни у кого из них мы не найдем открытого признания, что именно Моргану мы обязаны этой революцией во взглядах. В Англии его книгу по возможности целиком замалчивают, а от него самого отделяются лишь снисходительной похвалой за его прежние работы; усердно копаются в отдельных деталях его изложения, а о его действительно великих открытиях упорно молчат. Первое издание «Древнего общества» разошлось; в Америке для подобных

вещей нет должного сбыта; в Англии эту книгу, по-видимому, систематически игнорировали, и единственное издание этого составившего эпоху произведения, еще имеющееся в продаже, – немецкий перевод.

В чем причина этой сдержанности, в которой трудно не усмотреть заговор молчания, особенно если иметь в виду многочисленные цитаты, приводимые просто из вежливости, и другие свидетельства уважения к коллегам, которыми пестрят сочинения наших признанных знатоков первобытной истории? Уж не в том ли, что Морган – американец, и для английских историков первобытного общества весьма неприятно, что при всем их усердии в собирании материала, заслуживающем всяческого признания, они, когда дело касалось общих исходных положений, необходимых для систематизации и группировки этого материала, короче говоря, необходимых им идей, вынуждены обращаться к двум гениальным иностранцам – к Бахофену и Моргану? С немцем можно было бы еще примириться, но с американцем! По отношению к американцу каждый англичанин становится патриотом, и в Соединенных Штатах я видел забавные примеры этого. А к тому же Мак-Леннан был, так сказать, официально признанным основателем и главой английской школы первобытной истории; в этой области стало своего рода хорошим тоном говорить не иначе, как с величайшим почтением об его искусственной исторической конструкции, ведущей от детоубийства через многомужество и брак-похищение к се-

мье, основанной на материнском праве; малейшее сомнение в существовании абсолютно исключających друг друга экзогамных и эндогамных «племен» считалось дерзкой ересью; таким образом, Морган, рассеявший как дым все эти освященные догмы, совершил в некотором роде святотатство. К тому же он рассеял их такими доводами, которые достаточно было только высказать, чтобы они тотчас стали очевидными для всех; так что почитатели Мак-Леннана, бессильные до сих пор выбраться из противоречий между экзогамией и эндогамией, должны были чуть ли не ударить себя по лбу и воскликнуть: как могли мы быть столь глупыми, что сами этого давно не обнаружили!

А если бы даже этих преступлений было недостаточно, чтобы официальная школа отнеслась к Моргану не иначе, как холодно отвернувшись от него, то он переполнил чашу тем, что не только подверг цивилизацию – общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, – такой критике, которая заставляет вспомнить о Фурье, но и высказался о грядущем преобразовании этого общества в таких выражениях, которые мог бы произнести Карл Маркс. Поэтому Морган получил по заслугам, когда Мак-Леннан с возмущением бросил ему упрек в том, что «исторический метод ему совершенно антипатичен», и когда женеvский профессор г-н Жиро-Тёлон подтвердил это и в 1884 г. А ведь этот самый г-н Жиро-Тёлон еще в 1874 г. («Происхождение семьи») беспомощно блуждал в лабирин-

те мак-леннановой экзогамии, откуда его вывел только Морган!

Рассматривать здесь другие успехи, которыми обязана Моргану первобытная история, нет надобности; все необходимое на этот счет можно найти в соответствующих местах моей работы. Четырнадцать лет, истекших со времени появления главного труда Моргана, значительно обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессиональным историкам первобытного общества присоединились юристы, занимающиеся сравнительным правом, которые отчасти дали новый материал, отчасти выдвинули новые точки зрения. Некоторые отдельные гипотезы Моргана были в результате этого поколеблены или даже опровергнуты. Однако нигде вновь собранный материал не привел к необходимости заменить его существенные положения какими-либо другими. Система, внесенная им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор. Можно даже сказать, что она все более и более завоевывает себе общее признание, причем в такой же мере, в какой стараются утаить, что именно он является основоположником этого великого прогресса⁶.

⁶ На обратном пути из Нью-Йорка, в сентябре 1888 г., я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать мне о нем немного. Морган жил в Рочестере как частное лицо, занимаясь лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне, в военном министерстве; при содействии брата

Фридрих Энгельс

Лондон, 16 июня 1891 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2. № 41. 1890–1891 и в книге: Friedrich Engels, «Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats». Stuttgart, 1891.

ему и удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник в то время, когда он был депутатом конгресса, тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом.

Происхождение семьи, частной собственности и государства

В связи с исследованиями

Льюиса Г. Моргана

I. Доисторические ступени культуры

Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация, несомненно, останется в силе.

Из трех главных эпох – дикости, варварства, цивилизации – его, само собой разумеется, занимают только две первые и переход к третьей. Каждую из этих двух эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с прогрессом в производстве средств к жизни, потому что, говорит он,

«искусность в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного

господства над производством продуктов питания. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования»⁷.

Наряду с этим происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разграничения периодов.

1. Дикость

1. *Нижшая ступень.* Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, корни; главное достижение этого периода – возникновение членораздельной речи. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя оно длилось, вероятно, много тысячелетий, доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние.

2. *Средняя ступень.* Начинается с введения рыбной пищи (куда мы относим также раков, моллюсков и других водяных животных) и с применения огня. То и другое взаимно связа-

⁷ См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 229.

но, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню. Но с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности. Грубо сделанные, неотшлифованные каменные орудия раннего каменного века, так называемые палеолитические, целиком или большей частью относящиеся к этому периоду, распространены на всех континентах и являются наглядным доказательством этих переселений. Заселение новых мест и постоянное деятельное стремление к поискам, в соединении с обладанием огнем, добывавшимся трением, доставили новые средства питания: содержащие крахмал корни и клубни, испеченные в горячей золе или пекарных ямах (земляных печах), дичь, которая, с изобретением первого оружия, дубины и копья, стала добавочной пищей, добываемой от случая к случаю. Исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, то есть таких, которые живут только охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна. Вследствие постоянной необеспеченности источниками питания на этой ступени, по-видимому, возникло людоедство, которое с этих пор сохраняется надолго. Австралийцы и многие полинезийцы и теперь еще находятся на этой средней ступени дикости.

3. *Высшая ступень.* Начинается с изобретения лука и стрелы, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а

охота – одной из обычных отраслей труда. Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений. Сравнивая друг с другом народы, которые знают уже лук и стрелу, но еще не знакомы с гончарным искусством (его Морган считает началом перехода к варварству), мы действительно находим уже некоторые зачатки поселения деревнями, известную степень овладения производством средств существования: деревянные сосуды и утварь, ручное ткачество (без ткацкого станка) из древесного волокна, плетеные корзины из лыка или камыша, шлифованные (неолитические) каменные орудия. Огонь и каменный топор обычно дают также возможность уже делать лодки из цельного дерева, а местами изготавливать бревна и доски для постройки жилища. Все эти достижения мы встречаем, например, у индейцев северо-запада Америки, которые хотя и знают лук и стрелу, но не знают гончарного дела. Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, – решающим оружием.

2. Варварство

1. *Нижшая ступень.* Начинается с введения гончарного искусства. Можно доказать, что во многих случаях и, вероят-

но, повсюду оно было обязано своим возникновением обмазыванию плетеных или деревянных сосудов глиной с целью сделать их огнеупорными. При этом скоро нашли, что формованная глина служит этой цели и без внутреннего сосуда.

До сих пор мы могли рассматривать ход развития как вполне всеобщий, имеющий в определенный период силу для всех народов, независимо от их местопребывания. Но с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков. Характерным моментом периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих – только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим, – маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий.

2. *Средняя ступень.* На востоке начинается с приручения домашних животных, на западе – с возделывания съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и

камня.

Мы начинаем с запада, так как здесь, до завоевания Америки европейцами, дальше этой ступени нигде не пошли.

Индейцам, находившимся на низшей ступени варварства (к ним принадлежали все, кто жил к востоку от Миссисипи), был известен уже ко времени их открытия какой-то способ выращивания в огородах маиса и, возможно, также тыквы, дыни и других – огородных растений, которые составляли весьма существенную часть их питания; они жили в деревянных домах, в обнесенных частоколом деревнях. Северо-западные племена, особенно обитавшие в бассейне реки Колумбии, стояли еще на высшей ступени дикости и не знали ни гончарного искусства, ни какого бы то ни было возделывания растений. Напротив, индейцы, относящиеся к так называемым пуэбло в Новой Мексике, мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы находились ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из адобов или камня, выращивали в искусственно орошаемых огородах маис и другие – различные, в зависимости от местоположения и климата, – съедобные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручили некоторых животных: мексиканцы – индюка и других птиц, перуанцы – ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, но за исключением железа, и поэтому они все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое

дальнейшее самостоятельное их развитие.

На востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, по-видимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной. Приручение и разведение скота и образование крупных стад, по-видимому, послужили причиной выделения арийцев и семитов из прочей массы варваров. У европейских и азиатских арийцев домашние животные имеют еще общие названия, культурные же растения – почти никогда.

Образование стад вело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: у семитов – на травянистых равнинах вдоль Евфрата и Тигра, у арийцев – на подобных же равнинах Индии, а также вдоль Оксуса и Яксарта, Дона и Днепра. Впервые приручение животных было достигнуто, по-видимому, на границах таких пастбищных областей. Позднейшим поколениям кажется поэтому, что пастушеские народы произошли из местностей, которые в действительности не только не могли быть колыбелью человечества, но, напротив, были почти непригодны к жизни для их диких предков и даже для людей, стоявших на низшей ступени варварства. Наоборот, после того как эти варвары, находящиеся на средней ступени, привыкли к пастушеской жизни, им никак не могло прийти в голову добровольно вернуться из травянистых речных долин в лесные области, в которых обитали их предки. И даже когда семиты и арийцы были оттеснены дальше, на се-

вер и запад, они не могли перебраться в западноазиатские и европейские лесистые местности раньше, чем возделывание злаков не дало им возможности прокармливать свой скот, особенно зимой, на этой менее благоприятной почве. Более чем вероятно, что возделывание злаков было вызвано здесь прежде всего потребностью в корме для скота и только впоследствии стало важным источником питания людей.

Обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать более успешное развитие обеих этих рас. Действительно, у индейцев пуэбло Новой Мексики, вынужденных кормиться почти исключительно растительной пищей, мозг меньше, чем у индейцев, стоящих на низшей ступени варварства и больше питающихся мясом и рыбой. Во всяком случае, на этой ступени людоедство постепенно исчезает и сохраняется лишь как религиозный акт или, что здесь почти равносильно, как колдовской обряд.

3. *Высшая ступень.* Начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества. Эта ступень, самостоятельно пройденная, как уже сказано, лишь в восточном полушарии, более богата успехами в области производства, чем все предыдущие ступени, вместе взятые. К ней принадлежат греки героической эпохи, италийские племена незадолго до основания Ри-

ма, германцы Тацита, норманны времен викингов⁸.

Прежде всего мы впервые встречаем здесь плуг с железным лемехом, с домашним скотом в качестве тягловой силы; благодаря ему стало возможно земледелие в крупном размере, полеводство, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов; затем – корчевка леса и превращение его в пашню и луг, что опять-таки в широких масштабах невозможно было производить без железного топора и железной лопаты. А вместе с тем начался также быстрый рост населения, которое стало более густым на небольших пространствах. До возникновения полеводства должны были сложиться совершенно исключительные условия, чтобы полмиллиона людей позволило объединить себя под единым центральным руководством; этого, вероятно, никогда и не случалось.

Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэмах Гомера, особенно в «Илиаде». Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, изготовление растительного масла и виноделие, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города, окруженные зубчатыми стенами с башнями, гомеровский эпос и вся мифология – вот главное наслед-

⁸ В издании 1884 г. вместо слов «германцы Тацита, норманны времен викингов» напечатано: «германцы Цезаря (или, как бы мы охотнее сказали, Тацита)».

ство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию. Сравнивая с этим данное Цезарем и даже Тацитом описание германцев, находившихся в начальной стадии той самой ступени культуры, из которой готовились перейти в более высокую гомеровские греки, мы видим, какое богатство достижений в развитии производства имеет высшая ступень варварства.

Набросанная здесь мной, по Моргану, картина развития человечества через ступени дикости и варварства к истокам цивилизации уже достаточно богата чертами новыми и, что еще важнее, неоспоримыми, так как они взяты непосредственно из производства. И все же эта картина покажется бледной и жалкой по сравнению с той, которая развернется перед нами в конце нашего странствования; лишь тогда будет возможно в полной мере осветить переход от варварства к цивилизации и разительную противоположность между ними обоими. Пока же мы можем обобщить морганическую периодизацию таким образом: дикость – период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство – период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация – период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собствен-

НОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА И ИСКУССТВА.

II. Семья

Морган, проведший большую часть своей жизни среди ирокезов, которые и теперь еще живут в штате Нью-Йорк, и усыновленный одним из их племен (племенем сенека), обнаружил, что у них существовала система родства, которая находилась в противоречии с их действительными семейными отношениями. У них господствовало то легко расторгимое обеими сторонами единобрачие, которое Морган обозначает как «парную семью». Потомство такой супружеской пары было поэтому всем известно и общепризнано: не могло быть сомнения относительно того, к кому следует применять обозначения отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но фактическое употребление этих выражений противоречит этому. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом. Детей же своих сестер он называет своими племянниками и племянницами, а они его – дядей. Наоборот, ирокезка называет детей своих сестер, как и своих собственных детей, своими сыновьями и дочерьми, а те называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама является для них теткой. Точно так же дети братьев, как и дети сестер, называют друг друга братьями и сестрами. Напротив, дети женщины и дети ее брата называют друг друга двоюродными бра-

тьями и двоюродными сестрами. И это – не просто не имеющие значения названия, а выражения фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства, и эти взгляды служат основой вполне разработанной системы родства, которая в состоянии выразить несколько сот различных родственных отношений отдельного индивида. Более того: эта система действует в полную силу не только у всех американских индейцев (до сих пор не обнаружено ни одного исключения), но применяется также почти в неизменном виде у древнейших обитателей Индии, дравидских племен Декана и племен гаура в Индостане. Обозначения родства у тамилгов Южной Индии и у ирокезов племени сенека в штате Нью-Йорк одинаковы еще и теперь более чем для двухсот различных родственных отношений. И у этих индийских племен, так же как и у всех американских индейцев, родственные отношения, вытекающие из существующей формы семьи, также находятся в противоречии с системой родства.

Как же это объяснить? При той решающей роли, какую родство играет в общественном строе у всех диких и варварских народов, нельзя одними фразами сбросить со счетов значение этой так широко распространенной системы. Система, общераспространенная в Америке, существующая также в Азии у народов совершенно другой расы, часто встречающаяся в более или менее видоизмененных формах повсюду в Африке и Австралии, – такая система требует

исторического объяснения; от нее нельзя отделаться одними словами, как это пытался сделать, например, Мак-Леннан. Обозначения: отец, ребенок, брат, сестра – не какие-то лишь почетные звания, они влекут за собой вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов. И объяснение нашлось. На Сандвичевых (Гавайских) островах еще в первой половине настоящего века существовала форма семьи, в которой были точно такие отцы и матери, братья и сестры, сыновья и дочери, дяди и тетки, племянники и племянницы, каких требуют американская и древнеиндийская системы родства. Но удивительно! Система родства, действовавшая на Гавайских островах, опять-таки не совпадала с фактически существовавшей там формой семьи. А именно, там все без исключения дети братьев и сестер считаются братьями и сестрами и общими детьми не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, а всех братьев и сестер своих родителей без различия. Если, следовательно, американская система родства предполагает уже не существующую в Америке более примитивную форму семьи, которую мы действительно еще находим на Гавайских островах, то, с другой стороны, гавайская система родства указывает на еще более раннюю форму семьи, существования которой в настоящее время мы, правда, уже нигде не можем обнаружить, но которая должна была существовать, так как иначе не могла бы воз-

никнуть соответствующая система родства.

«Семья», – говорит Морган, – «активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, сделанный за это время семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда семья уже радикально изменилась».

«И точно так же, – прибавляет Маркс, – обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще»⁹. В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такой же достоверностью, с какой Кювье по найденной около Парижа сумчатой кости скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, – с такой же достоверностью можем мы по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи.

Упомянутые выше системы родства и формы семьи отличаются от господствующих ныне тем, что у каждого ребенка несколько отцов и матерей. По американской систе-

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 242.

ме родства, которой соответствует гавайская семья, брат и сестра не могут быть отцом и матерью одного и того же ребенка; гавайская же система родства предполагает семью, в которой, наоборот, это было правилом. Здесь перед нами ряд форм семьи, прямо противоречащих тем, которые до сих пор обычно считались единственно существовавшими. Традиционное представление знает только единобрачие, наряду с ним многоженство одного мужчины, да еще, в крайнем случае, многомужество одной женщины, и при этом, как и подобает морализирующему филистеру, умалчивает, что практика негласно, но бесцеремонно преступает границы, предписанные официальным обществом. Изучение первобытной истории, напротив, показывает нам состояние, при котором мужья живут в многоженстве, а их жены одновременно – в многомужестве, и поэтому дети тех и других считаются общими детьми их всех, состояние, которое, в свою очередь, до своего окончательного перехода в единобрачие претерпевает целый ряд изменений. Эти изменения таковы, что круг, охватываемый общими брачными узами, первоначально очень широкий, все более и более суживается, пока, в конце концов, не остается только отдельная пара, которая и преобладает в настоящее время.

Воссоздавая таким образом историю семьи в обратном порядке, Морган, в согласии с большинством своих коллег, приходит к выводу, что существовало первобытное состояние, когда внутри племени господствовали неограниченные

половые связи, так что каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина – каждой женщине. О таком первобытном состоянии говорили, еще начиная с прошлого века, но ограничивались общими фразами; лишь Бахофен – и в этом одна из его крупных заслуг – отнесся серьезно к этому вопросу и стал искать следы этого состояния в исторических и религиозных преданиях. Мы знаем теперь, что эти найденные им следы возвращают нас вовсе не к общественной ступени неупорядоченных половых отношений, а к гораздо более поздней форме, к групповому браку. Названная примитивная общественная ступень – если она действительно существовала, – относится к столь отдаленной эпохе, что едва ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых, у отставших в своем развитии ди-карей прямые доказательства ее существования в прошлом. Заслуга Бахофена в том и заключается, что он выдвинул на первый план исследование этого вопроса¹⁰.

¹⁰ Называя это первобытное состояние гетеризмом, Бахофен показал этим, как мало он понимал, что именно он открыл или, вернее, угадал. Гетеризмом греки обозначали, когда ввели в употребление это слово, связи мужчин, холостых или живущих в единобрачии, с незамужними женщинами; это предполагает всегда существование определенной формы брака, вне которой имеют место указанные связи, и подразумевает, по крайней мере уже как возможность, проституцию. В ином смысле это слово никогда не употреблялось, и в этом смысле употребляю его и я вместе с Морганом. В высшей степени важные открытия Бахофена повсюду до невероятия мистифицированы его фантастическим представлением, будто источником исторически возникавших отношений между мужчиной и женщиной были всегда соответствующие религиозные представления людей, а не условия их действительной жизни.

С недавнего времени¹¹ вошло в моду отрицать эту начальную ступень половой жизни человека. Хотят избавить человечество от этого «позора». И при этом ссылаются не только на отсутствие какого-либо прямого доказательства, но особенно на пример прочего животного мира; относительно последнего Летурно («Эволюция брака и семьи», 1888) собрал множество фактов, показывающих, что совершенно неупорядоченные половые отношения свойственны и здесь низкой ступени развития. Однако из всех этих фактов я могу вывести лишь то заключение, что они абсолютно ничего не доказывают в отношении человека и его первобытных условий жизни. Длительное парное сожителство у позвоночных животных достаточно объясняется физиологическими причинами: например, у птиц тем, что самка нуждается в помощи в период высиживания птенцов; встречающиеся у птиц примеры прочной моногамии ничего не доказывают в отношении людей, так как люди происходят ведь не от птиц. И если строгая моногамия является вершиной всяческой добродетели, то пальма первенства по праву принадлежит ленточной глисте, которая в каждом из своих 50—200 проглоттид, или члеников тела, имеет полный женский и мужской половой аппарат и всю свою жизнь только и делает, что в каждом из этих члеников совокупляется сама с собой. Если же мы ограничимся млекопитающими животными, то найдем

¹¹ Текст данного и последующих абзацев до раздела «Кровнородственная семья» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

здесь все формы половой жизни – неупорядоченные отношения, подобие группового брака, многоженство, единобрачие; недостает только многомужества, до которого могли прийти только люди. Даже у наших ближайших родственников, четвероруких, обнаруживаются все возможные разновидности группировок самцов и самок; если же взять еще более узкие рамки и рассмотреть лишь четыре рода человекообразных обезьян, то тут Летурно в состоянии только сказать, что у них встречается то моногамия, то полигамия, между тем как Соссюр, согласно Жиро-Тёлону, утверждает, что они моногамны. Новейшие утверждения Вестермарка («История человеческого брака», Лондон, 1891) о моногамии у человекообразных обезьян также еще далеко не могут служить доказательствами. Словом, имеющиеся данные таковы, что добросовестный Летурно признается:

«Впрочем, у млекопитающих животных совсем нет строгого соответствия между степенью умственного развития и формой полового общения».

А Эспинас («О сообществах животных», 1877) прямо говорит:

«Стадо – это высшая социальная группа, которую мы можем наблюдать у животных. Она составляется, по-видимому, из семей, но уже с самого начала семья и стадо находятся в антагонизме, между их развитием существует обратная зависимость».

Как уже видно из сказанного выше, о семейных и других

совместно живущих группах человекообразных обезьян мы почти ничего определенного не знаем; имеющиеся сведения прямо противоречат друг другу. Это и неудивительно. Как противоречивы и как сильно нуждаются в критической проверке и отсеве даже сведения, которые мы имеем о диких человеческих племенах! А сообщества обезьян еще гораздо труднее наблюдать, чем сообщества людей. Пока, следовательно, мы должны отвергнуть всякие заключения, сделанные на основании таких абсолютно ненадежных сообщений.

Напротив, приведенное выше положение Эспинаса дает нам более прочную точку опоры. Стадо и семья у высших животных не дополняют одно другое, а противоположны друг другу. Эспинас очень хорошо показывает, как ревность самцов в период течки ослабляет сплоченность стада или временно разрушает ее.

«Там, где семья тесно сплочена, стадо образуется только как редкое исключение. Напротив, там, где господствует либо свободное половое общение, либо полигамия, стадо образуется почти само собой... Чтобы могло образоваться стадо, семейные узы должны ослабнуть и особь должна снова стать свободной. Поэтому мы так редко встречаем у птиц организованные стаи... Напротив, у млекопитающих мы находим до известной степени организованные сообщества именно потому, что особь здесь не поглощается семьей... Для чувства стадной общности не может поэтому быть при его возникновении

большого врага, чем чувство семейной общности. Скажем прямо: если развилась более высокая общественная форма, чем семья, то это могло случиться только благодаря тому, что она растворила в себе семьи, претерпевшие коренные изменения, причем не исключается, что именно благодаря этому те же семьи впоследствии находили возможность снова организоваться при бесконечно более благоприятных условиях» (Эпинас, цит. соч.; приведено у Жиро-Тёлна, «Происхождение брака и семьи», 1884, стр. 518–520).

Отсюда видно, что хотя сообщества животных и имеют известную ценность для ретроспективных умозаключений относительно сообществ людей, но эта ценность только негативная. У высших позвоночных животных известны, насколько мы знаем, лишь две формы семьи: многоженство и сожитительство отдельными парами; в обоих случаях допускается лишь один взрослый самец, лишь один супруг. Ревность самца, одновременно скрепляющая и ограничивающая семью животных, приводит ее в противоречие со стадом; из-за этой ревности стадо, более высокая форма общения, в одних случаях прекращает свое существование, в других утрачивает сплоченность или распадается на время течки, а в лучшем случае задерживается в своем дальнейшем развитии. Одного этого достаточно для доказательства, что семья животных и первобытное человеческое общество – вещи несовместимые, что первобытные люди, выбиравшиеся

из животного состояния, или совсем не знали семьи, или, самое большее, знали такую, какая не встречается у животных. Такое безоружное животное, как находящийся в процессе становления человек, могло бы еще выжить в небольшом числе даже в условиях изолированного существования, когда высшей формой общения является сожительство отдельными парами, как, по утверждению Вестермарка, опирающегося на рассказы охотников, живут гориллы и шимпанзе. Но для того, чтобы в процессе развития выйти из животного состояния и осуществить величайший прогресс, какой только известен в природе, требовался еще один элемент: недостаток способности отдельной особи к самозащите надо было возместить объединенной силой и коллективными действиями стада. Из тех условий, в которых в настоящее время живут человекообразные обезьяны, переход к человеческому состоянию был бы прямо необъясним; эти обезьяны производят скорее впечатление отклонившихся боковых линий, обреченных на постепенное вымирание и, во всяком случае, находящихся в состоянии упадка. Одного этого достаточно, чтобы отказаться от проведения всяких параллелей между формами семьи у них и у первобытного человека. Ведь взаимная терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких более крупных и долговечных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека. И, действительно, что находим мы в качестве древнейшей, наи-

более ранней формы семьи, существование которой в истории мы можем неоспоримо доказать и которую можно и теперь еще кое-где изучать? Групповой брак, форму брака, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу и которая оставляет очень мало места для ревности. И далее, на более поздней ступени развития мы находим такую представляющую собой исключение форму, как многомужество, которое в еще большей степени находится в вопиющем противоречии с каким-либо чувством ревности и потому неизвестно животным. Но известные нам формы группового брака сопряжены со столь своеобразно запутанными условиями, что они с необходимостью указывают на более ранние, более простые формы полового общения, а вместе с тем, в конечном счете, на соответствующий переходу от животного состояния к человеческому период неупорядоченных половых отношений; поэтому ссылки на браки у животных возвращают нас к тому именно пункту, от которого они должны были нас раз навсегда увести.

Ибо что же это значит: неупорядоченные половые отношения? Это значит, что запретительные ограничения нашего или какого-нибудь более раннего времени не имели тогда силы. Мы уже видели, как отпало ограничение, обусловленное ревностью. А то, что ревность – чувство, развившееся относительно поздно, можно считать твердо установленным. То же самое можно сказать по поводу представления о

кровосмешении. Не только брат и сестра были первоначально мужем и женой, но и половая связь между родителями и детьми еще в настоящее время допускается у многих народов. Банкрофт («Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки», 1875, т. I) свидетельствует о существовании таких отношений у кавиаков на побережье Берингова пролива и у жителей острова Кадьяк близ Аляски, у тинне во внутренней части британской Северной Америки; Латурно дает сводку таких же фактов, встречающихся у индейцев-чиппевеев, у кукусов в Чили, у карайбов, у каренов на Индокитайском полуострове; о рассказах древних греков и римлян о парфянах, персах, скифах, гуннах и др. нечего и говорить. Пока не было открыто, что такое кровосмешение (а это – открытие, и притом в высшей степени ценное), половая связь между родителями и детьми могла вызывать не больше отвращения, чем между другими лицами, принадлежащими к разным поколениям, а это ведь и теперь случается в самых филистерских странах, не возбуждая большого ужаса; даже старые «девы» в возрасте за шестьдесят лет, если они достаточно богаты, выходят иногда замуж за молодых мужчин лет тридцати. Если же от известных нам наиболее ранних форм семьи отбросить связанные с ними представления о том, что является кровосмешением, – представления, совершенно отличные от наших и часто прямо противоречащие им, – то мы получим форму половых отношений, которую можно обозначить только как неупорядо-

ченную. Неупорядоченную постольку, поскольку еще не существовало ограничений, установленных впоследствии обычаем. Но отсюда еще отнюдь не следует неизбежность полного беспорядка в повседневной практике этих отношений. Временное сожителство отдельными парами, как это теперь бывает в большинстве случаев даже при групповом браке, отнюдь не исключается. И если Вестермарк, новейший из исследователей, отрицающих такое первобытное состояние, называет браком всякий случай, когда оба пола остаются в парном сожителстве до рождения потомства, то следует сказать, что такого рода брак вполне мог иметь место при состоянии неупорядоченных отношений, отнюдь не противореча неупорядоченности, то есть отсутствию установленных обычаем ограничений половых связей. Правда, Вестермарк исходит из взгляда, что «неупорядоченность включает подавление индивидуальных склонностей», так что «ее самой подлинной формой является проституция».

Мне же, наоборот, кажется, что никакого понимания первобытных условий не может быть до тех пор, пока их рассматривают через очки дома терпимости. Мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении группового брака.

Согласно Моргану, из этого первобытного состояния неупорядоченных отношений, вероятно, весьма рано развилась:

1. *Кровнородственная семья* – первая ступень семьи.

Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, то есть отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети, правнуки первых, – четвертый круг. Таким образом, в этой форме семьи взаимные супружеские права и обязанности (говоря современным языком) исключаются только между предками и потомками, между родителями и детьми. Братья и сестры – родные, двоюродные, троюродные и более далеких степеней родства – все считаются между собой братьями и сестрами и уже в силу этого мужьями и женами друг друга. Родственное отношение брата и сестры на этой ступени семьи включает в себя половую связь между ними как нечто само собой разумеющееся¹².

Один французский друг¹³ и почитатель Вагнера не согласен с этим примечанием и замечает, что уже в «Старшей Эдде», на которой основывался Вагнер, в «Эгисдрекке», Локи так упрекает Фрейю: «В присутствии богов обняла ты собственного брата». Отсюда будто бы следует, что брак между

¹² В одном письме, написанном весной 1882 г., Маркс в самых резких выражениях отзывается о полном искажении первобытной эпохи в вагнеровском тексте «Нибелунгов». «Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру как супругу?» По поводу этих вагнеровских «богов сладострастия», которые совсем по-современному придают своим любовным похождениям большую пикантность некоторой дозой кровосмешательства, Маркс замечает: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно». (*Примечание Энгельса к изданию 1884 г.*)

¹³ Бонье.

братом и сестрой уже тогда был запрещен. Но «Эгисдрекка» отражает то время, когда вера в старые мифы была полностью утрачена; это – сатира на богов совсем в духе Лукиана. Если Локи словно Мефистофель бросает здесь Фрейе такого рода упрек, то это, скорее, говорит против Вагнера. Притом несколькими стихами дальше Локи говорит Нйордру: «Со своей сестрой породил ты (такого) сына» (*vidh systur thinni gaztu slikan mog*). Правда, Нйордр не ас, а ван, и в «Саге об Инглингах» он говорит, что браки между братьями и сестрами обычны в стране ванов, чего не водится у асов. Это могло бы служить указанием на то, что ваны – более древние боги, чем асы. Во всяком случае, Нйордр живет среди асов, как среди себе равных, и потому «Эгисдрекка» скорее доказывает, что в эпоху возникновения норвежских саг о богах брак между братьями и сестрами, по крайней мере среди богов, не вызывал еще никакого отвращения. Если уж оправдывать Вагнера, то, пожалуй, лучше сослаться вместо «Эдды» на Гете, который в балладе о боге и баядере делает подобную же ошибку относительно религиозной обязанности женщин отдаваться в храмах, слишком сближая этот обычай с современной проституцией¹⁴. Типичным примером подобной семьи было бы потомство одной пары, у которого в каждом последующем поколении все являются между собой братьями и сестрами и как раз поэтому мужьями и женами друг друга. Кровнородственная семья вымерла. Даже у наиболее ди-

¹⁴ Добавление Энгельса к изданию 1891 г.

ких народов, о которых рассказывает история, нельзя найти ни одного бесспорного примера ее. Но то, что такая семья должна была существовать, нас заставляет признать гавайская система родства, остающаяся в силе еще и поныне во всей Полинезии и выражающая такие степени кровного родства, какие могут возникнуть лишь при этой форме семьи; признать это заставляет нас все дальнейшее развитие семьи, предполагающее существование этой формы как необходимой первоначальной ступени.

2. *Пуналуальная семья*. Если первый шаг вперед в организации семьи состоял в том, чтобы исключить половую связь между родителями и детьми, то второй состоял в исключении ее для сестер и братьев. Этот шаг, ввиду большего возрастного равенства участников, был бесконечно важнее, но и труднее, чем первый. Он совершался не сразу, начавшись, вероятно¹⁵, с исключения половой связи между единоутробными братьями и сестрами (то есть с материнской стороны), сперва в отдельных случаях, потом постепенно становясь правилом (на Гавайских островах бывали отступления еще в настоящем столетии) и закончившись запрещением брака даже в боковых линиях, то есть, по нашему обозначению, для детей, внуков и правнуков родных братьев и сестер. Это служит, по мнению Моргана, «прекрасной иллюстрацией того, как действует принцип естественного отбора».

¹⁵ Слово «вероятно» добавлено Энгельсом в издании 1891 г.

Не подлежит сомнению, что племена, у которых кровосмешение было благодаря этому шагу ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее, чем те, у которых брак между братьями и сестрами оставался правилом и обязанностью. А как сильно сказалось влияние этого шага, доказывает непосредственно им вызванное и выходящее далеко за рамки первоначальной цели учреждение Рода, который образует основу общественного порядка большинства, если не всех, варварских народов земли и от которого мы в Греции и Риме переходим непосредственно в эпоху цивилизации.

Каждая первоначальная семья должна была раздробиться самое позднее – через несколько поколений. Первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, которое, без всяких исключений, господствует вплоть до самого расцвета средней ступени варварства, определяло максимальные размеры семейной общины, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные. Но как только возникло представление о непозволительности половой связи между детьми одной матери, это должно было сказаться при дроблении старых и при основании новых домашних общин (которые при этом необязательно совпадали с семейной группой). Ряд или несколько рядов сестер становились ядром одной общины, их единоутробные братья – ядром другой. Таким или подобным путем из кровнородственной семьи произошла форма семьи, названная Морганом пуналуальной. По гавайскому

обычаю известное число сестер, единоутробных или более дальних степеней родства (двоюродных, троюродных и т. д.), было общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья; эти мужья называли уже один другого не братом, они и не должны были более быть братьями, а «пуналуа», то есть близким товарищем, так сказать, *associe*¹⁶. Равным образом ряд братьев, единоутробных или более дальних степеней родства, состоял в общем браке с известным числом женщин, но только не своих сестер, и эти женщины называли друг друга пуналуа. Такова классическая форма семейного уклада, которая впоследствии испытала ряд видоизменений и главной отличительной чертой которой была взаимная общность мужей и жен внутри определенного семейного круга, из коего, однако, были исключены братья жен, сначала единоутробные, а позднее и более дальних степеней родства, а с другой стороны – также и сестры мужей.

Вот эта форма семьи и воспроизводит перед нами с совершенной точностью степени родства, которые нашли свое выражение в американской системе. Дети сестер моей матери все еще являются и ее детьми, равно как дети братьев моего отца также и его детьми, и все они – мои братья и сестры; но дети братьев моей матери теперь являются ее племянниками и племянницами, дети сестер моего отца – его племянниками и племянницами, и все они – мои двоюродные братья и

¹⁶ Компаньоном.

двоюродные сестры. В самом деле, в то время как мужья сестер моей матери все еще остаются ее мужьями, а равным образом жены братьев моего отца – его женами, – юридически, если не всегда фактически, – осуждение обществом половых связей между родными братьями и сестрами привело к разделению детей братьев и сестер, до сих пор без различия признававшихся братьями и сестрами, на два разряда: одни остаются между собой по-прежнему (и для дальних степеней родства) братьями и сестрами, другие – в одном случае дети брата, в другом дети сестры – не могут уже быть братьями и сестрами, не могут уже иметь общих родителей – ни общего отца, ни общей матери, ни их обоих вместе; и поэтому здесь впервые возникает необходимость в разряде племянников и племянниц, двоюродных братьев и сестер, разряде, который был бы лишен всякого смысла при прежнем семейном строе. Американская система родства, которая представляется чистой бессмыслицей при всякой форме семьи, основанной на том или ином виде единобрачия, находит себе разумное объяснение и естественное обоснование, вплоть до своих мельчайших подробностей, в пуналуальной семье. По крайней мере в такой же степени, в какой была распространена эта система родства, должна была существовать также пуналуальная семья или какая-нибудь подобная ей форма ¹⁷.

Об этой форме семьи, действительное существование ко-

¹⁷ Слова «или какая-нибудь подобная ей форма» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

торой на Гавайских островах доказано, мы получили бы, вероятно, сведения из всей Полинезии, если бы благочестивые миссионеры, подобно блаженной памяти испанским монахам в Америке, способны были усмотреть в подобных противохристианских отношениях нечто большее, чем простую «мерзость»¹⁸. Когда Цезарь рассказывает нам о бриттах, находившихся тогда на средней ступени варварства, что «у них каждые десять или двенадцать мужчин имеют общих жен, причем большей частью братья с братьями и родители с детьми», то это лучше всего объясняется наличием группового брака¹⁹. В период варварства матери не имели по десяти-двенадцати сыновей такого возраста, чтобы у них были общие жены, тогда как американская система родства, которая соответствует пуналуальной семье, предполагает большое число братьев, ибо таковыми являются все двоюродные и более отдаленные братья каждого мужчины. Говоря о «родителях с детьми», Цезарь мог ошибаться; правда, при этой системе не абсолютно исключена принадлежность к одной

¹⁸ Следы беспорядочных половых отношений, так называемое греховное зачатие [«Sumpfteugung»], которое открыл, как он полагает, Бахофен, приводят – и теперь в этом нельзя уже больше сомневаться – к групповому браку. «Если Бахофен находит эти браки «пуналуа» «незаконными», то человек той эпохи признал бы большинство нынешних браков между двоюродными и более отдаленными по степени родства братьями и сестрами с отцовской или материнской стороны столь же кровосмесительными, как браки между кровными братьями и сестрами» (Маркс) [см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 368]

¹⁹ В издании 1884 г. вместо слов «группового брака» напечатано: «пуналуальной семье».

брачной группе отца и сына или матери и дочери, но зато не допускается нахождение в ней отца и дочери или матери и сына. Точно так же, исходя из этой или ей подобной²⁰ формы группового брака, легче всего объяснить сообщения Геродота и других древних писателей об общности жен у диких и варварских народов. Это относится и к тому, что сообщают Уотсон и Кей («Население Индии») о тикурах в Ауде (к северу от Ганга):

«Они живут совместно» (речь идет о половых отношениях), «почти беспорядочно, в рамках больших общин, и если двое считаются мужем и женой, то эта брачная связь только номинальная».

Непосредственно из пуналуальной семьи, по-видимому, возник в громадном большинстве случаев институт рода. Правда, исходным моментом для него могла служить также и австралийская система брачных классов: у австралийцев имеются роды, но у них еще нет пуналуальной семьи, а существует более грубая форма группового брака²¹.

При всех формах групповой семьи неизвестно, кто отец ребенка, но известно, кто его мать. Если она и называет всех детей общей семьи своими и несет по отношению к ним материнские обязанности, то она все же отличает своих род-

²⁰ Слова «или ей подобной» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

²¹ В издании 1884 г. вместо слов «а существует более грубая форма группового брака» напечатано: «однако их организация носит столь единичный характер, что нам незачем принимать это во внимание».

ных детей от остальных. Отсюда ясно, что раз существует групповой брак, то происхождение может быть установлено лишь с материнской стороны, а потому признается только женская линия. Так действительно бывает у всех диких народов и у всех народов, стоящих на низшей ступени варварства; и вторая крупная заслуга Бахофена состоит в том, что он первый это открыл. Это признание происхождения исключительно по материнской линии и развившиеся отсюда с течением времени отношения наследования он называет материнским правом; в интересах краткости я сохраняю это обозначение; но оно неудачно, так как на этой ступени развития общества еще нельзя говорить о праве в юридическом смысле.

Если мы теперь возьмем из пуналуальной семьи одну из обеих ее типических групп, а именно группу сестер – единоутробных и более дальних степеней родства (то есть происходящих от единоутробных сестер в первом, втором или более отдаленном поколениях) – вместе с их детьми и их братьями – единоутробными и более дальних степеней родства с материнской стороны (которые, согласно нашей предпосылке, не являются их мужьями), то перед нами будет именно тот круг лиц, которые впоследствии выступают как члены рода в его первоначальной форме. Все они имеют одну общую родоначальницу; в силу своего происхождения от нее все женские потомки в каждом поколении являются сестрами. Но мужья этих сестер уже не могут быть их братьями,

следовательно, не могут происходить от этой родоначальницы, следовательно, не входят в состав этой кровнородственной группы, позднейшего рода; дети их, однако, принадлежат к этой группе, потому что решающую роль играет только происхождение по материнской линии, ибо только одно оно несомненно. С установлением запрета половых связей между всеми братьями и сестрами, даже между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской стороны, указанная группа превратилась в род, то есть конституировалась как твердо установленный круг кровных родственников по женской линии, которые не могут вступать между собой в брак, круг, который с этих пор становится все более и более прочным благодаря другим общим институтам общественного, а также религиозного характера и приобретает все больше отличительных черт по сравнению с другими родами того же племени. Об этом более подробно будет сказано ниже. Но если мы находим, что род не только по необходимости, но и просто как нечто само собой разумеющееся развивается из пуналуальной семьи, то имеется основание признать почти несомненным существование в прошлом этой формы семьи у всех народов, у которых могут быть обнаружены родовые учреждения, то есть почти у всех варварских и культурных народов²².

Когда Морган писал свою книгу, наши сведения о груп-

²² Дальнейший текст до раздела «Парная семья» (см. настоящий том, с. 247) добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

повом браке были еще весьма ограничены. Кое-что было известно о групповых браках у организованных в классы австралийцев, и, кроме того, Морган уже в 1871 г. опубликовал дошедшие до него данные о гавайской пуналуальной семье. Пуналуальная семья давала, с одной стороны, полное объяснение господствующей у американских индейцев системе родства, которая послужила Моргану исходным пунктом всех его исследований; она, с другой стороны, служила готовым отправным пунктом, из которого можно было вывести род, основанный на материнском праве; она представляла собой, наконец, гораздо более высокую степень развития, чем австралийские классы. Понятно поэтому, что Морган рассматривал ее как степень развития, которая необходимо предшествовала парному браку, и приписывал ей всеобщее распространение в древнейшее время. С тех пор мы ознакомились с целым рядом других форм группового брака и знаем теперь, что Морган здесь зашел слишком далеко. Но ему все же посчастливилось натолкнуться в своей пуналуальной семье на высшую, классическую форму группового брака, на ту именно, исходя из которой проще всего объяснить переход к более высокой форме.

Существенным обогащением наших сведений о групповом браке мы больше всего обязаны английскому миссионеру Лоримеру Файсону, который в течение многих лет изучал эту форму семьи на ее классической почве – в Австралии. Низшую степень развития он обнаружил у австралийских

негров в районе Маунт-Гамбир в Южной Австралии. Здесь все племя разделено на два больших класса – кроки и кумите. Половые связи внутри каждого из этих классов строго запрещены; напротив, каждый мужчина одного класса уже от рождения является мужем каждой женщины другого класса, а последняя – его прирожденной женой. Не отдельные индивиды, а целые группы состоят в браке друг с другом, класс с классом. И следует отметить, что ни различие в возрасте, ни близкое кровное родство здесь никогда не служат препятствием для половых связей, а только ограничение, обусловленное разделением на два экзогамных класса. Для любого кроки каждая женщина кумите является по праву его женой; но так как его собственная дочь как дочь женщины кумите по материнскому праву также кумите, то она в силу этого от рождения является женой каждого кроки, а следовательно, и женой своего отца. Во всяком случае, организация классов в том виде, в каком мы ее знаем, не ставит этому никаких препятствий. Таким образом, или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем смутном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего особенно ужасного в половых связях между родителями и детьми, – и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния неупорядоченных половых отношений, – или же половая связь между родителями и детьми была уже воспрещена обычаем к моменту возникновения брачных классов, и в таком случае современное состояние указывает на существо-

вание перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к отказу от нее. Последнее более вероятно. Насколько мне известно, примеров брачных отношений между родителями и детьми в Австралии не приводится, а более поздняя форма экзогамии, род, основанный на материнском праве, так же, как правило, молчаливо предполагает запрещение таких отношений, как нечто уже существовавшее при его возникновении.

Система двух классов встречается, помимо района Маунт-Гамбир в Южной Австралии, также далее к востоку, в бассейне реки Дарлинг, и на северо-востоке, в Квинсленде, и, таким образом, широко распространена. Она исключает лишь браки между братьями и сестрами, между детьми братьев и между детьми сестер по материнской линии, так как они принадлежат к одному классу; дети сестры и брата, напротив, могут вступать в брак друг с другом. Дальнейший шаг к запрещению кровосмешения мы находим у племени камиларои в бассейне реки Дарлинг в Новом Южном Уэльсе, где два первоначальных класса разбились на четыре, причем каждый из этих четырех классов целиком состоит в браке с определенным другим классом. Первые два класса от рождения являются друг для друга супругами; в зависимости от того, принадлежит ли мать к первому или второму классу, ее дети попадают в третий или в четвертый класс; дети последних двух классов, также состоящих в брачных отношениях друг с другом, входят в состав первого и второго клас-

са. Таким образом, одно поколение всегда принадлежит к первому и второму классу, следующее за ним – к третьему и четвертому, третье поколение – снова к первому и второму. В соответствии с этим дети брата и сестры (с материнской стороны) не могут быть мужем и женой, но зато ими могут быть внуки брата и сестры. Этот своеобразно сложный порядок еще более усложняется вклиниванием в него – во всяком случае более поздним, – материнского рода. Но мы не можем входить здесь в рассмотрение этого. Мы видим, таким образом, что стремление воспрепятствовать кровосмешению проявляется все снова и снова, действуя, однако, инстинктивно, стихийно, без ясного осознания цели.

Групповой брак, который здесь, в Австралии, представляет собой еще брак между классами, массовое супружество целого класса мужчин, часто рассеянных по всему материка, со столь же широко разбросанным классом женщин, – этот групповой брак при ближайшем рассмотрении выглядит отнюдь не так ужасно, как его рисует себе привыкшая к публичным домам фантазия филистеров. Напротив, прошло много лет, пока стали только догадываться о его существовании, а совсем недавно снова начали его оспаривать. Поверхностному наблюдателю он представляется в виде непрочно-го единобрачия, а в некоторых местах – в виде многоженства наряду с неверностью, допускавшей от случая к случаю. Нужно было посвятить целые годы, как это сделали Файсон и Хауитт, чтобы открыть регулирующий закон этих

брачных отношений, в практике которых обыкновенный европеец склонен видеть нечто подобное тому, что существует у него на родине, – закон, в силу которого австралийский негр из чужих мест, за тысячи километров от своей родины, среди людей, говорящих на незнакомом ему языке, все-таки нередко в каждом поселении, в каждом племени находит женщин, готовых без сопротивления и возмущения отдаться ему, а мужчина, имеющий несколько жен, уступает одну из них на ночь своему гостю. Там, где европеец усматривает безнравственность и беззаконие, на самом деле господствует строгий закон. Эти женщины принадлежат к брачному классу чужеземца, и потому они от рождения являются его женами; тот самый нравственный закон, который предназначает их друг для друга, воспрещает под угрозой позорного наказания всякую половую связь вне принадлежащих друг другу брачных классов. Даже там, где женщин похищают, что бывает часто и во многих местностях является правилом, закон о брачных классах тщательно соблюдается.

При похищении женщин проявляются уже, впрочем, признаки перехода к единобрачию, по крайней мере в форме парного брака: когда молодой человек с помощью своих друзей похитил или увел девушку, они все по очереди вступают с ней в половую связь, но после этого она считается женой того молодого человека, который был зачинщиком похищения. И, наоборот, если похищенная женщина убежит от мужа и ею завладеет другой мужчина, она становится женой послед-

него, а первый утрачивает свое преимущественное право на нее. Наряду с продолжающим в общем существовать групповым браком – и в рамках этого брака – возникают, таким образом, исключаящие других лиц отношения, соединения отдельных пар на более или менее продолжительное время, а рядом с этим – многоженство, так что и здесь групповой брак начинает отмирать, и вопрос лишь в том, что раньше сойдет со сцены под влиянием европейцев – групповой брак или австралийские негры, которые его придерживаются.

Брак целыми классами в той форме, которая является господствующей в Австралии, представляет собой, во всяком случае, весьма низкую, первоначальную форму группового брака, тогда как пуналуальная семья, насколько нам известно, является высшей ступенью его развития. Первый, по-видимому, соответствует уровню общественного развития дикарей-кочевников, вторая предполагает уже сравнительно устойчивые поселения коммунистических общин и непосредственно приводит к следующей, более высокой ступени развития. Между обеими этими формами брака мы, без сомнения, обнаружим еще некоторые промежуточные ступени; здесь перед нами пока еще только открытая, едва затронутая область исследования.

3. *Парная семья.* Известное соединение отдельных пар на более или менее продолжительный срок имело место уже в условиях группового брака или еще раньше; мужчина имел главную жену (едва ли еще можно сказать – любимую же-

ну) среди многих жен, и он был для нее главным мужем среди других мужей. Это обстоятельство немало способствовало созданию путаницы в головах миссионеров, которые усматривают в групповом браке²³ то беспорядочную общность жен, то самовольное нарушение супружеской верности. Но такое вошедшее в привычку соединение отдельных пар должно было все более и более упрочиваться, чем больше развивался род и чем многочисленнее становились группы «братьев» и «сестер», между которыми брак был теперь невозможен. Данный родом толчок к запрещению браков между кровными родственниками вел еще дальше. Так, мы находим, что у ирокезов и у большинства других стоящих на низшей ступени варварства индейцев брак воспрещен между всеми родственниками, которых насчитывает их система, а таковых несколько сот видов. При такой растущей запутанности брачных запретов групповые браки становились все более и более невозможными; они вытеснялись парной семьей. На этой ступени мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и, при случае, нарушение верности остаются правом мужчин, хотя первое имеет место редко в силу также и экономических причин; в то же время от женщин в течение всего времени сожителства требуется в большинстве случаев строжайшая верность, и за прелюбодеяние их подвергают жестокой каре. Брачные узы, однако,

²³ В издании 1884 г. в этой и предыдущей фразе вместо слов «групповом браке» напечатано: «пуналуальной семье».

легко могут быть расторгнуты любой из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат только матери.

В этом проводимом все дальше исключении кровных родственников из брачного союза тоже продолжает проявляться действие естественного отбора. По словам Моргана,

«браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали породу более крепкую как физически, так и умственно, два прогрессирующих племени сливались воедино, и у новых поколений череп и мозг, естественно, достигали размеров, соответствующих совокупным способностям обоих племен»²⁴.

Племена с родовой организацией должны были, таким образом, одержать верх над отставшими или своим примером увлечь их за собой.

Развитие семьи в первобытную эпоху состоит, следовательно, в непрерывном суживании того круга, который первоначально охватывает все племя и внутри которого господствует общность брачных связей между обоими полами. Путем последовательного исключения сначала более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец, даже просто свойственников всякий вид группового брака становится, в конце концов, практически невозможным, и в результате остается одна, пока еще непрочно соединенная брачная пара, та молекула, с распадением которой брак во-

²⁴ См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 247.

обще прекращается. Уже из этого видно, как мало общего с возникновением единобрачия имела индивидуальная половая любовь в современном смысле этого слова. Еще больше доказывает это практика всех народов, стоящих на этой ступени развития. Тогда как при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах, а, напротив, их скорее было более чем достаточно, теперь женщины стали редки, и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака начинаются похищение и покупка женщин – широко распространенные симптомы, хотя и не более чем симптомы наступившей перемены, которая коренилась гораздо глубже, симптомы, на основании которых, несмотря на то что они касались только способов добывания жен, педантичный шотландец Мак-Леннан придумал, однако, особые виды семьи: «брак-похищение» и «брак-купля». И, помимо того, заключение брака у американских индейцев и у других народов (стоящих на той же ступени развития) – дело не самих вступающих в брак лиц, которых часто и не спрашивают, а их матерей. Нередко, таким образом, бывают просватаны два совершенно незнакомых друг другу лица, и им сообщают о заключенной сделке только тогда, когда наступает время для бракосочетания. Перед свадьбой жених делает подарки сородичам невесты (то есть ее родственникам со стороны матери, но не отцу и его родственникам); эти подарки считаются выкупом за уступаемую девушку. Брак может быть расторгнут по желанию каждого из супругов; но

у многих племен, например у ирокезов, постепенно сложилось отрицательное отношение общественного мнения к такому расторжению брака; при раздорах между супругами посредническую роль берут на себя сородичи той и другой стороны, и только в том случае, если это не помогает, брак расторгается, причем дети остаются у жены, и обеим сторонам предоставляется право вступить в новый брак.

Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства. Но коммунистическое домашнее хозяйство означает господство в доме женщин, так же, как и то, что признавать родной можно лишь мать, при невозможности с уверенностью знать родного отца, означает высокое уважение к женщинам, то есть к матерям. Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех дикарей и у всех племен, стоящих на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение. Каково это положение еще при парном браке, может засвидетельствовать Ашер Райт, бывший много лет миссионером среди ирокезов племени сенека. Он говорит:

«Что касается их семей, то в те времена, когда они еще жили в древних длинных домах» (коммунистические домашние хозяйства нескольких семейств), «... там всегда преобладал какой-нибудь один клан» (род), «так что женщины брали мужей из других кланов» (родов). «... Обычно господствовала в доме женская половина; запасы были общими; но горе тому злополучному мужу или любовнику, который был слишком ленив или неловок и не вносил своей доли в общий запас. Сколько бы ни было у него в доме детей или принадлежащего ему имущества, все равно он каждую минуту мог ждать приказания связать свой узел и убираться прочь. И он не смел даже пытаться оказать сопротивление; дом превращался для него в ад, ему не оставалось ничего другого, как вернуться в свой собственный клан» (род) «или же – как это чаще всего и бывало – вступить в новый брак в другом клане. Женщины были большой силой в кланах» (родах), «да и везде вообще. Случалось, что они не останавливались перед смещением вождя и разжалованием его в простого воина»²⁵.

Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена. – В дополнение замечу еще, что сообщения путешественников и мис-

²⁵ См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 246.

сионеров относительно того, что женщины у диких и варварских народов обременены чрезмерной работой, отнюдь не противоречат сказанному. Разделение труда между обоими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами. Народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо больше подлинного уважения, чем наши европейцы. Дама эпохи цивилизации, окруженная кажущимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает бесконечно более низкое общественное положение, чем выполняющая тяжелый труд женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой (lady, frowa, Frau = госпожа), да по характеру своего положения и была ею.

Целиком ли вытеснен теперь в Америке групповой брак²⁶ парной семьей, должно выяснить более тщательное изучение стоящих еще на высшей ступени дикости северо-западных и, в особенности, южноамериканских народов. В рассказах о последних встречаются столь разнообразные примеры свободы половых отношений, что здесь едва ли возможно допустить полное преодоление древнего группового брака²⁷. Во всяком случае еще не все его следы исчезли. По меньшей ме-

²⁶ В издании 1884 г. вместо слов «групповой брак» напечатано «пуналуальная семья».

²⁷ Эта фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 г.

ре у сорока североамериканских племен мужчина, вступающий в брак со старшей сестрой, имеет право взять в жены также и всех ее сестер, как только они достигают установленного возраста, – остаток общности мужей для целой группы сестер, а о жителях полуострова Калифорния (высшая ступень дикости) Банкрофт рассказывает, что у них бывают празднества, на которые сходятся вместе несколько «племен» в целях беспорядочного полового общения. Речь идет, очевидно, о родах, для коих эти празднества являются формой, в которой сохраняются смутные воспоминания о том времени, когда женщины одного рода имели своими общими мужьями всех мужчин другого рода, и наоборот²⁸. Подобный же обычай господствует еще в Австралии. У некоторых народов бывает, что старшие мужчины, вожди и колдуны-жрецы используют общность жен в своих интересах и монополизируют для себя большинство женщин; но за это они должны в определенные праздники и во время больших народных собраний допускать вновь ранее существовавшую общность

²⁸ Дальнейший текст вплоть до слов: «Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством» добавлен Энгельсом в издании 1891 г. В издании 1884 г. абзац кончался следующим частично использованным Энгельсом в издании 1891 г., а частично опущенным им текстом: «Хорошо известны пережитки подобной практики в древнем мире, как, например, обычай финикийских девушек отдаваться посторонним в храме во время празднеств в честь Астарты; даже средневековое право первой ночи, которое, вопреки усилиям немецких неоромантиков смягчить этот факт, существовало в весьма укоренившейся форме, является остатком пуналуальной семьи, сохранившимся, вероятно, благодаря кельтскому роду (клану)».

и позволять своим женам наслаждаться с молодыми людьми. Целый ряд примеров таких периодических сатурналий, когда на короткий срок вновь вступает в силу старое свободное половое общение, приводит Вестермарк на стр. 28–29 своей книги: у племен хо, сантал, панджа и котар в Индии, у некоторых африканских народов и т. д. Станным образом Вестермарк делает отсюда тот вывод, что это пережиток не группового брака, существование которого он отрицает, а общего первобытному человеку с другими животными периода течки.

Мы подходим здесь к четвертому великому открытию Бахофена – к открытию широко распространенной переходной формы от группового брака к парному. То, что Бахофен изображает как искупление за нарушение древних заповедей богов, – искупление, ценой которого женщина приобретает право на целомудрие, – в действительности только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в древние времена общности мужей и приобретает право принадлежать только одному мужчине. Этот выкуп состоит в ограниченном определенными рамками обычае отдаваться посторонним: вавилонские женщины должны были раз в год отдаваться мужчинам в храме Милитты; другие народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где они должны были предаваться свободной любви со своими избранниками, прежде чем получить право на вступление в брак; подобные

обычаи, облеченные в религиозную оболочку, свойственны почти всем азиатским народам, живущим между Средиземным морем и Гангом. Искупительная жертва, играющая роль выкупа, становится с течением времени все легче, как это уже заметил Бахофен:

«Ежегодно повторявшееся принесение этой жертвы уступает место однократной повинности, гетеризм матрон уступает место гетеризму девушек; вместо того чтобы практиковать его во время брака, им занимаются до брака; вместо того чтобы отдаваться без разбора всякому, отдаются только определенным лицам» («Материнское право», стр. XIX).

У других народов религиозная оболочка отсутствует: у некоторых – в древности у фракийцев, кельтов и др., в настоящее время еще у многих коренных обитателей Индии, у малайских народов, у тихоокеанских островитян и у многих американских индейцев – девушки пользуются до своего замужества полнейшей половой свободой. Это особенно распространено почти всюду в Южной Америке, что может засвидетельствовать каждый, кто проникал хоть немного вглубь этого материка. Так, Агассис («Путешествие в Бразилию», Бостон и Нью-Йорк, 1886, стр. 266) рассказывает следующее об одной богатой семье индейского происхождения. Когда он познакомился с дочерью, он спросил об ее отце, полагая, что это муж ее матери, который участвовал в это время в качестве офицера в войне с Парагваем, но мать с

улыбкой ответила: *nao tern pai, e filha da fortuna* – у нее нет отца, она – дитя случая.

«Так всегда говорят индейские женщины и метиски без стыда и стеснения о своих внебрачных детях; и это вовсе не исключение, исключением, по-видимому, является скорее обратное. Дети... часто знают только свою мать, потому что все заботы и ответственность падают на нее; о своем отце они ничего не знают, да и женщине, по-видимому, никогда не приходит в голову, что она или ее дети могут иметь к нему какие-либо претензии».

То, что здесь цивилизованному человеку представляется странным, согласно материнскому праву и в условиях группового брака является попросту правилом.

У одних народов друзья и родные жениха или приглашенные на свадьбу гости предъявляют во время самой свадьбы унаследованное от древних времен право на невесту, причем жених оказывается последним в очереди; так было в древности на Балеарских островах и у африканских авгилов, а у *бареа* в Абиссинии имеет место и в настоящее время. У других народов какое-нибудь должностное лицо, предводитель племени или рода, касик, шаман, жрец, князь, или как бы он ни назывался, является представителем общины и пользуется по отношению к невесте правом первой ночи. Вопреки всем усилиям неоромантиков смягчить этот факт это jus

primae noctis²⁹ существует еще и поныне как пережиток группового брака у большинства обитателей Аляски (Банкрофт, «Туземные племена», I, 81), у таху в Северной Мексике (там же, стр. 584) и у других народов; и оно существовало в течение всего средневековья – по крайней мере в странах, которые были первоначально кельтскими, например в Арагоне, и где оно произошло непосредственно от группового брака. В то время как в Кастилии крестьянин никогда не был крепостным, в Арагоне царило крепостничество в самых гнусных формах вплоть до третейского решения Фердинанда Католика от 1486 г. В этом документе сказано:

«Мы постановляем и объявляем, что вышеупомянутые господа» (senyors, бароны) «...не имеют также права, когда крестьянин берет себе жену, спать с ней первую ночь, или, в знак своего владычества в свадебную ночь, когда жена ляжет в постель, переступить через эту постель и упомянутую женщину; вышеупомянутые господа не имеют также права требовать услуг от дочери или сына крестьянина против их воли, будь то за плату или без платы». (Оригинальный текст на каталонском языке цитируется у Зугенхейма, «Крепостное право», Петербург, 1861, стр. 355.)

Бахофен, далее, безусловно прав, когда настойчиво утверждает, что переход от того, что он называет «гетеризмом»,

²⁹ Право первой ночи.

или «греховным зачатием», к единобрачию совершился, главным образом, благодаря женщинам. Чем больше с развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унижительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной. От мужчин этот шаг вперед не мог исходить, помимо прочего, уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказываться от удобств фактического группового брака. Только после того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию, – разумеется, только для женщин.

Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, кое-где лишь – на низшей ступени варварства. Это – характерная форма семьи для эпохи варварства, так же, как групповой брак – для дикости, а моногамия – для цивилизации. Для дальнейшего развития парной семьи в прочную моногамию нужны были иные причины, чем те, которые, как мы видели, действовали до сих пор. Уже в парном сожителстве группа была сведена к своей последней единице, своей двух-

атомной молекуле, – к одному мужчине и одной женщине. Естественный отбор завершил свое дело путем проводимых все дальше изъятий из брачного общения; в этом направлении ему уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не начали действовать новые общественные движущие силы, то не было бы никакого основания для возникновения из парного сожительства новой формы семьи. Но такие движущие силы вступили в действие.

Мы покидаем теперь Америку, эту классическую почву парной семьи. Нет никаких признаков, которые позволяли бы заключить, что здесь развилась более высокая форма семьи, что здесь до открытия и завоевания когда-либо существовала где-нибудь прочная моногамия. Иначе обстояло дело в Старом свете.

Здесь приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения. Вплоть до низшей ступени варварства постоянное богатство состояло почти только из жилища, одежды, грубых украшений и орудий для добывания и приготовления пищи: лодки, оружия, домашней утвари простейшего вида. Пищу приходилось изо дня в день добывать вновь. Теперь же прогрессировавшие пастушеские народы – арийцы в индийском Пятиречье и в области Ганга, как и в еще гораздо более богатых в ту пору водой степях бассейнов рек Оксуса и Яксарта, семиты по Евфрату и Тигру – приобрели в стадах лошадей,

верблюдов, ослов, крупного рогатого скота, овец, коз и свиней – имущество, которое требовало только надзора и самого примитивного ухода, чтобы размножаться все в большем и большем количестве и доставлять обильнейшую молочную и мясную пищу. Все прежние способы добывания пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, безусловно, роду. Однако уже рано должна была развиваться частная собственность на стада. Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как глава семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного старейшины рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. И, несомненно, далее, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность³⁰ глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот – рабов.

Ибо теперь изобретено было также и рабство. Для человека низшей ступени варварства раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы обращались с побежденными врага-

³⁰ В издании 1884 г. вместо слов «обособленную собственность» напечатано «частную собственность».

ми совсем не так, как с ними поступали на более высокой ступени развития. Мужчин они убивали или же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или иным способом также принимали вместе с их уцелевшими детьми в состав своего племени. Рабочая сила человека на этой ступени не дает еще сколько-нибудь заметного избытка над расходами по ее содержанию. С введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, полеводства положение изменилось. С рабочей силой, в особенности после того как стада окончательно перешли во владение семей³¹, произошло то же, что с женами, которых раньше добывать было так легко и которые приобрели теперь меновую стоимость и стали покупаться. Семья увеличивалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться взятым в плен врагом, который к тому же мог так же легко размножаться, как и скот.

Такие богатства, поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей³² и быстро возрастали, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде. Парный брак ввел в семью новый элемент. Рядом с родной матерью он поставил достоверного родного отца, который к тому же, вероятно, был даже более

³¹ В издании 1884 г. вместо слов «во владение семей» напечатано «в частное владение».

³² Слова «отдельных семей» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

достоверен, чем иные современные «отцы». Согласно существовавшему тогда разделению труда в семье, на долю мужа выпадало добывание пищи и необходимых для этого орудий труда, следовательно, и право собственности на последние; в случае расторжения брака он забирал их с собой, а за женой оставалась ее домашняя утварь. По обычаю тогдашнего общества муж был поэтому также собственником нового источника пищи – скота, а впоследствии и нового орудия труда – рабов. Но по обычаю того же общества его дети не могли его наследовать, так как с наследованием дело обстояло следующим образом.

Согласно материнскому праву, следовательно, до тех пор, пока происхождение считалось только по женской линии, а также в соответствии с первоначальным порядком наследования в роде умершему члену рода наследовали его сородичи. Имущество должно было оставаться внутри рода. Ввиду того, что составлявшие его предметы были незначительны, оно на практике, вероятно, искони переходило к ближайшим сородичам, следовательно, – к кровным родственникам со стороны матери. Но дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери; они наследовали матери первоначально вместе с остальными ее кровными родственниками, позднее, возможно, – в первую очередь; но своему отцу они не могли наследовать, так как не принадлежали к его роду, имущество же отца должно было оставаться в этом последнем. Следовательно, после смерти владельца стад его

стада должны были переходить прежде всего к его братьям и сестрам и к детям его сестер или же к потомкам сестер его матери. Его же собственные дети оказывались лишенными наследства.

Таким образом, по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить традиционный порядок наследования в пользу детей. Но это не могло иметь места, пока происхождение велось в соответствии с материнским правом. Поэтому последнее должно было быть отменено, и оно было отменено. Это было совсем не так трудно, как нам теперь представляется. Ведь этой революции – одной из самых радикальных, пережитых человечеством, – не было надобности затрагивать ни одного из живущих членов рода. Все они могли оставаться и далее тем, чем были раньше. Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство членов рода мужчин должно оставаться внутри него, тогда как потомство женщин должно исключаться из него и переходить в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской и право наследования по материнской линии и вводилось определение происхождения по мужской и право наследования по отцовской линии. Мы ничего не знаем о том, как и когда эта революция произошла у культурных народов. Она целиком относится к доисторической эпохе. Но

что такая революция произошла, более чем достаточно доказано сведениями о многочисленных следах материнского права, в особенности собранными Бахофеном; как легко она совершается, мы видим на примере целого ряда индейских племен, где она произошла только недавно и еще происходит отчасти под влиянием растущего богатства и изменившегося образа жизни (переселение из лесов в прерии), отчасти под моральным воздействием цивилизации и миссионеров. Из восьми племен бассейна Миссури шесть ведут происхождение и признают наследование по мужской линии, а два еще по женской линии. У племен шауни, майями и делаваров укоренился обычай: называя детей одним из родовых имен отцовского рода, приобщать их таким путем к этому роду, чтобы они могли наследовать своему отцу. «Свойственная человеку казуистика – изменять вещи, меняя их названия, и находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением!» (Маркс)³³. Из-за этого происходила безнадежная путаница, которая могла быть устранена и отчасти действительно была устранена переходом к отцовскому праву. «Этот переход кажется вообще самым естественным» (Маркс)³⁴. – О том³⁵, что могут сказать нам юристы, пользующиеся сравнительным методом, отно-

³³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 311.

³⁴ Там же. С. 112.

³⁵ Данный текст до конца абзаца добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

сительно того, как совершался этот переход у культурных народов Старого света, – почти все это, конечно, только гипотезы (см. М. Ковалевский, «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», Стокгольм, 1890).

Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и – еще более – классической эпохи, постепенно было лицемерно приукрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме – патриархальной семье. Ее главная характерная черта – не многоженство, о котором речь будет ниже, а «организация известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи. В семье семитского типа этот глава семьи живет в многоженстве, несвободные имеют жену и детей, а цель всей организации состоит в уходе за стадами в пределах определенной территории».

Существенными признаками такой семьи являются включение в ее состав несвободных и отцовская власть; поэтому

законченным типом этой формы семьи является римская семья. Слово *familia* первоначально означает не идеал современного филистера, представляющий собой сочетание сентиментальности и домашней грызни; у римлян оно первоначально даже не относится к супругам и их детям, а только к рабам. *Famulus* – значит, домашний раб, а *familia* – это совокупность принадлежащих одному человеку рабов. Еще во времена Гая *familia, id est patrimonium* (то есть наследство) передавалось по завещанию. Выражение это было придумано римлянами для обозначения нового общественного организма, глава которого был господином жены и детей и некоторого числа рабов, обладая в силу римской отцовской власти правом распоряжаться жизнью и смертью всех этих подчиненных ему лиц.

«Это выражение, таким образом, не древнее одетой в железную броню семейной системы латинских племен, возникшей после введения полеводства и узаконения рабства и после отделения арийских италиков от греков».

Маркс к этому добавляет: «Современная семья содержит в зародыше не только рабство (*servitus*), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земельными повинностями. Она содержит в миниатюре все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»³⁶.

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 249–250.

Такая форма семьи означает переход от парного брака к моногамии. Чтобы обеспечить верность жены, а следовательно, и происхождение детей от определенного отца, жена отдается под безусловную власть мужа; если он ее убивает, он только осуществляет свое право³⁷.

С появлением патриархальной семьи мы вступаем в область писаной истории и вместе с тем в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам значительную помощь. И действительно, благодаря ему мы сделали здесь существенный шаг вперед. Мы обязаны Максиму Ковалевскому («Очерк происхождения и развития семьи и собственности», Стокгольм, 1890, стр. 60—100) доказательством того, что патриархальная домашняя община, встречающаяся теперь еще у сербов и болгар под названием Zadruga (примерно означает «содружество») или Bratstvo (братство), и в видоизмененной форме у восточных народов, образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира. Это, по-видимому, действительно доказано, во всяком случае для культурных народов Старого света, для арийцев и семитов.

Южнославянская задруга представляет собой наилучший еще существующий образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вме-

³⁷ Дальнейший текст до слов: «Прежде чем перейти к моногамии» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

сте с их женами, причем все они живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина (*domàcín*), который представляет ее перед внешним миром, имеет право продавать мелкие предметы, ведает кассой, неся ответственность как за нее, так и за правильное ведение всего хозяйства. Он избирается и отнюдь необязательно должен быть старшим по возрасту. Женщины и выполняемые ими работы подчинены руководству домохозяйки (*domàcín*), которой обыкновенно бывает жена домачина. Она играет также важную, часто решающую роль при выборе мужей для девушек общины. Но высшая власть сосредоточена в семейном совете, в собрании всех взрослых членов общины, как женщин, так и мужчин. Перед этим собранием отчитывается домохозяин; оно принимает окончательные решения, вершит суд над членами общины, выносит постановления о более значительных покупках и продажах – особенно когда дело касается земельных владений, – и т. д.

Только приблизительно десять лет тому назад было доказано, что такие большие семейные общины продолжают существовать и в России; теперь общепризнано, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они фигурируют в древнейшем русском сборнике законов – в «Правде» Ярослава, под тем же самым

названием (*verv*³⁸), как и в далматинских законах, и указания на них можно найти также в польских и чешских исторических источниках.

У германцев также, согласно Хейслеру («Основные начала германского права»), хозяйственной единицей первоначально являлась не индивидуальная семья в современном смысле, а «домашняя община», состоящая из нескольких поколений со своими семьями и притом довольно часто охватывающая и несвободных. Римскую семью также относят к этому типу, и в соответствии с этим в последнее время подвергают весьма большому сомнению как абсолютную власть домохозяина, так и бесправие по отношению к нему остальных членов семьи. У кельтов также, по-видимому, существовали подобные семейные общины в Ирландии; во Франции они сохранились в Ниверне вплоть до французской революции под названием *parsonneries*, а во Франш-Конте они и до настоящего времени еще не совсем исчезли. В районе Луана (департамент Соны и Луары) встречаются большие крестьянские дома с общим высоким, доходящим до самой крыши центральным залом и расположенными вокруг него спальнями, в которые поднимаются по лестницам в 6–8 ступенек и где живут несколько поколений одной и той же семьи.

В Индии домашняя община с совместной обработкой земли упоминается уже Неархом в эпоху Александра Великого,

³⁸ Вervь.

и она существует еще и теперь в той же местности, в Пенджабе, и на всем северо-западе страны. На Кавказе Ковалевский сам смог доказать ее существование. В Алжире она еще существует у кабилов. Она встречалась, по-видимому, даже в Америке; ее предполагают найти в «calpullis» древней Мексики, которые описывает Сурита; напротив, Кунов («Ausland», № 42—44, 1890) довольно ясно доказал, что в Перу ко времени его завоевания существовало нечто вроде маркового строя (причем удивительно, что эта марка также называлась тагса), с периодическими переделами обработанной земли, следовательно, с индивидуальной обработкой земли.

Во всяком случае, патриархальная домашняя община с общим землевладением и совместной обработкой земли приобретает теперь совсем иное значение, чем раньше. Мы уже не можем подвергать сомнению ту важную роль, которую она играла у культурных и некоторых других народов Старого света при переходе от семьи, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье. В последующем изложении мы еще вернемся к сделанному Ковалевским дальнейшему выводу, что она была также переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или община-марка, с индивидуальной обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов.

Относительно семейной жизни внутри этих домашних об-

щин следует заметить, что по крайней мере в России о главах семей известно, что они сильно злоупотребляют своим положением по отношению к молодым женщинам общины, особенно к своим снохам, и часто образуют из них для себя гарем; русские народные песни весьма красноречивы на этот счет.

Прежде чем перейти к моногамии, быстро развивающейся с падением материнского права, скажем еще несколько слов о многоженстве и многомужестве. Обе эти формы брака могут быть только исключениями, – так сказать, историческими предметами роскоши, – не считая разве только одновременного существования их обоих в какой-либо стране, чего, как известно, не бывает. Так как, следовательно, оказавшись вне многоженства мужчины не могли находить утешения у женщин, ставших излишними вследствие многомужества, число же мужчин и женщин, независимо от социальных учреждений, до сих пор было почти одинаковым, то ни та, ни другая форма брака сама по себе не могла стать общепринятой. В действительности многоженство одного мужчины было, очевидно, результатом рабства и было доступно только лицам, занимавшим исключительное положение. В патриархальной семье семитского типа в многоженстве живет только сам патриарх и, самое большее, несколько его сыновей, остальные должны довольствоваться одной женой. Так обстоит дело еще в настоящее время на всем Востоке; многоженство – привилегия богатых и знатных и осуществля-

ется главным образом путем покупки рабынь; масса народа живут в моногамии. Такое же исключение представляет многожество в Индии и Тибете; небезынтересный, без сомнения, вопрос о его происхождении из группового брака³⁹ подлежит еще дальнейшему изучению. Впрочем, в своей практике многожество, по-видимому, отличается гораздо большей терпимостью, чем ревнивый режим магометанских гаремов. Так, по крайней мере, у наиров в Индии, хотя каждые трое, четверо и более мужчин имеют одну общую жену, однако каждый из них может наряду с этим иметь совместно с другими тремя и более мужчинами вторую жену, равно как и третью, четвертую и т. д. Удивительно, что Мак-Леннан, описывая эти брачные клубы, члены которых могут одновременно состоять в нескольких клубах, не открыл новой категории клубного брака. Этот обычай брачных клубов, впрочем, отнюдь не является действительным многожеством; напротив, как уже заметил Жиро-Тёлон, это просто особая форма группового брака; мужчины живут в многоженстве, женщины – в многожестве⁴⁰.

4. *Моногамная семья*. Она возникает из парной семьи, как показано выше, на рубеже между средней и высшей ступенью варварства; ее окончательная победа – один из признаков наступления эпохи цивилизации. Она основана на

³⁹ В издании 1884 г. вместо «группового брака» напечатано «пуналуальной семье».

⁴⁰ Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 г.

господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь уже, как правило, только муж может их расторгнуть и отвергнуть свою жену. Право на супружескую неверность остается обеспеченным за ним и теперь, во всяком случае, в силу обычая (Code Napoleon⁴¹ определенно предоставляет такое право мужу, если только он не вводит сожительницу под семейный кров), и по мере дальнейшего общественного развития оно осуществляется все шире; если же жена вспомнит о былой практике половых отношений и захочет возобновить ее, то подвергается более строгой каре, чем когда-либо прежде.

Во всей своей суровости новая форма семьи выступает перед нами у греков. В то время, замечает Маркс⁴², как положение богинь в мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины занимали еще более свободное и почетное положение, в героическую эпоху мы застаем женщину уже приниженной господством мужчины и конкуренци-

⁴¹ Кодекс Наполеона.

⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 251.

ей рабынь⁴³. Достаточно прочесть в «Одиссее», как Телемах обрывает свою мать и заставляет ее замолчать⁴⁴. Захваченные в плен молодые женщины становятся у Гомера жертвой плотской страсти победителей: военачальники по очереди и в соответствии со своим рангом выбирают себе самых красивых из них; все действие «Илиады», как известно, разворачивается вокруг спора между Ахиллесом и Агамемноном из-за такой рабыни. При каждом сколько-нибудь значительном гомеровском герое упоминается пленная девушка, с которой он делит палатку и ложе. Этих девушек берут также с собой на родину и в супружеский дом, как, например, у Эсхила Агамемнон поступает с Кассандрой⁴⁵; рожденные от таких рабынь сыновья получают небольшую долю отцовского наследства и считаются свободными гражданами; Тевкр является таким внебрачным сыном Теламона и может называть себя по отцу. От законной жены требуется, чтобы она мирилась со всем этим, сама же строго соблюдала целомудрие и супружескую верность. Хотя греческая женщина героической эпохи пользуется большим уважением, чем жен-

⁴³ В издании 1884 г. конец этой фразы был дан в следующем виде: «в героическую эпоху мы застаем женщину в положении полузатворнической изоляции, имеющем целью обеспечить достоверность отцовства для детей». Последующий текст до слов «гречанки довольно часто находили возможность обманывать своих мужей» почти целиком добавлен Энгельсом в издании 1891 г. с использованием нескольких фраз, которые имелись в издании 1884 г.

⁴⁴ Гомер. Одиссея, песнь первая.

⁴⁵ Эсхил. Орестея. Агамемнон.

щина эпохи цивилизации, все же она, в конце концов, является для мужчины только матерью его рожденных в браке законных наследников, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему усмотрению может делать и фактически делает своими наложницами. Именно существование рабства рядом с моногамией, наличие молодых красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении мужчины, придало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией только для женщины, но не для мужчины. Такой характер она сохраняет и в настоящее время.

У греков более позднего периода следует проводить различие между дорийцами и ионийцами. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, брачные отношения во многом еще более архаичны, чем даже те, которые изображены Гомером.

В Спарте существует парный брак, видоизмененный в соответствии с принятыми там воззрениями на государство и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 560 лет до н. э.), имевший бездетную жену, взял вторую и вел два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому нравилась жена его друга, мог делить ее с ним, и признавалось прилич-

ным предоставлять свою жену в распоряжение, как выразился бы Бисмарк, здорового «жеребца», даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который домогается ее любви, можно заключить, согласно Шману, даже о еще большей свободе нравов. Действительное нарушение супружеской верности – измена жены за спиной мужа – было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашнего рабства, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов было меньше соблазна пользоваться их женами. Естественно, что в силу всех этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков. Спартанские женщины и лучшая часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и высказывания которых они признают заслуживающими упоминания.

Совершенно иное положение мы находим у ионийцев, для которых характерны Афины. Девушки учились лишь прясть, ткать и шить, самое большое – немного читать и писать. Они жили почти затворницами, пользовались обществом лишь других женщин. Женский покой находился в обособленной части дома, в верхнем этаже или в глубине, куда мужчинам, в особенности чужим, нелегко было проникнуть и куда женщины удалялись при посещении дома мужчинами. Женщи-

ны не выходили без сопровождения рабыни; дома они буквально находились под стражей; Аристофан упоминает о молосских собаках, которых держали для устрашения нарушителей супружеской верности, а, по крайней мере в азиатских городах, для надзора за женщинами держали евнухов, которые уже во время Геродота фабриковались на острове Хиос для продажи и, согласно Ваксмуту, не для одних только варваров. У Еврипида жена обозначается словом *oikureta*⁴⁶, как вещь для присмотра за хозяйством (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой. Муж занимался своими гимнастическими упражнениями, своими общественными делами, от участия в которых жена была отстранена; он, кроме того, имел еще часто к своим услугам рабынь, а в период расцвета Афин – широко распространенную и, во всяком случае, находившуюся под покровительством государства проституцию. Именно на почве этой проституции выработались единственные яркие типы греческих женщин, которые так же возвышались над общим уровнем женщин античности своим умом и художественным вкусом, как спартанки своим характером. Но то обстоятельство, что нужно было сначала сделаться гетерой, чтобы стать подлинной женщиной, служит самым суровым осуждением афинской семьи.

Эта афинская семья с течением времени сделалась образ-

⁴⁶ *Еврипид*. Орест.

цом, по которому устраивали свои домашние порядки не только остальные ионийцы, но постепенно и все греки как внутри страны, так и в колониях. Однако, вопреки всему этому затворничеству и надзору, гречанки довольно часто находили возможность обманывать своих мужей, а последние, стыдившиеся обнаружить хотя бы какое-нибудь чувство любви к своим женам, развлекались всяческими любовными похождениями с гетерами; но унижение женщин мстило за себя и унижало самих мужчин, вплоть до того, что в конце концов они погрязли в противоестественной любви к мальчикам и лишили достоинства своих богов, как и самих себя, мифом о Ганимеде.

Таково было происхождение моногамии, насколько мы можем проследить его у самого цивилизованного и наиболее развитого народа древности. Она отнюдь не была плодом индивидуальной половой любви, с которой она не имела абсолютно ничего общего, так как браки по-прежнему оставались браками по расчету. Она была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия⁴⁷ – именно победа частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать

⁴⁷ В издании 1884 г. вместо слов «экономические условия» напечатано: «общественные условия»; конец фразы со слов «именно победа частной собственности» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

его богатство, – такова была исключительная цель единобрачия, откровенно провозглашенная греками. В остальном же оно было для них бременем, обязанностью по отношению к богам, государству и собственным предкам, которую приходилось выполнять. В Афинах закон предписывал не только вступление в брак, но и выполнение мужем определенного минимума так называемых супружеских обязанностей⁴⁸.

Таким образом, единобрачие появляется в истории отнюдь не в качестве основанного на согласии союза между мужчиной и женщиной и еще меньше в качестве высшей формы этого союза. Напротив. Оно появляется как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами. В одной старой ненапечатанной рукописи 1846 г., принадлежащей Марксу и мне, я нахожу следующее: «Первое разделение труда было между мужчиной и женщиной для производства детей»⁴⁹. К этому я могу теперь добавить: первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. Единобрачие было великим историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий

⁴⁸ Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 г.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.

прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других. Единобрачие – это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий.

Старая относительная свобода половых связей отнюдь не исчезла с победой парного брака или даже единобрачия.

«Старая система брака, введенная в более тесные границы в результате постепенного вымирания пуналуальных групп, все еще служила той средой, в которой развивалась семья, и тормозила ее развитие вплоть до первых проблесков цивилизации... она исчезла, наконец, перейдя в новую форму гетеризма, которая и в период цивилизации следует за людьми, точно мрачная тень, лежащая на семье».

Под гетеризмом Морган понимает существующие наряду с единобрачием внебрачные половые связи мужчин с незамужними женщинами, что, как известно, процветает в самых различных формах на протяжении всего периода цивилизации и все более и более превращается в неприкрытую проституцию⁵⁰. Этот гетеризм ведет свое происхождение непосредственно от группового брака, от той жертвы, ценой которой женщины, отдаваясь посторонним, покупали

⁵⁰ Дальнейший текст до слов: «Гетеризм – это такой же общественный институт» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

себе право на целомудрие. Отдаваться за деньги было первоначально религиозным актом; это происходило в храме богини любви, и деньги шли в первое время в сокровищницу храма. Гиеродулы Анаитис в Армении, Афродиты в Коринфе, а также состоящие при храмах религиозные танцовщицы Индии, так называемые баядерки (искаженное португальское *bailadeira* – танцовщица), были первыми проститутками. Отдаваться посторонним мужчинам – первоначально обязанность каждой женщины – стало впоследствии уделом только этих жриц, как бы замещавших всех остальных. У других народов гетеризм ведет свое происхождение от предоставлявшейся девушкам до брака половой свободы и, следовательно, также является пережитком группового брака, только дошедшим до нас другим путем. С возникновением имущественного неравенства, то есть уже на высшей ступени варварства, наряду с рабским трудом спорадически появляется и наемный труд, и одновременно как необходимый его спутник – профессиональная проституция свободных женщин наряду с принуждением рабынь отдаваться мужчинам. Таким образом, наследство, завещанное групповым браком цивилизации, двойственно, как двойственно, двулико, внутренне раздвоенно, противоречиво и все, что порождено цивилизацией: с одной стороны – моногамия, а с другой – гетеризм вместе с его самой крайней формой – проституцией. Гетеризм – это такой же общественный институт, как и всякий другой; он обеспечивает дальнейшее существование ста-

рой половой свободы – в пользу мужчин. На деле не только терпимый, но и широко практикуемый, особенно же используемый господствующими классами, гетеризм на словах подвергается осуждению. Но это осуждение в действительности направляется не против причастных к этому мужчин, а только против женщин; их презирают и выбрасывают из общества, чтобы таким образом снова провозгласить как основной общественный закон, неограниченное господство мужчин над женским полом.

Но вместе с этим развивается второе противоречие внутри самой моногамии. Рядом с мужем, скрашивающим свое существование гетеризмом, стоит покинутая супруга⁵¹. Одна сторона противоречия также немислима без другой, как невозможно иметь в руке целое яблоко после того, как съедена его половина. Однако не таково, по-видимому, было мнение мужчин, пока жены не вразумили их. Вместе с единобрачием появляются два неизменных, ранее неизвестных характерных общественных типа: постоянный любовник жены и муж-рогоносец. Мужчины одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взялись побежденные. Рядом с единобрачием и гетеризмом неустранимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое. Достоверность происхождения детей от законного отца продолжала, как и раньше, основываться самое большее на нравствен-

⁵¹ Эта и предыдущая фразы добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

ном убеждении, и, чтобы разрешить неразрешимое противоречие, Code Napoleon ввел статью 312:

«L'enfant conçu pendant le mariage a pour père le mari» – «отцом ребенка, зачатого во время брака, является муж».

Таков конечный результат трехтысячелетнего существования единобрачия.

Таким образом, в тех случаях, когда индивидуальная семья остается верна своему историческому происхождению и когда в ней в силу исключительного господства мужа противоречие между мужчиной и женщиной приобретает ясно выраженный характер, эта семья дает нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество, разделенное на классы со времени наступления эпохи цивилизации, и которые оно неспособно ни разрешить, ни преодолеть. Я говорю здесь, разумеется, лишь о тех случаях единобрачия, когда супружеская жизнь действительно соответствует установлениям, вытекающим из первоначального характера этого института, но жена при этом восстает против господства мужа. Что далеко не все браки протекают так, об этом лучше всех знает немецкий филистер, который так же не умеет быть господином в своем доме, как и в государстве; его жена поэтому с полным правом присваивает себе мужскую власть, которой он недостоин. Зато он воображает, что стоит гораздо выше своего французского товарища по несчастью, которому чаще, чем ему самому, при-

ходится куда хуже.

Впрочем, индивидуальная семья отнюдь не везде и не во всякое время принимала такую классически суровую форму, какую она имела у греков. У римлян, которые в качестве будущих завоевателей мира обладали более широким, хотя и менее утонченным взглядом на вещи, чем греки, жена пользовалась большей свободой и большим уважением. Римлянин считал, что супружеская верность достаточно обеспечена предоставленной ему властью над жизнью и смертью его жены. Кроме того, жена могла здесь наравне с мужем при желании расторгнуть брак. Но наибольший прогресс в развитии единобрачия был достигнут, несомненно, с вступлением на историческую арену германцев и достигнут потому, что у них, вероятно, ввиду их бедности, моногамия, по видимому, в то время еще не вполне развилась из парного брака. Мы приходим к этому заключению на основании следующих трех обстоятельств, упоминаемых Тацитом. Во-первых, при всей святости брака, «они довольствуются одной женой, женщины живут огражденные целомудрием», – у них все же было распространено многоженство среди знати и вождей племен, подобно тому, что мы встречали у американцев, у которых существовал парный брак. Во-вторых, переход от материнского права к отцовскому мог совершиться у них только незадолго перед этим, так как брат матери – ближайший сородич мужского пола, согласно материнскому праву, – еще признавался у них чуть ли не более близ-

ким родственником, чем собственный отец, что также соответствует точке зрения американских индейцев, у которых Маркс, как он часто говорил, нашел ключ к пониманию нашего собственного прошлого. И, в-третьих, женщины у германцев пользовались большим уважением и значительным влиянием на общественные дела, что стоит в прямом противоречии со свойственным моногамии господством мужчин. Почти во всем этом германцы не отличаются от спартанцев, у которых, как мы видели, парный брак также не был еще полностью изжит⁵². Таким образом, и в этом отношении вместе с германцами приобрел мировое господство совершенно новый элемент. Новая моногамия, развившаяся на развалинах римского мира в процессе смешения народов, облекла владычество мужчин в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере с внешней стороны, более почетное и свободное положение, чем когда-либо знала классическая древность. Тем самым впервые была создана предпосылка, на основе которой из моногамии, – внутри нее, наряду с ней и вопреки ей, смотря по обстоятельствам, – мог развиваться величайший нравственный прогресс, которым мы ей обязаны: современная индивидуальная половая любовь, которая была неизвестна всему прежнему миру.

Этот прогресс, однако, был вызван именно тем обстоятельством, что германцы переживали еще период парной семьи и перенесли в моногамию, насколько это представлялось

⁵² Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 г.

возможным, положение женщины, соответствующее парной семье; он был вызван отнюдь не каким-то легендарным, чудесным природным предрасположением германцев к чистоте нравов, которое в сущности сводится к тому, что парный брак действительно свободен от резких нравственных противоречий, присущих моногамии. Напротив, германцы в период их переселений, в особенности на юго-восток, к степным кочевникам Причерноморья, глубоко пали в нравственном отношении и восприняли у последних, кроме их искусства верховой езды, также и гнусные противоестественные пороки, о чем определенно свидетельствует Аммиан относительно тайфалов и Прокопий относительно герулов.

Но если из всех известных форм семьи моногамия была единственной формой, при которой могла развиваться современная половая любовь, то это не значит, что последняя развилась в ней исключительно или хотя бы преимущественно как любовь супругов друг к другу. Самая природа прочного единобрачия при господстве мужа исключала это. У всех исторически активных, то есть у всех господствующих классов заключение брака оставалось тем, чем оно было со времени парного брака, – сделкой, которую устраивают родители. И первая появившаяся в истории форма половой любви, как страсть, и притом доступная каждому человеку (по крайней мере из господствующих классов) страсть как высшая форма полового влечения, – что и составляет ее специфический характер, – эта первая ее форма, рыцарская лю-

бовь средних веков, отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот. В своем классическом виде у провансальцев рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и ее поэты воспевают это. Цвет провансальской любовной поэзии составляют «альбы» (albas), по-немецки – песни рассвета. Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели у своей красотицы, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает ему о первых признаках наступающего рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; затем следует сцена расставания – кульминационный пункт песни. Жители Северной Франции, а равным образом и бравые немцы тоже усвоили этот род поэзии вместе с соответствующей ему манерой рыцарской любви, и наш старый Вольфрам фон Эшенбах оставил на ту же щекотливую тему три чудесные песни, которые мне нравятся больше, чем его три длинные героические поэмы.

Заключение брака в современной нам буржуазной среде происходит двояким образом. В католических странах родители по-прежнему подыскивают юному буржуазному сынку подходящую жену, и, разумеется, результатом этого является наиболее полное развитие присущего моногамии противоречия: пышный расцвет гетеризма со стороны мужа, пышный расцвет супружеской неверности со стороны жены. Католическая церковь, надо думать, отменила развод, лишь убедившись, что против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких средств. В протестантских странах,

напротив, буржуазному сынку, как правило, предоставляется большая или меньшая свобода выбирать себе жену из своего класса; поэтому основой для заключения брака может служить в известной степени любовь, как это, приличия ради, постоянно и предполагается в соответствии с духом протестантского лицемерия. Здесь гетеризм практикуется мужем не столь энергично, а неверность жены встречается не так часто. Но так как при любой форме брака люди остаются такими же, какими были до него, а буржуа в протестантских странах – в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия, даже если брать в общем лучшие случаи, все же приводит только к невыносимо скучному супружескому сожителству, которое называют семейным счастьем. Лучшим отражением обоих этих видов брака служит роман: для католического – французский, для протестантского – немецкий⁵³. В том и другом «он получает ее»: в немецком молодой человек – девушку, во французском муж – пару рогов. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении. Поэтому-то скука немецкого романа внушает французскому буржуа такой же ужас, как «безнравственность» французского романа – немецкому филистеру. Впрочем, в последнее время, с тех пор как «Берлин становится мировым городом», немецкий роман начинает менее робко относиться к таким давно хорошо известным там явлениям, как гетеризм и супружеская неверность.

⁵³ В издании 1884 г. «немецкий и шведский».

Но и в том, и в другом случае брак обуславливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету⁵⁴. Этот брак по расчету в обоих случаях довольно часто обращается в самую грубую проституцию – иногда обеих сторон, а гораздо чаще – жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдает свое тело не так, как наемная работница свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз и навсегда продает его в рабство. И ко всем бракам по расчету относятся слова Фурье:

«Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель».

Половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно становится им только среди угнетенных классов, следовательно, в настоящее время – в среде пролетариата, независимо от того, зарегистрированы официально эти отношения или нет. Но здесь устранены также все основы классической моногамии. Здесь нет никакой собственности, для сохранения и наследования которой как раз и были созданы моногамия и господство мужчин; здесь нет поэтому никаких побудительных поводов для установления этого господства. Более того, здесь нет и средств для этого: буржуазное право, которое охраняет это господство, существует только для имущих и для обслуживания их взаимоотно-

⁵⁴ Дальнейший текст до слов «Половая любовь может стать правилом» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

ношений с пролетариями; оно стоит денег и вследствие бедности рабочего не имеет никакого значения для его отношения к своей жене. Здесь решающую роль играют совсем другие личные и общественные условия. И, кроме того, с тех пор как крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила ее на рынок труда и на фабрику, довольно часто превращая ее в кормилицу семьи, в пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости в обращении с женой, укоренившейся со времени введения моногамии. Таким образом, семья пролетария уже не моногамна в строгом смысле этого слова, даже при самой страстной любви и самой прочной верности обеих сторон и несмотря на все, какие только возможно, церковные и светские благословения. Поэтому и постоянные спутники моногамии – гетеризм и супружеская неверность играют здесь совершенно ничтожную роль, жена фактически вернула себе право на расторжение брака; и когда стороны не могут ужиться, они предпочитают разойтись. Одним словом, пролетарский брак моногамен в этимологическом значении этого слова, но отнюдь не в историческом его смысле ⁵⁵.

Наши юристы, впрочем, считают, что прогресс законодательства все больше отнимает у женщин всякое основание

⁵⁵ Весь дальнейший текст настоящей главы, кроме заключительного абзаца, начинающегося словами «Вернемся, однако, к Моргану», добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

для жалоб. Законодательства современных цивилизованных стран все более и более признают, во-первых, что брак, для того чтобы быть действительным, должен представлять собой договор, добровольно заключенный обеими сторонами, и, во-вторых, что и в течение всего периода брака обе стороны должны иметь одинаковые права и обязанности по отношению друг к другу. Если бы эти оба требования были последовательно проведены, то у женщин было бы все, чего они только могут желать.

Эта чисто юридическая аргументация совершенно совпадает с той, какой пользуется радикальный буржуа-республиканец, время от времени призывая пролетария к порядку. Трудовой договор якобы добровольно заключается обеими сторонами. Но его считают заключенным добровольно потому, что закон на бумаге ставит обе стороны в равное положение. Власть, которую различное классовое положение дает одной стороне, давление, которое в силу этого оказывается на другую сторону, то есть действительное экономическое положение обеих сторон, – это закона не касается. И на время действия трудового договора обе стороны опять-таки должны быть равноправными, коль скоро ни одна из них определенно не отказалась от своих прав. Закону опять-таки нет дела до того, что экономическое положение заставляет рабочего отказываться даже от последней видимости равноправия.

В отношении брака даже самый прогрессивный закон

вполне удовлетворен, если заинтересованные стороны формально засвидетельствовали добровольный характер своего вступления в брак. Что происходит за юридическими кулисами, где разыгрывается действительная жизнь, как достигается это добровольное согласие, — об этом закон и юристы могут не беспокоиться. А между тем самое простое сравнение права различных стран должно было бы показать юристу, что представляет собой это добровольное согласие. В странах, где закон обеспечивает детям обязательное наследование части имущества родителей, где они, следовательно, не могут быть лишены наследства, — в Германии, в странах с французским правом и в некоторых других, — дети при вступлении в брак связаны согласием родителей. В странах с английским правом, где родительского согласия при вступлении в брак законом не требуется, родители располагают полной свободой при завещании своего имущества и могут по своему усмотрению лишать своих детей наследства. Ясно, однако, что, несмотря на это и даже именно в силу этого, среди классов, где есть что наследовать, в Англии и Америке фактически существует ничуть не бóльшая свобода вступления в брак, чем во Франции и Германии.

Не лучше обстоит дело с юридическим равноправием мужчины и женщины в браке. Правовое неравенство обоих, унаследованное нами от прежних общественных отношений, — не причина, а результат экономического угнетения женщины. В старом коммунистическом домашнем хо-

зяйстве, охватывавшем много брачных пар с их детьми, введенное женщинам ведение этого хозяйства было столь же общественным, необходимым для общества родом деятельности, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением патриархальной семьи и еще более – моногамной индивидуальной семьи положение изменилось. Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало частным занятием, жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве. Только крупная промышленность нашего времени вновь открыла ей – да и то лишь пролетарке – путь к общественному производству. Но при этом, если она выполняет свои частные обязанности по обслуживанию семьи, она остается вне общественного производства и не может ничего заработать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять семейные обязанности. И в этом отношении положение женщины одинаково как на фабрике, так и во всех областях деятельности, вплоть до медицины и адвокатуры. Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество – это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул. Муж в настоящее время должен в большинстве случаев добывать деньги, быть кормильцем семьи, по крайней мере в среде имущих классов, и это дает ему господству-

ющее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается. Он в семье – буржуа, жена представляет пролетариат. Но в области промышленности специфический характер тяготеющего над пролетариатом экономического гнета выступает со всей своей резкостью только после того, как устранены все признанные законом особые привилегии класса капиталистов и установлено полное юридическое равноправие обоих классов; демократическая республика не уничтожает противоположности обоих классов – она, напротив, лишь создает почву, на которой развертывается борьба за разрешение этой противоположности. Равным образом своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость установления действительного общественного равенства для обоих, а также способ достижения этого только тогда выступают в полном свете, когда супруги юридически станут вполне равноправными. Тогда обнаружится, что первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества.

* * *

Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития че-

ловечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству – парный брак, цивилизации – моногамия, дополняемая нарушением супружеской верности и проституцией. Между парным браком и моногамией на высшей ступени варварства вклинивается господство мужчин над рабынями и многоженство.

Как показало все наше изложение, своеобразие прогресса, который проявляется в этой последовательной смене форм, заключается в том, что половой свободы, присущей групповому браку, все более и более лишаются женщины, но не мужчины. И, действительно, групповой брак фактически существует для мужчин и по настоящее время. То, что со стороны женщины считается преступлением и влечет за собой тяжелые правовые и общественные последствия, для мужчины считается чем-то почетным или, в худшем случае, незначительным моральным пятном, которое носят с удовольствием. Но чем больше старинный гетеризм изменяется в наше время под воздействием капиталистического товарного производства и приспособляется к последнему, чем больше он превращается в неприкрытую проституцию, тем сильнее его деморализующее воздействие. При этом мужчин он деморализует гораздо больше, чем женщин.

Среди женщин проституция развращает только тех несчастных, которые становятся ее жертвами, да и их далеко не в той степени, как это обычно полагают. Зато всей мужской половине человеческого рода она придает низменный

характер. Так, например, долгое пребывание в положении жениха в девяти случаях из десяти является настоящей подготовительной школой супружеской неверности.

Но мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и основы ее дополнения – проституции. Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, – притом в руках мужчины, – и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не кого-либо другого. Для этого была нужна моногамия жены, а не мужа, так что эта моногамия жены отнюдь не препятствовала явной или тайной полигамии мужа. Но предстоящий общественный переворот, который превратит в общественную собственность, по меньшей мере, неизмеримо большую часть прочных, передаваемых по наследству богатств – средства производства, сведет к минимуму всю эту заботу о том, кому передать наследство. Так как, однако, моногамия обязана своим происхождением экономическим причинам, то не исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины?

Можно было бы не без основания ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится. Потому что вместе с превращением средств производства в общественную собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а следовательно, и необходимость для известного, поддающегося статистическому под-

счета, числа женщин отдаваться за деньги. Проституция исчезнет, а моногамия, вместо того чтобы прекратить свое существование, станет, наконец, действительностью также и для мужчин.

Положение мужчин, таким образом, во всяком случае сильно изменится. Но и в положении женщин, всех женщин, произойдет значительная перемена. С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными. Благодаря этому отпадет беспокойство о «последствиях», которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент, – моральный и экономический, – мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и составляют противоположности, но противоположности неразделимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию?

Здесь вступает в действие новый момент, который ко времени развития моногамии существовал, самое большое, лишь в зародыше, – индивидуальная половая любовь.

До средних веков не могло быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собой разумеется, что физическая красота, дружеские отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половой связи, что как для мужчин, так и для женщин не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эти интимнейшие отношения. Но от этого до современной половой любви – еще бесконечно далеко. На протяжении всей древности браки заключались родителями вступающих в брак сторон, которые спокойно мирились с этим. Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность, – не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему. Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества. Пастухи, любовные радости и страдания которых нам воспевают Феокрит и Мосх, Дафнис и Хлоя Лонга, – это исключительно рабы, не принимающие участия в делах государства, в жизненной сфере свободного гражданина. Но, помимо любовных связей среди рабов, мы встречаем такие связи только как продукт распада гибнущего древнего мира, и притом связи с женщинами, которые также стоят вне официального общества, – с гетерами, то есть чужестранками или вольноотпущенницами в Афинах – накануне

их упадка, в Риме – во времена империи. Если же любовные связи действительно возникали между свободными гражданами и гражданками, то только как нарушение супружеской верности. А для классического поэта древности, воспевавшего любовь, старого Анакреонта, полая любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа.

Современная полая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь, в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность полой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обеим сторонам великим, если не величайшим несчастьем, они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу, что в древности бывало разве только в случаях нарушения супружеской верности. И, наконец, появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания полой связи, спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет? Понятно, что в феодальной или буржуазной практике с этим новым критерием обстоит не лучше, чем со всеми другими критериями морали, – с ним не считаются. Но относятся к нему и не хуже, чем к другим:

он так же, как и те, признается – в теории, на бумаге. А большего и требовать пока нельзя.

Средневековье начинается с того, на чем остановился древний мир со своими зачатками половой любви, – с прелюбодеяния. Мы уже описали рыцарскую любовь, создавшую песни рассвета. От этой любви, стремящейся к разрушению брака, до любви, которая должна стать его основой, лежит еще далекий путь, который рыцарство так и не прошло до конца. Даже переходя от легкомысленных романских народов к добродетельным германцам, мы находим в «Песне о Нибелунгах», что Кримхильда, хотя она втайне влюблена в Зигфрида не меньше, чем он в нее, когда Гунтер объявляет ей, что просватал ее за некоего рыцаря, и при этом не называет его имени, отвечает просто:

«Вам не нужно меня просить, как Вы мне прикажете, так я всегда и буду поступать, кого Вы, государь, дадите мне в мужа, с тем я охотно обручусь»⁵⁶.

Ей даже в голову не приходит, что здесь вообще может быть принята во внимание ее любовь. Гунтер сватается за Брунхильду, а Этцель – за Кримхильду, которых они ни разу не видели, точно так же в «Гудрун» Зигебант ирландский сватается за норвежскую Уту, Хетель хегелингский – за Хильду ирландскую, наконец, Зигфрид морландский, Хартмут орманский и Хервиг зеландский – за Гудрун, и только

⁵⁶ См.: Песнь о Нибелунгах, песнь десятая.

здесь последняя свободно решает в пользу Хервига. По общему правилу, невесту для молодого князя подыскивают его родители, если они еще живы, в противном случае он это делает сам, советуясь с крупными вассалами, мнение которых во всех случаях пользуется большим весом. Да иначе и быть не могло. Для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, женитьба – политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов; решающую роль должны играть интересы дома, а отнюдь не личные желания. Как в таких условиях при заключении брака последнее слово могло принадлежать любви?

То же самое было у цехового бюргера средневековых городов. Уже одни охранявшие его привилегии, создававшие все возможные ограничения цеховые уставы, искусственные перегородки, отделявшие его юридически здесь – от других цехов, там – от его же товарищей по цеху, тут – от его подмастерьев и учеников, – достаточно суживали круг, в котором он мог искать себе подходящую супругу. А какая из невест была более подходящей, решалось при этой запутанной системе, безусловно, не его индивидуальным желанием, а интересами семьи.

Таким образом, в бесчисленном множестве случаев заключение брака до самого конца средних веков оставалось тем, чем оно было с самого начала, – делом, которое решалось не самими вступающими в брак. Вначале люди появлялись на свет уже состоящими в браке – в браке с целой

группой лиц другого пола. В позднейших формах группового брака сохранялось, вероятно, такое же положение, только при все большем сужении группы. При парном браке, как правило, матери договариваются относительно браков своих детей; и здесь также решающую роль играют соображения о новых родственных связях, которые должны обеспечить молодой паре более прочное положение в роде и племени. А когда с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера. Форма брака-купли исчезает, но, по сути дела, такой брак осуществляется во все возрастающих масштабах, так что не только на женщину, но и на мужчину устанавливается цена, причем не по их личным качествам, а по их имуществу. В практике господствующих классов с самого начала было неслыханным делом, чтобы взаимная склонность сторон преобладала над всеми другими соображениями. Нечто подобное встречалось разве только в мире романтики или у угнетенных классов, которые в счет не шли.

Таково было положение к моменту, когда капиталистическое производство со времени географических открытий, благодаря развитию мировой торговли и мануфактуры, вступило в стадию подготовки к мировому господству. Можно было полагать, что этот способ заключения браков бу-

дет для него самым подходящим, и это действительно так и оказалось. Однако – ирония мировой истории неисчерпаема – именно капиталистическому производству суждено было пробить здесь решающую брешь. Превратив все в товары, оно уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения, на место унаследованных обычаев, исторического права оно поставило куплю и продажу, «свободный» договор. Английский юрист Г. С. Мейн полагал, что сделал величайшее открытие своим утверждением, что весь наш прогресс, сравнительно с предыдущими эпохами, состоит в переходе *from status to contract*⁵⁷ – от унаследованного порядка к порядку, устанавливаемому свободным договором; впрочем, насколько это вообще правильно, это было сказано уже в «Коммунистическом манифесте».

Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, поступками и имуществом и равноправны по отношению друг к другу. Создание таких «свободных» и «равных» людей именно и было одним из главнейших дел капиталистического производства. Хотя это вначале происходило еще только полусознательно и вдобавок облекалось в религиозную оболочку, все же со времени лютеранской и кальвинистской реформации было твердо установлено положение, что человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли, и что нрав-

⁵⁷ От статута к договору.

ственным долгом является сопротивление всякому принуждению к безнравственному поступку. Но как же согласовалось это с прежней практикой заключения браков? Согласно буржуазному пониманию, брак был договором, юридической сделкой, и притом самой важной из всех, так как она на всю жизнь определяла судьбу тела и души двух человек. В ту пору формально сделка эта, правда, заключалась добровольно; без согласия сторон дело не решалось. Но слишком хорошо было известно, как получалось это согласие и кто фактически заключал брак. Между тем, если при заключении других договоров требовалось действительно свободное решение, то почему этого не требовалось в данном случае? Разве двое молодых людей, которым предстояло соединиться, не имели права свободно располагать собой, своим телом и его органами? Разве благодаря рыцарству не вошла в моду половая любовь и разве, в противоположность рыцарской любви, связанной с прелюбодеянием, супружеская любовь не была ее правильной буржуазной формой? Но если долг супругов – любить друг друга, то разве не в такой же мере было долгом любящих вступать в брак друг с другом и ни с кем другим? И разве это право любящих не стояло выше права родителей, родственников и иных обычных брачных маклеров и сводников? И если право свободного личного выбора бесцеремонно вторгло в сферу церкви и религии, то могло ли оно остановиться перед невыносимым притязанием старшего поколения распоряжаться телом, душой,

имуществом, счастьем и несчастьем младшего?

Эти вопросы не могли не встать в такое время, когда были ослаблены все старые узы общества и поколеблены все унаследованные от прошлого представления. Мир сразу сделался почти в десять раз больше, вместо четверти одного полушария перед взором западноевропейцев теперь предстал весь земной шар, и они спешили завладеть остальными семью четвертями. И вместе со старинными барьерами, ограничивавшими человека рамками его родины, пали также и тысячелетние рамки традиционного средневекового способа мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт. Какое значение могли иметь репутация порядочности и унаследованные от ряда поколений почетные цеховые привилегии для молодого человека, которого манили к себе богатства Индии, золотые и серебряные рудники Мексики и Потоси? То была для буржуазии пора странствующего рыцарства, она также переживала свою романтику и свои любовные мечтания, но на буржуазный манер и в конечном счете с буржуазными целями.

Так произошло то, что поднимающаяся буржуазия, в особенности в протестантских странах, где больше всего был поколеблен существующий порядок, все более и более стала признавать свободу заключения договора также и в отношении брака и осуществлять ее вышеописанным образом. Брак оставался классовым браком, но в пределах класса сторонам

была предоставлена известная свобода выбора. И на бумаге, в теоретической морали и в поэтическом изображении, не было ничего более незыблемого и прочно установленного, чем положение о безнравственности всякого брака, не походящегося на взаимной половой любви и на действительно свободном согласии супругов. Одним словом, брак по любви был провозглашен правом человека, и притом не только *droit de l'homme*⁵⁸, но, в виде исключения, и *droit de la femme*⁵⁹.

Но это право человека в одном отношении отличалось от всех остальных так называемых прав человека. Тогда как эти последние на практике распространялись только на господствующий класс – буржуазию – и прямо или косвенно сводились на нет для угнетенного класса – пролетариата, здесь снова сказывается ирония истории. Господствующий класс остается подвластным известным экономическим влияниям, и поэтому только в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они, как мы видели, являются правилом.

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранил все побочные, экономи-

⁵⁸ Игра слов: «*droit de l'homme*» означает «право человека», а также «право мужчины».

⁵⁹ Правом женщины.

ческие соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности.

Так как половая любовь по природе своей исключительна, – хотя это ныне соблюдается только женщиной, – то брак, основанный на половой любви, по природе своей является единобрачием. Мы видели, насколько прав был Бахофен, когда он рассматривал переход от группового брака к единобрачию как прогресс, которым мы обязаны преимущественно женщинам, только дальнейший шаг от парного брака к моногамии был делом мужчин, исторически он по существу заключался в ухудшении положения женщин и облегчении неверности для мужчин. Поэтому, как только отпадут экономические соображения, вследствие которых женщины мирились с этой обычной неверностью мужчин, – забота о своем собственном существовании и еще более о будущем детей, – так достигнутое благодаря этому равноправие женщины, судя по всему прежнему опыту, будет в бесконечно большей степени способствовать действительной моногамии мужчин, чем полиандрии женщин.

Но при этом от моногамии, безусловно, отпадут те характерные черты, которые ей навязаны ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых, нерасторжимость брака. Господство мужчины в браке – есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезает вместе с послед-

ним. Нерасторжимость брака – это отчасти следствие экономических условий, при которых возникла моногамия, отчасти традиция того времени, когда связь этих экономических условий с моногамией еще не понималась правильно и утрированно трактовалась религией. Эта нерасторжимость брака уже в настоящее время нарушается в тысячах случаев. Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым, только пока любовь продолжает существовать. Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса.

Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости.

сти с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертам то, что, согласно нынешним представлениям, им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка.

Вернемся, однако, к Моргану, от которого мы порядочно удалились. Историческое исследование развившихся в период цивилизации общественных учреждений выходит за рамки его книги. На судьбе моногамии в течение этого периода он останавливается поэтому лишь весьма кратко. Он также усматривает в дальнейшем развитии моногамной семьи известный прогресс, приближение к полному равноправию полов, не считая, однако, эту цель уже достигнутой. Но, – говорит он, – «если признать тот факт, что семья последовательно прошла через четыре формы и находится теперь в пятой, то возникает вопрос, может ли эта форма сохраниться на длительный срок в будущем? Ответ возможен только один – она должна развиваться по мере развития общества и изменяться по мере изменения общества, точно так же, как это было в прошлом. Являясь продуктом определенной общественной системы, она будет отражать состояние ее развития. Так как моногамная семья за период с начала цивилизации усовершенствовалась, и особенно заметно в современную эпоху, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока

не будет достигнуто равенство полов. Если же моногамная семья в отдаленном будущем окажется неспособной удовлетворять потребности общества, то невозможно заранее предсказать, какой характер будет иметь ее преемница».

III. Ирокезский род

Мы переходим теперь к другому открытию Моргана, имеющему, по меньшей мере, такое же значение, как и воссоздание первобытной формы семьи на основании систем родства. Морган доказал, что обозначенные именами животных родовые союзы внутри племени у американских индейцев по существу тождественны с *genea* греков и *gentes* римлян; что американская форма – первоначальная, а греко-римская – позднейшая, производная; что вся общественная организация греков и римлян древнейшей эпохи с ее родом, фратрией и племенем находит себе точную параллель в организации американо-индейской; что род представляет собой учреждение, общее для всех народов, вплоть до их вступления в эпоху цивилизации и даже еще позднее (насколько можно судить на основании имеющихся теперь у нас источников). Доказательство этого сразу разъяснило самые трудные разделы древнейшей греческой и римской истории и одновременно дало нам неожиданное истолкование основных черт общественного строя первобытной эпохи до возникновения государства. Каким простым ни кажется это открытие, когда оно уже известно, все же Морган сделал это только в последнее время; в своей предыдущей книге, вышедшей в 1871 г., он еще не проник в эту тайну, раскрытие которой заставило с

тех пор приумолкнуть на время⁶⁰ обычно столь самоуверенных английских знатоков первобытной истории.

Латинское слово *gens*, которое Морган везде употребляет для обозначения этого родового союза, происходит, как и греческое равнозначашее *genos*, от общеарийского корня *gan* (по-немецки – *kan*, так как здесь, по общему правилу, вместо арийского *g* должно стоять *k*), означающего «рождать». *Gens*, *genos*, санскритское *dschanas*, готское (по указанному выше правилу) *kuni*, древнескандинавское и англосаксонское *kun*, английское *kin*, средневерхненемецкое *kunne* означают одинаково – род, происхождение. Однако латинское *gens* и греческое *genos* употребляются специально для обозначения такого родового союза, который гордится общим происхождением (в данном случае от одного общего родоначальника) и образует в силу связывающих его известных общественных и религиозных учреждений особую общность, происхождение и природа которой оставались, тем не менее, до сих пор неясными для всех наших историков.

Мы уже видели выше, при рассмотрении пуналуальной семьи, каков состав рода в его первоначальной форме. Он состоит из всех лиц, которые путем пуналуального брака и, согласно неизбежно господствующим при этом браке представлениям, образуют признанное потомство одной определенной родоначальницы, основательницы рода. Так как при этой форме семьи отец не может быть установлен с досто-

⁶⁰ Слова «на время» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

верностью, то признается только женская линия. Поскольку братья не могут жениться на своих сестрах, а лишь на женщинах другого происхождения, то в силу материнского права дети, рожденные от них этими чужими женщинами, оказываются вне данного рода. Таким образом, внутри родового союза остается лишь потомство дочерей каждого поколения; потомство сыновей переходит в роды своих матерей. Чем же становится эта кровнородственная группа, после того как она конституируется как особая группа по отношению к другим подобным группам внутри племени?

В качестве классической формы этого первоначального рода Морган берет род у ирокезов, в частности у племени сенека. В этом племени имеются восемь родов, носящих названия животных: 1) Волк; 2) Медведь; 3) Черепаха; 4) Бобр; 5) Олень; 6) Кулик; 7) Цапля; 8) Сокол. В каждом роде господствуют следующие обычаи:

1. Род выбирает своего сахема (старейшину для мирного времени) и вождя (военного предводителя). Сахем должен был избираться из состава самого рода, и его должность передавалась по наследству внутри рода, поскольку по освобождении она должна была немедленно снова замещаться, военного предводителя можно было выбирать и не из членов рода, а временами его вообще могло не быть. Сахемом никогда не избирался сын предыдущего сахема, так как у ирокезов господствовало материнское право, и сын, следовательно, принадлежал к другому роду, но часто избирался брат

предыдущего сахема или сын его сестры. В выборах участвовали все – мужчины и женщины. Но избрание подлежало утверждению со стороны остальных семи родов, и только после этого избранный торжественно вводился в должность и притом общим советом всего союза ирокезов. Значение этого акта будет видно из дальнейшего. Власть сахема внутри рода была отеческая, чисто морального порядка; средствами принуждения он не располагал. Вместе с тем он по должности состоял членом совета племени сенека, равно как и общего совета союза ирокезов. Военный вождь мог приказывать что-либо лишь во время военных походов.

2. Род по своему усмотрению смещает сахема и военного вождя. Это опять-таки решается совместно мужчинами и женщинами. Смещенные должностные лица становятся после этого, подобно другим, простыми воинами, частными лицами. Впрочем, совет племени может тоже смещать сахемов, даже против воли рода.

3. Никто из членов рода не может вступить в брак внутри рода. Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет, это – негативное выражение того весьма определенного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивиды только и становятся родом. Открытием этого простого факта Морган впервые раскрыл сущность рода. Как мало до сих пор понимали эту сущность, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные объединения, образующие составные элементы родового строя, без

понимания и без разбора смешиваются в одну кучу под названиями: племя, клан, тум и т. д., причем нередко о них говорится, что внутри такого объединения брак воспрещается. Это и создало безнадежную путаницу, среди которой г-н Мак-Леннан смог выступить в роли Наполеона, чтобы водворить порядок безапелляционным приговором: все племена делятся на такие, внутри которых брак воспрещен (экзогамные), и такие, в которых он разрешается (эндогамные). Вконец запутав таким образом вопрос, он пустился затем в глубокомысленнейшие исследования, какая же из его обеих нелепых категорий более древняя – экзогамия или эндогамия. С открытием рода, основанного на кровном родстве и вытекающей из этого невозможности брака между его членами, эта бессмыслица рассеялась сама собой, – разумеется, на той ступени развития, на которой мы застаем ирокезов, запрещение брака внутри рода нерушимо соблюдается.

4. Имущество умерших переходило к остальным членам рода, оно должно было оставаться внутри рода. Ввиду незначительности предметов, которые мог оставить после себя ирокез, его наследство делили между собой его ближайшие сородичи; в случае смерти мужчины – его родные братья и сестры и брат матери, в случае смерти женщины – ее дети и родные сестры, но не братья. По той же причине муж и жена не могли наследовать друг другу, а также дети – отцу.

5. Члены рода обязаны были оказывать друг другу помощь, защиту и особенно содействие при мщении за ущерб,

нанесенный чужими. В деле защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать на это; тот, кто причинял зло ему, причинял зло всему роду. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести, безусловно признававшаяся ирокезами. Если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной мстостью. Сначала делалась попытка к примирению; совет рода убийцы собирался и делал совету рода убитого предложение покончить дело миром, чаще всего изъявляя сожаление и предлагая значительные подарки. Если предложение принималось, то дело считалось улаженным. В противном случае потерпевший урон род назначал одного из нескольких мстителей, которые были обязаны выследить и умертвить убийцу. Если это выполнялось, род убитого не имел права жаловаться, дело признавалось поконченным.

6. Род имеет определенные имена или группы имен, пользоваться которыми во всем племени может только он один, так что имя отдельного человека также указывает, к какому роду он принадлежит. С родовым именем неразрывно связаны и родовые права.

7. Род может усыновлять посторонних и таким путем принимать их в члены всего племени. Военнопленные, которых не убивали, становились, таким образом, в силу усыновления в одном из родов членами племени сенека и приобретали тем самым все права рода и племени. Усыновление проис-

ходило по предложению отдельных членов рода: по предложению мужчин, которые принимали постороннего как брата или сестру, или по предложению женщин, принимавших его в качестве своего ребенка; для утверждения такого усыновления необходимо было торжественное принятие в род. Часто отдельные, численно ослабевшие в силу исключительных обстоятельств роды таким образом вновь количественно укреплялись путем массового усыновления членов другого рода, с согласия последнего. У ирокезов торжественное принятие в род происходило на публичном заседании совета племени, что фактически превращало это торжество в религиозную церемонию.

8. Трудно установить у индейских родов наличие особых религиозных празднеств; но религиозные церемонии индейцев более или менее связаны с родом. Во время шести ежегодных религиозных празднеств ирокезов сахемы и военные вожди отдельных родов в силу своей должности причислялись к «блюстителям веры» и выполняли жреческие функции.

9. Род имеет общее место погребения. У ирокезов штата Нью-Йорк, стесненных со всех сторон белыми, оно теперь исчезло, но раньше существовало. У других индейцев оно еще сохранилось, как, например, у находящихся в близком родстве с ирокезами тускарора, которые, несмотря на то что они христиане, имеют на кладбище особый ряд для каждого рода, так что в одном ряду с детьми хоронят мать, но не отца.

Да и у ирокезов весь род умершего участвует в погребении, заботится о могиле, надгробных речах и т. п.

10. Род имеет совет – демократическое собрание всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, обладающих равным правом голоса. Этот совет выбирал и смещал сахемов и военных вождей, а также и остальных «блюстителей веры»; он выносил постановления о выкупе (вергельде) или кровной мести за убитых членов рода; он принимал посторонних в состав рода. Одним словом, он был верховной властью в роде.

Таковы функции типичного индейского рода.

«Все его члены – свободные люди, обязанные защищать свободу друг друга, они обладают равными личными правами – ни сахемы, ни военные вожди не претендуют ни на какие преимущества, они составляют братство, связанное кровными узами. Свобода, равенство, братство, хотя это никогда не было сформулировано, были основными принципами рода, а род, в свою очередь, был единицей целой общественной системы, основой организованного индейского общества. Этим объясняется то непреклонное чувство независимости и личного достоинства, которое каждый признает за индейцами»⁶¹.

Ко времени открытия Америки индейцы всей Северной

⁶¹ См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 280.

Америки были организованы в роды на началах материнского права. Только у немногих племен, как, например, у дакота, роды пришли в упадок, а у некоторых других, как у оджибве, омаха, они были организованы на началах отцовского права.

У очень многих индейских племен, насчитывающих более пяти или шести родов, мы встречаем особые группы, объединяющие по три, четыре и более родов; Морган называет такую группу фратрией (братством), передавая индейское название точно соответствующим ему греческим понятиям. Так, у племени сенека – две фратрии; в первую входят роды 1–4, во вторую – роды 5–8. Более подробное исследование показывает, что эти фратрии большей частью представляют первоначальные роды, на которые сперва распалось племя; ибо при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать. По мере разрастания племени каждый род, в свою очередь, распадался на два или большее число родов, которые выступают теперь как самостоятельные, тогда как первоначальный род, охватывающий все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия. У племени сенека и у большинства других индейцев роды одной фратрии считаются братскими родами, а роды другой фратрии являются для них двоюродными, – обозначения, имеющие в американской системе родства, как мы видели, весьма реальное и ясно выраженное значение. Первоначально ни один сенека

не мог вступить в брак также внутри своей фратрии, но этот обычай уже давно вышел из употребления и действует только в пределах рода. По преданию племени сенека первоначальными родами, от которых произошли другие, были роды «Медведь» и «Олень». После того как эта новая организация пустила корни, она стала видоизменяться в зависимости от потребности; если вымирали роды одной фратрии, то нередко для уравнивания с другими в нее переводились целые роды из других фратрий. Поэтому мы у различных племен находим роды с одинаковыми названиями, по-разному группирующиеся во фратриях.

Функции фратрии у ирокезов – отчасти общественного, отчасти религиозного порядка. 1) В игре в мяч фратрии выступают одна против другой; каждая выдвигает своих лучших игроков, остальные следят за игрой, располагаясь по фратриям, и держат друг с другом пари, делая ставку на победу своих игроков. – 2) В совете племени сахемы и военные вожди каждой фратрии сидят вместе, одна группа против другой, каждый оратор говорит, обращаясь к представителям каждой фратрии как к особой корпорации. – 3) Если в племени случалось убийство, причем убийца и убитый принадлежали не к одной и той же фратрии, то пострадавший род часто апеллировал к своим братским родам; они созывали тогда совет фратрии и обращались к другой фратрии как к целому, чтобы та, в свою очередь, собрала свой совет для улаживания дела. Здесь фратрия, таким образом,

снова выступает как первоначальный род – и с большими шансами на успех, чем более слабый отдельный род, от нее происшедший. – 4) В случае смерти выдающихся лиц противоположная фратрия брала на себя заботу о похоронах и похоронных торжествах, тогда как члены фратрии умершего участвовали в похоронах в качестве родных покойника. Когда умирал сахем, противоположная фратрия извещала союзный совет ирокезов об освобождении должности. – 5) При выборах сахема также выступал на сцену совет фратрии. Утверждение выбора братскими родами считалось как бы само собой разумеющимся, но роды другой фратрии могли представлять возражения. В таком случае собирался совет этой фратрии; если он считал возражения правильными, выборы признавались недействительными. – 6) Раньше у ирокезов существовали особые религиозные мистерии, названные белыми *medicine-lodges*⁶². Эти мистерии у племени сенека устраивались двумя религиозными братствами, имевшими особые правила посвящения новых членов; на каждую из обеих фратрий приходилось по одному такому братству. – 7) Если, что почти несомненно, четыре *lineages* (колена), населявших ко времени завоевания четыре квартала Тласкалы, были четырьмя фратриями, то это доказывает, что как фратрии у греков, так и подобные же родовые союзы у германцев имели также значение военных единиц; эти четыре *lineages* выступали в бой, каждая как особый отряд в своей форме и

⁶² Колдовскими собраниями.

с собственным знаменем, под начальством собственного вождя.

Как несколько родов образуют фратрию, так несколько фратрий, если брать классическую форму, образуют племя; в некоторых случаях у значительно ослабленных племен недостает среднего звена – фратрии. Что же характеризует отдельное индейское племя в Америке?

1. Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой области лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже: у племен, не родственных друг другу по языку, – шире. Эта полоса – то же самое, что пограничный лес германцев, необитаемая область, которую создали вокруг своей территории свевы Цезаря; это то же, что *îsarnholt* (по-датски *Jarnved, limes Danicus*) между датчанами и германцами, Саксонский лес и *branibor* (по-славянски – «защитный лес»), от которого получил свое название Бранденбург, – между германцами и славянами. Область, отделенная такого рода неопределенными границами, составляла общую землю племени, признавалась таковой соседними племенами, и племя само защищало ее от посягательств. На практике неопределенность границ большей частью оказывалась неудобной только тогда, когда население сильно разрасталось. – Назва-

ния племен, по-видимому, большей частью возникали скорее случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само, подобно тому, как немцам их первое историческое общее наименование «германцы» было дано кельтами.

2. Особый, лишь этому племени свойственный диалект. В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и теперь. Там, где два численно ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух весьма родственных диалектах. Средняя численность американских племен – ниже 2000 человек; однако племя чироки насчитывает 26 000 человек – наибольшее в Соединенных Штатах число индейцев, говорящих на одном диалекте.

3. Право торжественно вводить в должность избранных родами сахемов и военных вождей.

4. Право смещать их, даже против желания их рода. Так как эти сахемы и военные вожди состоят членами совета племени, то эти права племени по отношению к ним объясняются сами собой. Там, где образовался союз племен и все вошедшие в него племена представлены в союзном совете, указанные права переходят к последнему.

5. Общие религиозные представления (мифология) и

культовые обряды.

«Индейцы были на свой варварский манер религиозным народом».

Мифология индейцев до сих пор еще отнюдь не подвергалась критическому изучению; предметам своих религиозных представлений – всякого рода духам – они уже придавали человеческий облик, но низшая ступень варварства, на которой они находились, не знает еще наглядных изображений, так называемых идолов. То был культ природы и стихий, находившийся на пути развития к многобожию. Различные племена имели свои регулярные празднества с определенными формами культа, а именно – танцами и играми; танцы в особенности были существенной составной частью всех религиозных торжеств; каждое племя проводило свои празднества отдельно.

6. Совет племени для обсуждения общих дел. Он состоял из всех сахемов и военных вождей отдельных родов, их подлинных представителей, потому что они в любое время могли быть смещены; он заседал публично, окруженный прочими членами племени, которые имели право вступать в обсуждение и высказывать свое мнение; решение выносил совет. Как правило, каждый присутствующий мог, по желанию, высказаться, женщины также могли представлять свои соображения через избранного ими оратора. У ирокезов для окончательного решения требовалось единогласие, как это было и в германских общинах-марках при решении некото-

рых вопросов. В ведение совета племени входило, в частности, регулирование отношений с другими племенами; он принимал и направлял посольства, объявлял войну и заключал мир. Если дело доходило до войны, то вели ее большей частью добровольцы. В принципе каждое племя считалось состоящим в войне со всяким другим племенем, с которым оно не заключило мирного договора по всей форме. Военные выступления против таких врагов организовывались большей частью отдельными выдающимися воинами; они устраивали военный танец, и всякий, принявший в нем участие, заявлял тем самым о своем присоединении к походу. Отряд немедленно организовывался и выступал. Защита принадлежащей племени территории от нападения также большей частью осуществлялась путем призыва добровольцев. Выступление в поход и возвращение из похода таких отрядов всегда служили поводом для общественных торжеств. Согласия совета племени на такие походы не требовалось, его не спрашивали и не давали. Это совершенно то же самое, что и частные военные походы германских дружин, как их нам рисует Тацит, только у германцев дружины уже приобрели более постоянный характер, составляют устойчивое ядро, которое организуется уже в мирное время и вокруг которого в случае войны группируются остальные добровольцы. Такие военные отряды редко бывали многочисленны; самые крупные военные экспедиции индейцев, даже на большие расстояния, совершались незначительными боевыми силами. Если

несколько таких отрядов объединялось для какого-нибудь крупного предприятия, каждый из них подчинялся только своему собственному вождю; согласованность плана похода в той или иной степени обеспечивалась советом этих вождей. Таков же был способ ведения войны у алеманнов на Верхнем Рейне в IV веке, согласно описанию Аммиана Марцеллина.

7. У некоторых племен мы встречаем верховного вождя, полномочия которого, однако, весьма невелики. Это один из сахемов, который в случаях, требующих немедленного действия, должен принимать временные меры до того, как совет сможет собраться и принять окончательное решение. Здесь перед нами едва намечающийся, но большей частью не получивший дальнейшего развития прообраз должностного лица, обладающего исполнительной властью; такое должностное лицо скорее появилось, как мы увидим, в большинстве случаев, если не везде, в результате развития власти верховного военачальника.

Дальше объединения в племя подавляющее большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабляемые вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство. Союзы между родственными племенами заключались то там, то тут в случае временной необходимости и с ее исчезновением распадались. Однако в отдельных местностях первоначально

родственные, но впоследствии разобщенные племена вновь сплачивались в постоянные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций. В Соединенных Штатах наиболее развитую форму такого союза мы встречаем у ирокезов. Выйдя из мест своего поселения к западу от Миссисипи, где они, вероятно, составляли ветвь большой родственной группы дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорк, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могаук. Они существовали за счет рыбной ловли, охоты и примитивного огородничества, жили в деревнях, большей частью защищенных частоколами. Число их никогда не превышало 20 000 человек, во всех пяти племенах было несколько общих родов, они говорили на весьма родственных диалектах одного и того же языка и населяли сплошную территорию, которая была поделена между пятью племенами. Так как территория эта была ими недавно завоевана, то совместные действия этих племен против племен, вытесненных ими, стали естественным явлением, вошедшим в обычай. И, таким образом, самое позднее в начале XV века сложился оформленный «вечный союз» – конфедерация, которая, осознав приобретенную ею силу, немедленно приобрела наступательный характер и в период своего наивысшего могущества, около 1675 г., завоевала окружавшие ее значительные пространства, частью прогнав, частью обложив данью местных жителей. Союз ирокезов представляет самую развитую обще-

ственную организацию, какую только создали индейцы, не переступившие низшей ступени варварства (следовательно, исключая мексиканцев, новомексиканцев и перуанцев). Основные черты союза были таковы:

1. Вечный союз пяти родственных по крови племен на основе полного равенства и самостоятельности во всех внутренних делах племени. Это кровное родство составляло подлинную основу союза. Из пяти племен три назывались отцовскими и были между собой братьями; два других назывались сыновними и также были братскими племенами между собой. Три рода – старейшие – были еще представлены живыми членами во всех пяти племенах, три других рода – в трех племенах, члены каждого из этих родов все считались братьями во всех пяти племенах. Общий язык, имевший различия только в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения.

2. Органом союза был союзный совет, состоявший из 50 сахемов, равных по положению и авторитету, этот совет выносил окончательные решения по всем делам союза.

3. Места для этих 50 сахемов, как носителей новых должностей, специально учрежденных для целей союза, были при его создании распределены между племенами и родами. При освобождении должности соответствующий род вновь замещал ее путем выборов; он мог также во всякое время сместить своего сахема, но право введения в должность принадлежало союзному совету.

4. Эти союзные сахемы были также сахемами в своих племенах и обладали правом участия и голоса в совете племени.

5. Все постановления союзного совета должны были приниматься единогласно.

6. Голосование производилось по племенам, так что каждое племя и в каждом племени все члены совета должны были голосовать единодушно, чтобы решение считалось действительным.

7. Союзный совет мог быть создан каждым из советов пяти племен, но не мог собираться по собственному почину.

8. Заседания происходили в присутствии собравшегося народа, каждый ирокез мог взять слово, решение же выносил только совет.

9. В союзе не было никакого единоличного главы, никакого лица, возглавлявшего исполнительную власть.

10. Зато союз имел двух высших военных вождей с равными полномочиями и равной властью (два «царя» спарганцев, два консула в Риме).

Таков был тот общественный строй, при котором ирокезы прожили свыше четырехсот лет и еще живут до сих пор. Я подробно описал этот строй, следуя Моргану, так как здесь мы имеем возможность изучить организацию общества, еще не знающего государства. Государство предполагает особую публичную власть, отделенную от всей совокупности постоянно входящих в его состав лиц. Поэтому Маурер, который, руководствуясь верным чутьем, признает германский мар-

ковый строй чисто общественным институтом, существенно отличным от государства, хотя большей частью и послужившим позднее основой для последнего, во всех своих работах исследует постепенное возникновение публичной власти из первоначального маркового, сельского, подворного и городского строя и наряду с ним. На примере североамериканских индейцев мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку, как племена, расчлняясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды расчлняются на несколько родов, а старые материнские роды сохраняются в виде фратрий, причем, однако, названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у отдаленных друг от друга территориально и давно отделившихся племен – «Волк» и «Медведь» являются еще родовыми названиями у большинства всех индейских племен. И всем им присущ в общем и целом вышеописанный строй, не считая только того, что многие из них не дошли до союза родственных племен.

Но мы видим также, что коль скоро основной общественной ячейкой является род, из него с почти непреодолимой необходимостью, – ибо это вполне естественно, – развивается вся система родов, фратрий и племени. Все три группы представляют различные степени кровного родства, причем

каждая из них замкнута в себе и сама управляет своими делами, но служит также дополнением для другой. Круг дел, подлежащих их ведению, охватывает всю совокупность общественных дел человека, стоящего на низшей ступени варварства. Поэтому, встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и племенную организацию подобную той, которая здесь описана, и там, где есть достаточно источников, как у греков и римлян, мы не только найдем ее, но и убедимся, что даже в тех случаях, когда источников не хватает, сравнение с американским общественным строем поможет нам разрешить труднейшие сомнения и загадки.

И что за чудесная организация – этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов – все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, – родом или племенем, или отдельными родами между собой; лишь как самое крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть, и наша смертная казнь является только ее цивилизованной формой, которой присущи как положительные, так и отрицательные стороны цивилизации. Хотя общих дел гораздо больше, чем в настоящее время, – домашнее хозяйство ведется рядом семейств сообща и на коммунистических началах, земля является собственностью всего племени, толь-

ко мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, – тем не менее нет и следа нашего раздутого и сложного аппарата управления. Все вопросы решают сами заинтересованные лица, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся не может быть – коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще не существует, нет, как правило, еще и порабощения чужих племен. Когда ирокезы около 1651 г. победили племя эри и «нейтральную нацию», они предложили им вступить полноправными членами в свой союз, только после того как побежденные отклонили это, они были изгнаны со своей территории. А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямотушии, силе характера и храбрости этих варваров.

Примеры этой храбрости мы видели совсем недавно в Африке. Кафры-зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад, – племена, у которых родовые учреждения еще не исчезли, – сделали то, на что неспособно ни одно европейское войско. Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль заряжающихся с казенной части ружей английской пехоты – по общему признанию первой в мире по бо-

евым действиям в сомкнутом строю – продвигались вперед на дистанцию штыкового боя, не раз расстраивали ряды этой пехоты и даже опрокидывали ее, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то что они не отбывают никакой воинской повинности и не имеют понятия о строевой службе. О том, что в состоянии они выдержать и выполнить, свидетельствуют сетования англичан по поводу того, что кафр в сутки проходит больше, чем лошадь, и быстрее ее. «У него мельчайший мускул, крепкий, как сталь, выделяется словно плетеный ремень», – говорит один английский художник.

Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на различные классы. И если мы сравним их положение с положением громадного большинства современных цивилизованных людей, то разница между нынешним пролетарием или мелким крестьянином и древним свободным членом рода окажется колоссальной.

Это одна сторона дела. Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель. Дальше племени она не пошла, образование союза племен означает уже начало ее разрушения, как мы это еще увидим и как мы это уже видели на примерах попыток ирокезов поработить другие племена. Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с той жестокостью, которая отличает человека от остальных животных и которая только

впоследствии была несколько смягчена под влиянием материальных интересов. Находившийся в полном расцвете родовой строй, каким мы наблюдали его в Америке, предполагал крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, отсюда – почти полное подчинение человека враждебно противостоящей и непонятной ему окружающей природе, что и находит свое отражение в детски-наивных религиозных представлениях. Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности. Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, – и она была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство,

насилие, коварство, измена – подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели. А само новое общество в течение всех двух с половиной тысяч лет своего существования всегда представляло только картину развития незначительного меньшинства за счет эксплуатируемого и угнетенного громадного большинства, и оно остается таким и теперь в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде.

IV. Греческий род

Греки, подобно пеласгам и другим соплеменным народам, уже в доисторическое время были организованы сообразно тому же органическому ряду, что и американцы: род, фра-трия, племя, союз племен. Фратрии могло не быть, как у до-рийцев, союз племен мог образоваться не везде, но во всех случаях основной ячейкой был род. К моменту своего появ-ления на исторической арене греки стояли на пороге цивилизации; между ними и американскими племенами, о кото-рых была речь выше, лежат почти целых два больших пери-ода развития, на которые греки героической эпохи опереди-ли ирокезов. Род греков поэтому уже отнюдь не архаический род ирокезов, печать группового брака⁶³ начинает заметно стираться. Материнское право уступило место отцовскому; возникающее частное богатство пробило этим свою первую брешь в родовом строе. Вторая брешь была естественным следствием первой: так как после введения отцовского права имущество богатой наследницы должно было бы при ее за-мужестве переходить к ее мужу, следовательно, в другой род, то была подорвана основа всего родового права, и не только стали допускать, но и сделали для такого случая обязатель-ным, чтобы девушка выходила замуж внутри своего рода в

⁶³ В издании 1884 г. вместо слов «группового брака» напечатано «пуналуаль-ной семьи».

интересах сохранения за последним этого имущества.

Согласно греческой истории Грота, афинский род, в частности, покоился на следующих основаниях:

1. Общие религиозные празднества и исключительное право жречества совершать священные обряды в честь определенного бога, предполагаемого родоначальника рода и обозначаемого в качестве такового особым прозвищем.

2. Общее место погребения (ср. «Эвбулид» Демосфена).

3. Право взаимного наследования.

4. Взаимная обязанность оказывать друг другу в случае насилия помощь, защиту и поддержку.

5. Взаимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девушек-сирот или наследниц.

6. Владение, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом, наличие собственного архонта (старейшины) и казначея.

Далее, несколько родов было объединено во фратрию, но менее тесными узами; однако и здесь мы видим подобного же рода взаимные права и обязанности, в особенности совместное отправление определенных религиозных церемоний и право преследования в случае убийства члена фратрии. Все фратрии одного племени имели, в свою очередь, общие, регулярно повторявшиеся священные празднества, которые возглавлялись избранным из среды благородных (эвпатридов) филобасилеем (старейшиной племени)

Так говорит Грот. Маркс же добавляет к этому:

«Однако и сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, ирокез)»⁶⁴.

Он будет замечен еще явственнее, если мы продолжим исследование несколько дальше.

В самом деле, греческому роду свойственны еще следующие черты:

7. Счет происхождения в соответствии с отцовским правом.

8. Запрещение браков внутри рода, за исключением браков с наследницами. Это исключение и его оформление как закона подтверждают, что старое правило было еще в силе. Это вытекает также из общеобязательного правила, что женщина, выходя замуж, тем самым отказывалась от участия в религиозных обрядах своего рода и переходила к обрядам мужа, во фратрию которого она и зачислялась. Согласно этому, а также известному месту у Дикеарха, брак вне своего рода был правилом, а Беккер в «Харикле» прямо считает, что никто не мог вступать в брак внутри своего рода.

9. Право усыновления родом, оно осуществлялось посредством усыновления одной из семей, но с соблюдением публичных формальностей и только в виде исключения.

10. Право избирать и смещать старейшин. Мы знаем, что каждый род имел своего архонта; о том, что эта долж-

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 45. С. 328.

ность переходила по наследству в определенных семьях, не говорится нигде. До конца эпохи варварства всегда следует предполагать отсутствие строгого⁶⁵ наследования должностей, совершенно несовместимого с порядком, при котором богатые и бедные внутри рода пользовались полным равноправием.

Не только Грот, но и Нибур, Моммзен и все другие историки классической древности до сих пор не справились с вопросом о роде. Как ни верно обрисовали они многие его признаки, они всегда видели в нем группу семей и в силу этого не могли понять природу и происхождение рода. При родовом строе семья никогда не была и не могла быть ячейкой общественной системы, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам. Род целиком входил во фратрию, фратрия – в племя, семья входила наполовину в род мужа и наполовину – в род жены. Государство в своем публичном праве также не признает семьи, и она до сих пор существует только как объект частного права. Между тем вся наша историческая наука исходит до сих пор из нелепого предположения, ставшего, особенно в XVIII веке, незыблемым, что моногамная отдельная семья, которая едва ли древнее эпохи цивилизации, была тем ядром, вокруг которого постепенно кристаллизовалось общество и государство.

«Г-ну Гроту следует далее указать, – прибавляет

⁶⁵ Слово «строгого» добавлено Энгельсом в издании 1891 г.

Маркс, – что хотя греки и выводили свои роды из мифологии, эти роды древнее, чем созданная ими самими мифология с ее богами и полубогами»⁶⁶.

Морган предпочитает ссылаться на Грота, так как он – все же признанный и вполне заслуживающий доверия свидетель. Грот рассказывает далее, что каждый афинский род носил имя, перешедшее к нему от его предполагаемого родоначальника, что до Солона – во всех случаях, а после Солона при отсутствии завещания члены рода (*gennêtes*) умершего наследовали его имущество и что в случае убийства преследование преступника перед судом было правом и обязанностью в первую очередь родственников, затем – членов рода и, наконец, – членов фратрии убитого.

«Все, что известно нам о древнейших афинских законах, основано на родовых и фратриальных делениях».

Происхождение родов от общих предков доставило «ученым филистерам» (Маркс)⁶⁷ головоломную работу. Так как они, разумеется, изображают этих предков чисто мифологическими существами, у них не остается никакой возможности объяснить себе возникновение рода из живущих рядом друг с другом отдельных, первоначально даже не родственных между собой, семей, и все-таки они должны это делать для того, чтобы хоть как-нибудь объяснить существование

⁶⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 330.

⁶⁷ Там же. С. 331.

рода. Так они оказываются в заколдованном кругу из бессодержательных фраз, не идя дальше утверждения: родословная, конечно, – миф, но род существует в действительности, и в конце концов у Грота мы находим следующее (слова в скобках принадлежат Марксу):

«Об этой родословной мы слышим лишь изредка, потому что о ней публично упоминают только в известных, особо торжественных случаях. Но и менее значительные роды имели свои общие религиозные обряды» (как это странно, м-р Грот), «а также и общего родоначальника – сверхчеловека и общую родословную совершенно так же, как и более знаменитые роды» (как это странно, г-н Грот, для менее значительных родов) «схема и идеальная основа» (милостивый государь, не *ideal a carnal*, или на нашем языке – плотская!) «были одинаковы у всех родов»⁶⁸.

Ответ Моргана на этот вопрос Маркс резюмирует в следующих словах. «Система кровного родства, соответствующая роду в его первоначальной форме, – а у греков, как и у других смертных, была когда-то такая форма, – обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения. С возникновением моногамной семьи это забылось. Родовое имя создавало родословную, рядом с которой родословная отдельной семьи

⁶⁸ Там же. С. 332.

представлялась лишенной значения. Это родовое имя должно было теперь свидетельствовать о факте общего происхождения его носителей, но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже доказать действительно существовавшего между ними родства, кроме немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки. Самое имя было доказательством общего происхождения и доказательством бесспорным, не считая случаев усыновления. Напротив, фактическое отрицание всякого родства между членами рода, как это делают Грот⁶⁹ и Нибур, превращающие род в продукт чистого вымысла и поэтического творчества, достойно только «идеальных», то есть чисто кабинетных, книжных ученых. Так как связь поколений, особенно с возникновением моногамии, отодвигается в глубь времен и минувшая действительность представит в отражении фантастических образов мифологии, то благонамеренные филистеры приходили и продолжают приходиться к выводу, что фантастическая родословная создала реальные роды»⁷⁰.

Фратрия, как и у американцев, была расчленившимся на несколько дочерних родов и объединяющим их первоначальным родом, часто указывавшим еще на происхождение их всех от общего родоначальника. Так, по Гроту,

⁶⁹ В рукописи Маркса вместо Грота назван древнегреческий ученый II в. н. э. Поллукс, на которого часто ссылается Грот.

⁷⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 332.

«все сверстники – члены фратрии Гекатея, признавали одного и того же бога своим родоначальником в шестнадцатом колене».

Все роды этой фратрии были поэтому в буквальном смысле братскими родами. Фратрия встречается еще у Гомера в качестве военной единицы в известном месте, где Нестор советует Агамемнону: «Построй людей по племенам и фратриям так, чтобы фратрия помогала фратрии, племя – племени»⁷¹. – Фратрия, кроме того, имела право и была обязана преследовать за убийство члена фратрии, следовательно, в более раннюю эпоху на ней лежала также обязанность кровной мести. У нее, далее, были общие святыни и празднества, да и саморазвитие всей греческой мифологии из традиционного древнеарийского культа природы, по существу, обусловлено было родами и фратриями и происходило внутри них. Далее, фратрия имела старейшину (*phratriarchos*) и, согласно де Куланжу, созывала общие собрания, принимала обязательные решения, обладала судебной и административной властью. Даже позднейшее государство, игнорировавшее род, оставило за фратрией некоторые общественные функции административного характера.

Несколько родственных фратрий составляют племя. В Аттике было четыре племени, в каждом из них – по три фратрии и в каждой фратрии – по тридцати родов. Такое точное

⁷¹ Гомер. Илиада, песнь вторая.

определение состава групп предполагает сознательное и планомерное вмешательство в стихийно сложившийся порядок вещей. Как, когда и почему это произошло, – об этом умалчивает греческая история, воспоминания о которой у самих греков сохранились лишь начиная с героической эпохи.

Образование различных диалектов у греков, скученных на сравнительно небольшой территории, получило меньшее развитие, чем в обширных американских лесах, однако и здесь мы видим, что лишь племена с одинаковым основным наречием объединяются в более крупное целое, и даже в маленькой Аттике мы встречаем особый диалект, который впоследствии стал господствующим в качестве общего языка для всей греческой прозы.

В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых роды, фратрии и племена все же еще вполне сохраняли свою самостоятельность. Они жили уже в городах, укрепленных стенами, численность населения увеличивалась вместе с ростом стад, распространением земледелия и зачатков ремесла, вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней, первобытной демократии. Отдельные мелкие народности вели непрерывные войны за обладание лучшими землями, а также, разумеется, и ради военной добычи, рабство военнопленных было уже признанным институтом.

Организация управления у этих племен и мелких народ-

ностей была следующей:

1. Постоянным органом власти был *совет*, βνλε, первоначально, по-видимому, состоявший из старейшин родов, позднее же, когда число последних слишком возросло, – из избранной части этих старейшин, что давало возможность для развития и усиления аристократического элемента, так именно и изображает нам Дионисий совет героической эпохи – состоящим из знатных (κρατιστοι). В важных вопросах совет принимал окончательные решения; так, например, у Эсхила совет города Фивы принимает решающее при сошедшемся положении постановление устроить Этеоклу почетные похороны, а труп Полиника выбросить на съедение собакам⁷². Впоследствии, когда было создано государство, этот совет превратился в сенат.

2. *Народное собрание* (αγορα). У ирокезов мы видели, что народ – мужчины и женщины – окружает собрание совета и, в установленном порядке участвуя в обсуждении, влияет, таким образом, на его решения. У гомеровских греков это «окружение»⁷³, употребляя старонемецкое судебное выражение, развилось уже в настоящее народное собрание, как это имело место также у древних германцев. Оно созывалось советом для решения важных вопросов; каждый мужчина мог брать слово. Решение принималось поднятием рук (у Эсхила в «Просительницах») или восклицаниями. Собра-

⁷² Эсхил. Семеро против Фив.

⁷³ Umstand.

нию принадлежала верховная власть в последней инстанции, ибо, как говорит Шеман («Греческие древности»),

«когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется содействие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли».

Ведь в то время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете, и из этого мы должны исходить при суждении о власти и положении как совета, так и бацилея.

3. *Военачальник* (basileus). Маркс замечает по этому поводу: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают бацилея в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец-янки Морган. Он говорит весьма иронически, но вполне справедливо о елейном Гладстоне и его книге «Юность мира».

«Г-н Гладстон представляет нам греческих вождей героической эпохи в виде царей и князей, изображая их вдобавок джентльменами, но он сам должен признать, что в общем обычай или закон первородства мы находим у них, по-видимому, достаточно, но не слишком резко выраженным»⁷⁴.

⁷⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 336.

Надо полагать, что право первородства с такими оговорками и самому г-ну Гладстону представится достаточно, пусть это даже и не слишком резко выражено, лишенным всякого значения.

Мы видели уже, как обстояло дело с наследованием должностей старейшин у ирокезов и других индейцев. Все должности были выборными в большинстве случаев внутри рода и постольку были наследственными в пределах последнего. При замещении освобождавшихся должностей постепенно стали отдавать предпочтение ближайшему сородичу – брату или сыну сестры, если не было причин обойти его. Поэтому, если у греков при господстве отцовского права должность басилея обычно переходила к сыну или к одному из сыновей, то это лишь доказывает, что сыновья здесь могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания, но отнюдь не говорит о признании законным наследования помимо такого избрания. В данном случае мы находим у ирокезов и греков лишь первый зародыш особых знатных семей внутри рода, а у греков к тому же еще и первый зародыш будущего наследственного предводительства, или монархии. Поэтому следует предположить, что у греков басилей должен был либо избираться народом, либо же утверждаться его признанными органами – советом или агорой, как это практиковалось по отношению к римскому «царю» (rex).

В «Илиаде» «владыка мужей» Агамемнон выступает не как верховный царь греков, а как верховный командующий

союзным войском перед осажденным городом. И на это его положение указывает в известном месте Одиссей, когда среди греков возникли раздоры: нехорошо многоначалие, один должен быть командующим и т. д. (далее идет популярный стих с упоминанием о скипетре, но он был добавлен позднее)⁷⁵. «Одиссей не читает здесь лекции о форме правления, а требует повиновения главнокомандующему на войне. Для греков, которые под Троей представляли собой только войско, agora ведется достаточно демократично: Ахиллес, говоря о подарках, то есть о дележе добычи, всегда называет это делом не Агамемнона или какого-нибудь другого басилея, но «сынов ахейн», то есть народа. Эпитеты «Зевсом рожденный», «Зевсом вскормленный» ничего не доказывают, так как каждый род ведет свое происхождение от одного из богов, а род главы племени – уже от «более знатного» бога, в данном случае – от Зевса. Даже лично несвободные, как, например, свинопас Эвмей и другие, являются «божественными» (διοι и θεοι), и это в «Одиссее», следовательно, значительно позднее времени, описываемого в «Илиаде»; в той же «Одиссее» название «герой» дается еще герольду Мулию, так же, как и слепому певцу Демодоксу⁷⁶. Короче, слово βασιλεία, которое греческие писатели употребляют

⁷⁵ Гомер. Илиада, песнь вторая.

⁷⁶ В рукописи Маркса далее следует опущенная Энгельсом фраза «термин «койравос», который Одиссей применяет по отношению к Агамемнону, наряду с термином «басилей» также означает только «командующего войском на войне».

для обозначения гомеровской так называемой царской власти (потому что главный отличительный признак ее – военное предводительство), при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания означает только военную демократию» (Маркс)⁷⁷.

У басыля, помимо военных, были еще жреческие и судейские полномочия; последние не были точно определены, первыми он обладал как верховный представитель племени или союза племен. О гражданских, административных полномочиях никогда нет и речи, но, по-видимому, басылей по должности состоял членом совета. Таким образом, этимологически совершенно правильно переводить слово «басылей» немецким словом «König», так как слово «König» (Kuning) происходит от Kuni, Kuppe и означает «старейшина рода». Но современному значению слова «König» (король) древнегреческое «басылей» совершенно не соответствует. Древнюю *basileia* Фукидид определенно называет *patrike*, то есть происходящей от родов, и говорит, что она обладала точно установленными, следовательно, ограниченными полномочиями. Аристотель также указывает, что *basileia* героической эпохи была предводительством над свободными, а басылей был военачальником, судьей и верховным жрецом; правительственной властью в позднейшем смысле он, следовательно, не обладал⁷⁸.

⁷⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 337.

⁷⁸ Так же, как греческого басыля, в виде современного монарха изображали

Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи древнюю родовую организацию еще в полной силе, но вместе с тем уже и начало разрушения ее: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду; обратное влияние имущественных различий на организацию управления посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство сначала одних только военнопленных, но уже открывающее перспективу порабощения собственных соплеменников и даже членов своего рода; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел, одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств. Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только ограждало бы вновь приобретенные богат-

и ацтекского военачальника. Морган впервые подвергает исторической критике первоначально основанные на превратном понимании и преувеличенные, а затем и прямо лживые сообщения испанцев и доказывает, что мексиканцы стояли на средней ступени варварства, но несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло, и что их строй, насколько можно заключить по искаженным сообщениям, отличался следующими чертами: это был союз трех племен, подчинивший и превративший в своих данников несколько других племен, он управлялся союзным советом и союзным военачальником, которого испанцы превратили в «императора».

ства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной, и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественно-го признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было изобретено государство.

V. Возникновение Афинского государства

Как развилось государство, частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти; как место подлинного «вооруженного народа», защищавшего себя собственными силами в своих родах, фратриях и племенах, заняла вооруженная «публичная власть», которая была подчинена этим государственным органам, а следовательно, могла быть применена и против народа, — все это, по крайней мере в начальной стадии, мы нигде не можем проследить лучше, чем в Древних Афинах. Смена форм в основном изображена Морганом, анализ же порождающего ее экономического содержания мне приходится большей частью добавлять.

В героическую эпоху четыре племени афинян занимали в Аттике еще обособленные области; даже составлявшие их двенадцать фратрий, по-видимому, имели еще отдельные поселения в виде двенадцати городов Кекропа. Организация управления соответствовала героической эпохе: народное собрание, народный совет, базилей. В эпоху, с которой начинается писаная история, земля была уже поделена и перешла в частную собственность, как это и свойственно сравнительно уже развитому к концу высшей ступени варвар-

ства товарному производству и соответствующей ему торговле товарами. Наряду с зерном производились также вино и растительное масло; морская торговля по Эгейскому морю все более изымалась из рук финикийцев и попадала большей частью в руки жителей Аттики. Благодаря купле и продаже земельных владений, благодаря дальнейшему развитию разделения труда между земледелием и ремеслом, торговлей и судоходством члены родов, фратрий и племен должны были весьма скоро перемешаться между собой; на территории фратрии и племени селились жители, которые, хотя и были соотечественниками, все же не принадлежали к этим объединениям, следовательно, были чужими в своем собственном месте жительства. Ведь каждая фратрия и каждое племя в мирное время сами управляли своими делами, не обращаясь в Афины к народному совету или басилею. Но те, кто жил на территории фратрии или племени, не принадлежа к ним, не могли, разумеется, принимать участия в этом управлении.

Все это так нарушило нормальное функционирование органов родового строя, что уже в героическую эпоху потребовалось принять меры для устранения этого. Было введено приписываемое Тезею устройство. Перемена состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, то есть часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение пребывавшего в Афи-

нах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из коренных народов Америки: вместо простого союза живущих по соседству племен произошло их слияние в единый народ. В связи с этим возникло общее афинское народное право, возвышавшееся над правовыми обычаями отдельных племен и родов; афинский гражданин, как таковой, получил определенные права и новую правовую защиту также и на той территории, где он был иноплеменником. Но этим был сделан первый шаг к разрушению родового строя, ибо это был первый шаг к осуществленному позднее допуску в состав граждан и тех лиц, которые являлись иноплеменниками во всей Аттике и полностью находились и продолжали оставаться вне афинского родового устройства. Второе, приписываемое Тезею, нововведение состояло в разделении всего народа, независимо от рода, фратрии или племени, на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников, и в предоставлении благородным исключительного права на замещение должностей. Впрочем, это разделение не привело к каким-либо результатам, кроме замещения должностей благородными, так как оно не устанавливало никаких других правовых различий между классами⁷⁹. Но оно имеет важное значение, так как раскрывает перед нами новые, незаметно раз-

⁷⁹ В издании 1884 г. конец фразы был сформулирован следующим образом: «так как остальные два класса не получили каких-либо особых прав».

вившиеся общественные элементы. Оно показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в малооспариваемое право этих семей на занятие общественных должностей, что эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены только еще зарождавшимся государством. Оно, далее, показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось уже настолько, что стало отодвигать на второй план общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных и разделения последних, в свою очередь, на два класса соответственно роду их занятий, что противопоставляло их, таким образом, один другому.

Дальнейшая политическая история Афин вплоть до Солона известна далеко недостаточно. Должность басилея утратила свое значение; во главе государства стали избранные из среды благородных архонты. Господство знати все более и более усиливалось, пока около 600 г. до нашего летоисчисления не сделалось невыносимым. Основным средством для подавления народной свободы служили при этом день-

ги и ростовщичество. Главное местопребывание знати было в Афинах и их окрестностях, где морская торговля, а вместе с ней морская разбой, которым при случае все еще занимались, обогащали эту знать и сосредоточивали в ее руках денежные богатства. Отсюда развивающееся денежное хозяйство проникало в сельские общины, воздействуя, точно разъедающая кислота, на их исконный, основанный на натуральном хозяйстве образ жизни. Родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством; разорение мелких крестьян Аттики совпало с ослаблением охранявших их старых родовых уз. Долговая расписка и закладная на землю (ибо афиняне изобрели уже и ипотеку) не считались ни с родом, ни с фратрией. А старый родовой строй не знал ни денег, ни ссуды, ни денежных долгов. Поэтому в результате все шире распространявшегося денежного владычества знати было выработано также новое обычное право для того, чтобы обеспечить кредитора против должника, чтобы освятить эксплуатацию мелких крестьян владельцами денег. На полях Аттики всюду торчали закладные камни, на которых значилось, что данный участок заложен тому-то и тому-то за такую-то сумму денег. Поля, не обозначенные таким образом, были уже большей частью проданы вследствие неуплаты в срок ипотечной ссуды или процентов и перешли в собственность ростовщика-аристократа; крестьянин мог быть доволен, если ему разрешалось оставаться на участке в качестве арендатора и жить на шестую часть продукта своего труда, уплачи-

вая остальные пять шестых новому хозяину в виде арендной платы. Более того. Если сумма, вырученная при продаже земельного участка, не покрывала долга или если заем не был обеспечен залогом, то должник вынужден был продавать своих детей в рабство в чужие страны, чтобы расплатиться с кредитором. Продажа детей отцом – таков был первый плод отцовского права и моногамии! А если кровопийца все еще не был удовлетворен, он мог продать в рабство и самого должника. Такова была светлая заря цивилизации у афинского народа.

Прежде, когда условия жизни народа еще соответствовали родовому строю, такой переворот был невозможен; а теперь он совершился, но никто не знал, каким образом. Вернемся на минуту к нашим ирокезам. Там было немыслимо положение, навязанное теперь афинянам, так сказать, без их участия и несомненно против их воли. Там оставшийся из года в год неизменным способ производства средств к жизни никогда не мог породить таких словно извне навязанных конфликтов, такого противоречия между богатыми и бедными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Ирокезы были еще весьма далеки от власти над природой, но в известных, для них определенных природных границах они были господами своего собственного производства. Если не считать неурожая на их небольших огородах, истощения запасов рыбы в их озерах и реках и резкого уменьшения дичи в их лесах, они знали заранее, на что могут рассчитывать при

своим способом добывания средств к жизни. Этот способ должен был обеспечить средства к существованию – то скудные, то более обильные, но он никак не мог привести к непредвиденным общественным переворотам, к разрыву родовых уз, к расколу членов рода и соплеменников на противоположные, борющиеся друг с другом классы. Производство велось в самых узких рамках, но продукт находился целиком во власти производителей. Это было громадным преимуществом производства эпохи варварства, преимуществом, которое с наступлением эпохи цивилизации было утрачено. Задачей ближайших поколений будет обратное завоевание его, но уже на основе ныне приобретенного могучего господства человека над природой и на основе свободной ассоциации, которая стала теперь возможной.

Иначе обстояло дело у греков. Появившаяся частная собственность на стада и предметы роскоши вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары. И в этом – зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже больше не знали, что с ним станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения. Поэтому ни одно общество не может сохранить надолго власть над своим собственным производством и контроль над социальными последствиями своего процесса про-

изводства, если оно не уничтожит обмена между отдельными лицами.

Как быстро после возникновения обмена между отдельными лицами и превращения продуктов в товары начинает проявляться власть продукта над его производителем, – это афинянам пришлось испытать на собственном опыте. Вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами своими собственными силами, а вскоре затем и земельная собственность отдельных лиц. Потом появились деньги, всеобщий товар, на который могли обмениваться все другие товары. Но, изобретая деньги, люди не подозревали, что они вместе с тем создают новую общественную силу – единственную имеющую всеобщее влияние силу, перед которой должно будет склониться все общество. И эта новая сила, внезапно возникшая без ведома и желания ее собственных творцов, дала почувствовать свое господство афинянам со всей грубостью своей молодости.

Что было делать? Древний родовой строй не только оказался бессильным против победного шествия денег, он был также абсолютно неспособен найти внутри себя хотя бы место для чего-либо подобного деньгам, кредиторам и должникам, принудительному взысканию долгов. Но новая общественная сила существовала, и благочестивые пожелания, страстное стремление вернуть доброе старое время не могли заставить снова исчезнуть деньги и ростовщичество. И, сверх того, в родовом строе был пробит ряд других второсте-

пенных брешей. От поколения к поколению все больше перемешивались между собой члены различных родов и фратрий по всей территории Аттики, и особенно в самом городе Афинах, хотя и теперь еще афинянин мог продавать не принадлежащим к своему роду лицам лишь земельные участки, но не свое жилище. С дальнейшим развитием промышленности и обмена все полнее развивалось разделение труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле – между бесчисленными разновидностями его, торговлей, судоходством и т. д.; население разделялось теперь по своим занятиям на довольно устойчивые группы; каждая из них имела ряд новых общих интересов, для которых не было места внутри рода или фратрии и для обслуживания которых появилась, следовательно, потребность в новых должностях. Количество рабов значительно возросло и, вероятно, в ту пору уже намного превышало число свободных афинян; родовой строй первоначально совсем не знал рабства, а следовательно, не знал и средств, при помощи которых можно было держать в узде эту массу несвободных. И, наконец, торговля привлекала в Афины множество чужестранцев, которые селились здесь ради легкой наживы; в силу старых порядков они также оставались бесправными и беззащитными и, несмотря на традиционную терпимость, были беспокойным, чуждым элементом в народе.

Одним словом, родовой строй подходил к концу. Обще-

ство с каждым днем все более выросло из его рамок; даже худшие из зол, возникавшие на глазах у всех, он не мог ни ограничить, ни устранить. Но тем временем незаметно развилось государство. Новые группы, образовавшиеся благодаря разделению труда сначала между городом и деревней, а затем между различными городскими отраслями труда, создали новые органы для защиты своих интересов; были учреждены всякого рода должности. А затем молодому государству для ведения отдельных небольших войн и для охраны торговых судов потребовались прежде всего собственные военные силы, которые у занимавшихся мореплаванием афинян могли быть первоначально только морскими силами. Были учреждены, неизвестно за сколько времени до Солона, навкратрии, небольшие территориальные округа, по двенадцати в каждом племени; каждая навкратрия должна была поставить, вооружить и снабдить экипажем одно военное судно и, кроме того, выставляла еще двух всадников. Это учреждение подрывало родовое устройство двояким образом: во-первых, оно создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по проживанию на одной территории. Какое это имело значение, будет видно из последующего.

Так как родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи, то оставалось рассчитывать

только на возникающее государство. И оно действительно оказало эту помощь в виде организации управления, введенной Солоном, снова усилившись в то же время за счет старого строя. Солон, – нас здесь не интересует способ, каким была проведена его реформа, относящаяся к 594 г. до нашего летоисчисления, – открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности. Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли защищать один вид собственности, не посягая на другой. Во время Великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников. Долги были попросту объявлены недействительными. Подробности нам точно неизвестны, но Солон похваляется в своих стихах, что удалил закладные камни с обремененных долгами земельных участков и вернул обратно проданных из-за долгов в чужие страны и бежавших туда людей. Это можно было сделать только посредством открытого нарушения прав собственности. И, действительно, все так называемые политические революции, от первой до последней, были совершены ради защиты собственности одного вида и осуществлялись путем конфискации, называемой также кражей, собственности другого вида. Итак, несо-

менно, что в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности.

Но теперь необходимо было помешать повторению такого обращения в рабство свободных афинян. Это достигалось прежде всего общими мерами, как, например, запрещением таких долговых обязательств, по которым закладывалась самая личность должника. Далее были установлены максимальные размеры земельной собственности, которой могло владеть отдельное лицо, чтобы ограничить хотя бы некоторыми пределами ненасытное стремление знати к захвату крестьянской земли. А затем последовали изменения и в самом строе; для нас важнейшими представляются следующие:

Было установлено, что совет состоит из четырехсот членов, по сто от каждого племени; здесь, таким образом, основой еще оставалось племя. Но это была единственная сторона старого строя, воспринятая новым государством. Что касается всего прочего, то Солон разделил граждан на четыре класса по размерам землевладения и его доходности; 500, 300 и 150 медимнов зерна (1 медимн = приблизительно 41 литру) были минимальными размерами дохода для первых трех классов; имевшие меньшие доходы или совсем не владевшие земельной собственностью попадали в четвертый класс. Все должности могли замещаться лишь представителями высших трех классов, а самые высокие должности

– только представителями первого класса; четвертый класс имел лишь право выступать и голосовать в народном собрании, однако именно здесь выбирались все должностные лица, здесь они должны были отчитываться в своей деятельности, здесь вырабатывались все законы, а четвертый класс составлял здесь большинство. Аристократические привилегии были частью возобновлены в форме привилегий богатства, но народ сохранял за собой решающую власть. Кроме того, деление на четыре класса служило основой для новой организации войска. Первые два класса поставляли кавалерию, третий должен был служить в качестве тяжеловооруженной пехоты, четвертый – в качестве легкой, не имевшей защитных доспехов пехоты или во флоте, и притом получал, вероятно, за свою службу плату.

Здесь, таким образом, в организацию управления вводится совсем новый элемент – частная собственность. Права и обязанности граждан государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности, и в той же мере, в какой стали приобретать влияние имущие классы, начали вытесняться старые кровнородственные объединения; родовой строй потерпел новое поражение. Однако предоставление политических прав соразмерно имуществу вовсе не было одним из таких установлений, без которых не может существовать государство. Хотя этот принцип и играл большую роль в истории государственного устройства, все же очень многие государства, и как раз наиболее развитые,

обходились без него. Да и в Афинах он сыграл только переходящую роль; со времени Аристида доступ ко всем должностям был открыт каждому гражданину.

В течение последующих восьмидесяти лет эволюция афинского общества постепенно приняла направление, по которому оно развивалось далее на протяжении следующих столетий. Процветавшим в досолоновскую эпоху ростовщическим операциям с землей был положен предел, равно как и безмерной концентрации земельной собственности. Торговля, а также все более развивавшиеся на основе рабского труда ремесло и художественное ремесло сделались господствующими занятиями. Люди стали более просвещенными. Вместо того чтобы по-старому жестоко эксплуатировать собственных сограждан, теперь стали эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей афинских товаров вне Афин. Движимое имущество, богатство, состоявшее в деньгах, рабах и кораблях, все более возрастало, но теперь оно уже не служило только средством для приобретения земельной собственности, как это было в прежние времена замкнутости и ограниченности, – оно стало самоцелью. В результате этого, с одной стороны, в лице нового класса – богатей, занимавшихся промышленностью и торговлей, возникла победоносная конкуренция старому могуществу знати, а, с другой, остатки старого родового строя лишились последней почвы. Роды, фратрии и племена, члены которых были рассеяны теперь по всей Аттике и окончательно переме-

шались между собой, стали поэтому совсем непригодными для роли политических объединений; множество афинских граждан не принадлежало ни к какому роду; это были пришельцы, которые хотя и получили права гражданства, но не были приняты ни в один из старых родовых союзов; наряду с этим еще имелось непрерывно возраставшее число чужеземных пришельцев, находившихся под покровительством.

Между тем борьба партий продолжалась; знать пыталась вернуть свои прежние привилегии и на короткое время одержала верх, пока революция Клисфена (509 г. до нашего летоисчисления) не низвергла ее окончательно, а с ней вместе и последние остатки родового строя.

Новая организация управления, проведенная Клисфеном, игнорировала деление на четыре древних племена, основанных на родах и фратриях. Ее место заняла совершенно новая организация на основе уже испытанного в навкратиях разделения граждан только по месту их жительства. Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории.

Вся Аттика была разделена на сто самоуправляющихся общин-округов, или демов. Живущие в каждом деме граждане (демоты) избирали своего старейшину (демарха) и казначея, а также тридцать судей, которым были подсудны мелкие тяжбы. Демы получали также собственный храм и бо-

га-покровителя или героя, для которого они выбирали священнослужителей. Высшая власть в деме принадлежала собранию демотов. Как справедливо замечает Морган, это – прообраз самоуправляющейся американской городской общины. Возникающее государство начало в Афинах с той же самой единицы, к которой приходит современное государство в результате своего высшего развития.

Десять таких единиц, демов, составляли племя, которое, однако, в отличие от старого родового племени стало называться теперь территориальным племенем. Оно было не только самоуправляющимся политическим, но также и военным объединением, оно выбирало филарха⁸⁰, или старейшину племени, который командовал конницей, таксиарха, командовавшего пехотой, и стратега, командовавшего всем войском, набранным на территории племени. Оно, далее, снаряжало пять военных судов с экипажем и командиром и получало в качестве своего священного покровителя какого-нибудь аттического героя, по имени которого и называлось. Наконец, оно выбирало пятьдесят представителей в афинский совет.

Венцом этого явилось афинское государство, которое управлялось советом, состоявшим из пятисот избранных представителей десяти племен, а в последней инстанции – народным собранием, куда имел доступ и где пользовался правом голоса каждый афинский гражданин; наряду с этим

⁸⁰ От древнегреческого слова «фила» – племя.

архонты и другие должностные лица ведали различными отраслями управления и судебными делами. Главы исполнительной власти в Афинах не было.

С введением этой новой организации управления и с допущением очень большого числа находившихся под покровительством – частью пришельцев, частью вольноотпущенных рабов – органы родового строя были оттеснены от общественных дел; они выродились в союзы частного характера и в религиозные братства. Но моральное влияние, унаследованные взгляды и образ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях, которые отмирали только постепенно. Это сказалось на одном из позднейших государственных учреждений.

Мы видели, что существенный признак государства состоит в публичной власти, отделенной от массы народа. Афины располагали в ту пору лишь народным войском и флотом, который выставлял непосредственно народ; войско и флот были защитой от внешних врагов и держали в повиновении рабов, которые уже тогда составляли значительное большинство населения. По отношению к гражданам публичная власть первоначально существовала только в качестве полиции, которая так же стара, как государство, поэтому простодушные французы XVIII века и говорили не о народах цивилизованных, а о народах полицизированных (*nations policees*)⁸¹. Афиняне учредили, таким образом, од-

⁸¹ Игра слов: «police» – «цивилизованный», «police» – «полиция».

новременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из пеших и конных лучников – ландегерей, как их называют в Южной Германии и в Швейцарии. Но эта жандармерия формировалась из рабов. Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унижительной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному рабу, лишь бы самому не заниматься таким позорным делом. В этом сказывался еще образ мыслей древнего родового быта. Государство не могло существовать без полиции, но оно было еще молодо и не пользовалось еще достаточным моральным авторитетом, чтобы внушить уважение к занятию, которое бывшим членам родов неминуемо должно было казаться гнусным.

В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство соответствовало новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами. Ко времени наивысшего расцвета Афин общее количество свободных граждан, включая женщин и детей, составляло приблизительно 90 000 человек, а рабов обоего пола насчитывалось 365 000 и состоявших под покровительством – чужеземцев и вольноотпущенников – 45 000.

На каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось, таким образом, по меньшей мере 18 рабов и свыше двух находившихся под покровительством. Большое число рабов было связано с тем, что многие из них работали вместе в мануфактурах, в больших помещениях под надзором надсмотрщиков. Но с развитием торговли и промышленности происходили накопление и концентрация богатств в немногих руках, а также обнищание массы свободных граждан, которым только оставалось на выбор: или вступить в конкуренцию с рабским трудом, самим взявшись за ремесло, что считалось постыдным, низким занятием и не сулило к тому же большого успеха, или же превратиться в нищих. Они шли – при данных условиях неизбежно – по последнему пути, а так как они составляли массу населения, это привело к гибели и все афинское государство. Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные педанты, пресмыкающиеся перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным.

Возникновение государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего, – кратковременная узурпация власти Писистратом не оставила никаких следов, – с другой стороны, потому, что в данном случае весьма высокоразвитая форма государства – демократическая республика, возникает непо-

средственно из родового общества и, наконец, потому, что нам достаточно известны все существенные подробности образования этого государства.

VI. Род и государство в Риме

Из сказания об основании Рима видно, что первое поселение было создано рядом объединившихся в одно племя латинских родов (согласно сказанию, их было сто), к которым вскоре присоединилось одно сабельское племя, также будто бы насчитывавшее сто родов, а затем и состоявшее из различных элементов третье племя, также имевшее, по преданию, сто родов. Весь рассказ с первого взгляда свидетельствует о том, что здесь не было ничего естественно сложившегося, кроме рода, да и последний в некоторых случаях был лишь ветвью первоначального рода, продолжавшего существовать на старой родине. На племенах лежит печать искусственного образования, однако большей частью из родственных элементов и по образцу древнего, естественно выросшего, а не искусственно созданного племени, при этом не исключено, что ядром каждого из трех племен могло служить подлинное старое племя. Промежуточное звено, фрагрия, состояло из десяти родов и называлось курией, их было, таким образом, тридцать.

Общепризнано, что римский род был таким же институтом, как и род греческий, если греческий род представляет собой дальнейшее развитие той общественной ячейки, первобытную форму которой мы находим у американских краснокожих, то это целиком относится и к римскому роду. Мы

можем поэтому быть здесь более краткими.

Римский род, по крайней мере в древнейшую пору существования города, имел следующее устройство:

1. Взаимное право наследования членов рода, имущество оставалось внутри рода. Так как в римском роде, как и в греческом, господствовало уже отцовское право, то потомство по женской линии исключалось из наследования. По законам Двенадцати таблиц, древнейшему известному нам писаному памятнику римского права, в первую очередь наследовали дети как прямые наследники, за их отсутствием – агнаты (родственники по мужской линии), а за отсутствием последних – члены рода. Во всех случаях имущество оставалось внутри рода. Мы видим здесь постепенное проникновение в родовой обычай новых, порожденных ростом богатства и моногамией правовых норм. Первоначально равное право наследования всех членов рода ограничивается на практике сначала – и, как указывалось выше, очень рано – агнатами, а в конечном счете детьми и их потомством по мужской линии, в Двенадцати таблицах это, само собой разумеется, представлено в обратном порядке.

2. Обладание общим местом погребения. Патрицианский род Клавдиев при переселении из города Регилл в Рим получил участок земли и, кроме того, в самом городе – общее место погребения. Еще при Августе привезенная в Рим голова погибшего в Тевтобургском лесу Вара была погребена в

gentilitius tumulus⁸² – род (Квинтилиев), следовательно, имел еще особый могильный курган⁸³.

3. Общие религиозные празднества. Эти sacra gentilitia⁸⁴ известны.

4. Обязательство не вступать в брак внутри рода. Это, по видимому, никогда не превращалось в Риме в писанный закон, но оставалось обычаем. Из огромной массы римских супружеских пар, имена которых сохранились до нас, ни одна не имеет одинакового родового имени для мужа и жены. Наследственное право также подтверждает это правило. Женщина с выходом замуж утрачивает свои агнатические права, выходит из своего рода, ни она, ни ее дети не могут наследовать ее отцу или братьям последнего, так как в противном случае отцовский род утратил бы часть наследства. Это имеет смысл только при предположении, что женщина не может выйти замуж за члена своего рода.

5. Общее владение землей. Последнее всегда существовало в первобытную эпоху, с тех пор как землю племени начали делить. Среди латинских племен мы находим землю частью во владении племени, частью во владении рода, частью же во владении домашних хозяйств, которыми тогда вряд ли⁸⁵

⁸² Родовой курган.

⁸³ Слова «род (Квинтилиев), следовательно, имел еще особый могильный курган» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

⁸⁴ Родовые священные празднества.

⁸⁵ В издании 1884 г. вместо слов «вряд ли» напечатано «необязательно».

являлись отдельные семьи. Ромулу приписывается первый раздел земли между отдельными лицами, приблизительно по гектару (два югера) на каждого. Однако мы еще и позднее находим земельные владения, принадлежащие родам, не говоря уже о государственной земле, вокруг которой вращается вся внутренняя история республики.

6. Обязанность членов рода оказывать друг другу защиту и помощь. Писаная история показывает нам одни лишь обломки этого обычая; римское государство сразу выступило на сцену как такая могущественная сила, что право защиты от нанесения зла перешло к нему. Когда Аппий Клавдий был арестован, все члены его рода облеклись в траур, даже те, кто были его личными врагами. Во время второй Пунической войны роды объединялись для выкупа своих пленных сородичей; сенат запретил им это.

7. Право носить родовое имя. Оно сохранилось вплоть до времен империи; вольноотпущенникам разрешалось принимать родовое имя своих бывших господ, однако без приобретения прав членов рода.

8. Право принимать в род посторонних. Это совершалось путем усыновления одной из семей (как у индейцев), что влекло за собой принятие в состав рода.

9. О праве избирать и смещать старейшину нигде не упоминается. Но так как в первый период истории Рима все должности замещались по выбору или по назначению, начиная с выборного царя, и так как жрецы курий также выбира-

лись этими последними, то мы можем предположить относительно старейшин (principes) родов то же самое, хотя избрание из одной и той же семьи в роде могло уже стать правилом.

Таковы были функции римского рода. За исключением уже завершившегося перехода к отцовскому праву, они точно воспроизводят права и обязанности ирокезского рода; здесь тоже «явственно проглядывает ирокез»⁸⁶.

Покажем⁸⁷ на одном только примере, какая путаница в вопросе о римском родовом строе царит еще в настоящее время даже среди наших самых известных историков. В работе Моммзена о римских собственных именах времен республики и Августа («Исследования по истории Рима», Берлин, 1864, т. I) говорится следующее:

«Помимо всех членов рода мужского пола, исключая, конечно, рабов, но включая лиц, принятых родом и находящихся под его покровительством, родовое имя распространяется также на женщин... Племя» (так Моммзен переводит здесь слово gens) «— это... общность, возникшая на основе общего — действительного или предполагаемого или даже вымышленного — происхождения, скрепленная узами товарищества в отношении празднеств, места погребений и наследования, общность, к

⁸⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 328.

⁸⁷ Весь данный текст до слов: «Еще почти триста лет спустя после основания Рима» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

которой должны и могут причислять себя все лично свободные индивиды, а следовательно, также и женщины. Затруднение представляет только определение родового имени замужних женщин. Этого затруднения, конечно, не существовало, пока женщина могла вступать в брак не иначе, как с членом своего рода, а, как может быть доказано, долгое время женщине труднее было выйти замуж за пределами своего рода, чем внутри него, ибо ведь это право вступления в брак вне рода – *gentis enuptio* – еще в VI веке давалось в награду в качестве личной привилегии... Но там, где имели место такие браки вне рода, женщина в древнейшую эпоху, по-видимому, должна была переходить в племя мужа. Нет никакого сомнения в том, что женщина, по древнему религиозному браку, полностью вступает в правовую и сакральную общину мужа и выходит из своей. Кто не знает, что замужняя женщина утрачивает право на наследование и на передачу своего наследства по отношению к членам своего рода, зато входит в имеющий общие права наследования союз, к которому принадлежат ее муж, дети и вообще члены их рода. И если она как бы усыновляется мужем и вступает в его семью, то как же может она оставаться чужой его роду?» (стр. 8—11).

Моммзен, таким образом, утверждает, что римские женщины, принадлежавшие к какому-нибудь роду, могли первоначально вступать в брак только внутри своего рода, что

римский род, следовательно, был эндогамный, а не экзогамный. Этот взгляд, противоречащий всей практике других народов, опирается, главным образом, если не исключительно, на одно-единственное, вызывавшее много споров, место у Ливия (книга XXXIX, гл. 19), согласно которому сенат в 568 г. от основания города, то есть в 186 г. до нашего летоисчисления, постановил:

«uti Feceniae Hispalae datio, deminutio, gentis enuptio, tutoris optio item esset quasi ei vir testamento dedisset; utiq ue ei ingenuo nubere liceret, neu quid ei qui eam duxisset, ob id fraudi ignoinmieve esset» – «чтобы Фецения Гиспала имела право распоряжаться своим имуществом, уменьшать его, выйти замуж вне рода и избрать себе опекуна, как если бы ее» (умерший) «муж передал ей это право по завещанию, чтобы она могла выйти замуж за свободно рожденного и чтобы тому, кто возьмет ее в жены, это не было зачтено за дурной поступок или бесчестие».

Итак, несомненно, что здесь Фецении, вольноотпущеннице, предоставляется право выйти замуж вне рода. И столь же несомненно отсюда следует, что муж имел право по завещанию передать своей жене право выйти после его смерти замуж вне рода. Но вне какого рода?

Если женщина обязана была выходить замуж внутри своего рода, как предполагает Моммзен, то она и после брака оставалась в этом роде. Но, во-первых, именно это утверждение об эндогамии рода и требуется доказать. А во-вторых,

если женщина должна была вступать в брак внутри своего рода, то, естественно, что и мужчина так же, так как иначе он не нашел бы себе жены. Но тогда оказывается, что муж мог передать своей жене по завещанию право, которым он сам не располагал и не мог использовать для самого себя; с юридической точки зрения это – бессмыслица. Моммзен также чувствует это и потому делает следующее предположение:

«Для вступления в брак вне рода требовалось юридически, вероятно, не только согласие власть имущего, но и всех членов рода» (стр. 10, примечание).

Это, во-первых, весьма смелое предположение, а во-вторых, оно противоречит ясному тексту приведенного места; сенат дает ей это право вместо мужа, он определенно дает ей не больше и не меньше того, что мог бы дать ей ее муж, но то, что он дает ей, – это право абсолютное, никакими другими ограничениями не связанное, так что, если она воспользуется этим правом, то и ее новый муж не должен страдать от этого; сенат даже поручает настоящим и будущим консулам и преторам позаботиться о том, чтобы для нее не произошло от этого никакого вреда. Таким образом, предположение Моммзена представляется совершенно неприемлемым.

Или же допустим другое: женщина выходила замуж за мужчину из другого рода, но сама оставалась в своем прежнем роде. Тогда, согласно вышеприведенному месту, ее муж имел бы право позволить жене вступить в брак вне ее собственного рода. Это значит, что он имел бы право распоря-

жаться делами, касавшимися рода, к которому он вовсе не принадлежал. Это такая нелепость, о которой больше и говорить не стоит.

Таким образом, остается только предположить, что женщина в первом браке вышла замуж за мужчину из другого рода и в результате этого брака тут же перешла в род мужа, как это Моммзен фактически и допускает для подобных случаев. Тогда все взаимоотношения сразу становятся ясными. Женщина, вследствие замужества оторванная от своего старого рода и принятая в новый родовой союз мужа, занимает там совершенно особое положение. Хотя она и член рода, но не связана с ним кровным родством; самый характер ее принятия заранее исключает ее из общего запрета вступать в брак внутри рода, в который она вошла именно путем замужества; она, далее, принята в родовой союз, имеющий общие права наследования и в случае смерти мужа наследует его имущество, то есть имущество члена рода. Что может быть естественнее правила, обязывающего ее в целях сохранения имущества в роде выйти замуж за члена рода ее первого мужа и ни за кого другого? И если должно быть сделано исключение, то кто может быть достаточно правомочным для того, чтобы предоставить ей такое право, как не ее первый муж, который завещал ей это имущество? В тот момент, когда он завещает ей часть имущества и одновременно разрешает путем брака или в результате брака передать эту часть имущества в чужой род, это имущество еще при-

надлежит ему; он, следовательно, распоряжается буквально только своей собственностью. Что касается самой жены и ее отношения к роду ее мужа, то в этот род ввел ее именно муж актом свободного волеизъявления – браком; поэтому также представляется естественным, что именно он и является тем лицом, которое может предоставить ей право выйти из этого рода посредством второго брака. Одним словом, дело оказывается простым и, само собой, понятным, как только мы отбросим курьезное представление об эндогамности римского рода и вместе с Морганом признаем его первоначально экзогамным.

Остается еще последнее предположение, которое также нашло своих сторонников и, пожалуй, наиболее многочисленных: указанное место якобы говорит лишь о том,

«что вольноотпущенные служанки (*libertae*) не могли без специального разрешения *e gente enubere*» (вступать в брак вне рода) «или совершить какой-либо другой акт, который, будучи связан с *capitis diminutio minima*⁸⁸, повлек бы за собой выход *liberta* из родового союза» (Ланге «Римские древности», Берлин, 1856, I, стр. 195, где по поводу цитируемого нами места из Ливия делается ссылка на Хушке).

Если это предположение правильно, то упомянутое место уже совершенно ничего не доказывает относительно положения свободнорожденных римлянок, и тогда совсем не мо-

⁸⁸ Утратой семейных прав.

жет быть и речи об обязанности последних вступать в брак внутри рода.

Выражение *enuptio gentis* встречается только в этом единственном месте и нигде больше во всей римской литературе; слово *enubere* – вступать в брак на стороне – встречается только три раза, тоже у Ливия, и притом не в связи с родом. Фантастическая идея, будто римлянки могли вступать в брак только внутри рода, обязана своим возникновением лишь одному этому месту. Но она абсолютно не выдерживает критики. В самом деле, или это место относится к особым ограничениям для вольноотпущенниц, и тогда оно ничего не доказывает в отношении свободнорожденных (*ingenuae*); или же оно имеет силу и для свободнорожденных, и тогда оно, скорее, доказывает, что женщина, по общему правилу, вступала в брак вне своего рода, но с замужеством переходила в род мужа, следовательно, оно говорит против Моммзена и в пользу Моргана.

Еще почти триста лет спустя после основания Рима родовые узы были настолько прочны, что один патрицианский род, именно род Фабиев, мог с разрешения сената собственными силами предпринять военный поход против соседнего города Вейи. 306 Фабиев будто бы выступили в поход и, попав в засаду, все были убиты; единственный оставшийся в живых мальчик продолжил род.

Десять родов, как сказано выше, составляли фратрию, которая здесь называлась курией и имела более важные об-

ественные функции, чем греческая фратрия. Каждая курия имела собственные религиозные церемонии, святыни и жрецов; последние в своей совокупности составляли одну из римских жреческих коллегий. Десять курий составляли племя, которое, вероятно, имело первоначально, подобно остальным латинским племенам, своего выборного старейшину – военачальника и верховного жреца. Все три племени вместе составляли римский народ – *populus romanus*.

К римскому народу, таким образом, мог принадлежать только тот, кто был членом рода, а через свой род – членом курии и племени. Первоначальная организация управления этого народа была следующая. Общественными делами ведал сначала сенат, который, как это впервые верно подметил Нибур, состоял из старейшин трехсот родов; именно поэтому в качестве родовых старейшин они назывались отцами, *patres*, а их совокупность – сенатом (совет старейших, от слова *senex* – старый). Вошедшее в обычай избрание старейшин всегда из одной и той же семьи каждого рода создало и здесь первую родовую знать; эти семьи назывались патрициями и претендовали на исключительное право входить в состав сената и занимать все другие должности. Тот факт, что народ со временем позволил возобладать этим притязаниям и они превратились в действующее право, нашел свое выражение в сказании о том, что Ромул пожаловал первым сенаторам и их потомству патрициат с его привилегиями. Сенат, как и афинский *bule*, имел право принимать окончательные

решения по многим вопросам и предварительно обсуждать более важные из них, в особенности новые законы. Последние окончательно принимались народным собранием, которое называлось *comitia curiata* (собрание курий). Народ собирался, группируясь по куриям, а в каждой курии, вероятно, по родам; при принятии решений каждая из тридцати курий имела по одному голосу. Собрание курий принимало или отвергало все законы, избирало всех высших должностных лиц, в том числе *rex*'а (так называемого царя), объявляло войну (но мир заключал сенат) и в качестве высшей судебной инстанции выносило окончательное решение по апелляции сторон во всех случаях, когда дело шло о смертном приговоре римскому гражданину. – Наконец, наряду с сенатом и народным собранием имелся *рекс*, который точно соответствовал греческому *басилею* и отнюдь не был, как его изображает Моммзен, почти абсолютным монархом.⁸⁹ Он тоже был военачальником, верховным жрецом и председательствовал в некоторых судах. Полномочиями в области гражданского

⁸⁹ Латинское слово *rex* – соответствует кельтско-ирландскому *righ* (старейшина племени) и готскому *reiks*; что последнее слово, как первоначально и немецкое *Furst* (означает то же, что по-английски *first*, по-датски *forste*, то есть «первый»), означало также старейшину рода или племени, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника своего народа: *thiudans*. Артаксеркс и Ирод в Библии, переведенной Ульфилой, никогда не называются *reiks*, а только *thiudans*, государство императора Тиберия – не *reiki*, а *thiudmassus*. В имени готского тиуданса, или, как мы не точно переводим, короля Тиударейкса, Теодориха, иначе говоря, Дитриха, оба эти обозначения слились воедино.

управления, а также властью над жизнью, свободой и собственностью граждан он отнюдь не обладал, если только они не вытекали из дисциплинарной власти военачальника или власти главы судебного органа в отношении приведения приговора в исполнение. Должность рекса не была наследственной; напротив, он сначала избирался, вероятно, по предложению своего предшественника по должности, собранием курий, а затем во втором собрании торжественно вводился в должность. Что он мог также быть смещен, доказывает судьба Тарквиния Гордого.

Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян в период так называемых царей существовала военная демократия, основанная на родах, фратриях и племенах и развившаяся из них. Курии и племена были, правда, отчасти искусственными образованиями, но они были организованы по образцу подлинных, естественно сложившихся форм того общества, из которого они возникли и которое еще окружало их со всех сторон. И хотя стихийно развившаяся патрицианская знать уже приобрела твердую почву под ногами, хотя рексы старались расширить мало-помалу свои полномочия, все это не меняет первоначального основного характера строя, а в этом все дело.

Между тем население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеваниям, возрастало отчасти за счет иммиграции, отчасти – за счет населения покоренных, по преимуществу латинских, округов. Все эти новые

подданные государства (вопроса о клиентах мы здесь не касаемся) стояли вне старых родов, курий и племен и, следовательно, не были составной частью *populus romanus*, собственно римского народа. Они были лично свободными людьми, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собрании курий, ни в дележе приобретенных путем завоеваний государственных земель. Они составляли лишенный всех политических прав плебс. Благодаря своей все возраставшей численности, своей военной выучке и вооружению они сделались грозной силой, противостоящей старому *populus*, теперь прочно огражденному от всякого прироста за счет пришлых элементов. Вдобавок к этому земельная собственность была, по-видимому, почти равномерно распределена между *populus* и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем, еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса.

Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю Рима, – мрака, еще значительно усиленного попытками толкования в рационалистически-прагматическом духе и такого же рода описаниями позднейших ученых-юристов, сочинения которых служат нам источниками, – невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни об обстоятельствах возникновения той революции, которая положила конец древнему родово-

му строю. Несомненно только, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и *populus*.

По новой организации управления, приписываемой рексу Сервию Туллию и опиравшейся на греческие образцы, особенно на Солона, было создано новое народное собрание, в котором участвовали или из которого исключались без различия *populus* и плебеи, в зависимости от того, несли ли они военную службу или нет. Все военнообязанное мужское население было разделено соответственно своему имуществу на шесть классов. Минимальный размер имущества для каждого из пяти классов составлял: I – 100 000 ассов, II – 75 000, III – 50 000, IV – 25 000, V – 11 000 ассов, что, согласно Дюро де Ла Малю, составляет приблизительно 14 000, 10 500, 7000, 3600 и 1570 марок. Шестой класс, пролетарии, состоял из малоимущих, свободных от военной службы и налогов. В новом народном собрании центурий (*comitia centuriata*) граждане размещались по военному образцу, так сказать, поротно, центуриями по 100 человек, причем каждая центурия имела один голос. Но первый класс выставлял 80 центурий, второй – 22, третий – 20, четвертый – 22, пятый – 30, шестой также, приличия ради, – одну центурию. Кроме того, всадники, набравшиеся из наиболее богатых граждан, составляли 18 центурий; всего насчитывалось 193 центурии; для большинства голосов было достаточно 97. Но всадники и первый класс вместе имели 98 голосов, то есть большинство; при их единодушии остальных даже не спрашивали, окончательное

решение считалось принятым.

К этому новому собранию центурий перешли теперь все политические права прежнего собрания курий (кроме некоторых номинальных прав); курии и составлявшие их роды были тем самым низведены, как и в Афинах, к роли простых частных и религиозных братств и еще долгое время влачили существование в этой роли, тогда как собрание курий вскоре совсем сошло со сцены. Для того чтобы устранить из государства и три старых родовых племени, были созданы четыре территориальных племени, каждое из которых населяло особый квартал города и было наделено рядом политических прав.

Так и в Риме, еще до упразднения так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях. Публичная власть сосредоточилась здесь в руках военнообязанных граждан и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, отстраненных от военной службы и лишенных вооружения.

В рамках этого нового строя, который получил свое дальнейшее развитие лишь после изгнания последнего рекса, Тарквиния Гордого, узурпировавшего подлинную царскую власть, и замены рекса двумя военачальниками (консулами), облеченными одинаковой властью (как у ирокезов), – в рам-

ках этого строя развивается вся история Римской республики со всей ее борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением, в конце концов, патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили всю земельную собственность разоренных военной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные имения руками рабов, довели Италию до обезлюдения и тем самым проложили дорогу не только империи, но и ее преемникам – германским варварам.

VII. Род у кельтов и германцев

Рамки настоящей работы не позволяют нам подробно рассмотреть институты родового строя, существующие еще поныне у самых различных диких и варварских народов в более или менее чистой форме, или следы этих институтов в древней истории азиатских культурных народов⁹⁰. Те и другие встречаются повсюду. Достаточно нескольких примеров. Еще до того как узнали, что такое род, Мак-Леннан, который больше всего приложил усилий к тому, чтобы запутать смысл этого понятия, доказал его существование и в общем правильно описал его у калмыков, черкесов, самоедов⁹¹ и у трех индийских народов – варли, магаров и манипури. Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванов и других кавказских племен. Здесь мы ограничимся некоторыми краткими замечаниями о существовании рода у кельтов и германцев.

Древнейшие из сохранившихся кельтских законов показывают нам род еще полным жизни; в Ирландии он, по крайней мере инстинктивно, живет в сознании народа еще и теперь, после того как англичане насильственно разрушили его; в Шотландии он был в полном расцвете еще в середи-

⁹⁰ Дальнейший текст в данном абзаце до слов «Здесь мы ограничимся» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

⁹¹ Прежнее название ненцев.

не прошлого столетия и здесь был также уничтожен только оружием, законодательством и судами англичан.

Древнеуэльские законы, записанные за много столетий до английского завоевания, самое позднее в XI веке, свидетельствуют еще о наличии совместной обработки земли целыми селами, хотя и в виде только сохранившегося как исключение пережитка общераспространенного ранее обычая; у каждой семьи было пять акров для самостоятельной обработки; наряду с этим один участок обрабатывался сообща и урожай подлежал дележу. Не подлежит сомнению, что эти сельские общины представляют собой роды или подразделения родов; это доказывает уже аналогия с Ирландией и Шотландией, если даже новое исследование уэльских законов, для которого у меня нет времени (мои выдержки сделаны в 1869 г.), прямо не подтвердило бы этого. Но зато уэльские источники, а с ними и ирландские прямо доказывают, что у кельтов в XI веке парный брак отнюдь не был еще вытеснен моногамией. В Уэльсе брак становился нерасторжимым, или, вернее, не подлежащим отмене по требованию одной из сторон лишь по прошествии семи лет. Если до семи лет неоставало только трех ночей, то супруги могли разойтись. Тогда производился раздел имущества: жена делила, муж выбирал свою часть. Домашняя утварь делилась по определенным, очень курьезным правилам. Если брак расторгался мужем, то он должен был вернуть жене ее приданое и некоторые другие предметы; если женой – то она получала меньше.

Из детей муж получал двоих, жена – одного ребенка, именно среднего. Если жена после развода вступала в новый брак, а первый муж хотел получить ее вновь, то она должна была следовать за ним, если бы даже и ступила уже одной ногой на новое супружеское ложе. Но если они прожили вместе семь лет, то становились мужем и женой даже и в том случае, когда брак не был раньше оформлен. Целомудрие девушек до брака отнюдь не соблюдалось строго и не требовалось; относящиеся сюда правила – весьма фривольного свойства и совсем не соответствуют буржуазной морали. Если женщина нарушала супружескую верность, муж мог избить ее (один из трех случаев, когда это ему позволялось, во всех остальных он подлежал наказанию за это), но уж после этого он не имел права требовать другого удовлетворения, ибо «за один и тот же проступок полагается либо искупление вины, либо месть, но не то и другое вместе».

Причины, в силу которых жена могла требовать развода, ничего не теряя из своих прав при разделе имущества, были весьма разнообразны: достаточно было дурного запаха изо рта у мужа. Подлежащие выплате вождю племени или королю выкупные деньги за право первой ночи (*gobr merch*, откуда средневековое название *marcheta*, по-французски – *marquette*) играют в сборнике законов значительную роль. Женщины пользовались правом голоса в народных собраниях. Добавим к этому, что для Ирландии доказано суще-

ствование подобных же порядков; что там также совершенно обычными были браки на время, и жене при разводе обеспечивались точно установленные большие преимущества, даже возмещение за ее работу по домашнему хозяйству; что там встречалась «первая жена» наряду с другими женами и не делалось никакого различия при дележе наследства между брачными и внебрачными детьми. Таким образом, перед нами – картина парного брака, по сравнению с которой существующая в Северной Америке форма брака кажется строгой, но в XI веке это и не удивительно у народа, который еще во времена Цезаря жил в групповом браке.

Существование ирландского рода (*sept*, племя называлось *clainne*, клан) подтверждается, и описание его дается не только в древних сборниках законов, но и английскими юристами XVII века, которые были присланы в Ирландию для превращения земель кланов в коронные владения английского короля. Земля вплоть до самого этого времени была общей собственностью клана или рода, если только она не была уже превращена вождями в их частные домениальные владения. Когда умирал какой-нибудь член рода и, следовательно, одно из хозяйств переставало существовать, старейшина (*caput cognationis*, как называли его английские юристы) предпринимал новый передел всей земли между оставшимися хозяйствами. Последний производился, вероятно, в общем по правилам, действующим в Германии. Еще в настоящее время кое-где в деревнях встречаются поля, входящие в так на-

зываемую систему gundale, сорок или пятьдесят лет тому назад таких полей было очень много. Крестьяне, индивидуальные арендаторы земли, ранее принадлежавшей всему роду, а затем захваченной английскими завоевателями, вносят каждый арендную плату за свой участок, но соединяют всю пахотную и луговую землю своих участков вместе, делят ее в зависимости от расположения и качества на «коны»⁹², как они называются на Мозеле, и предоставляют каждому его долю в каждом коне; болота и выгоны находятся в общем пользовании. Еще пятьдесят лет тому назад время от времени, иногда ежегодно, производились переделы. Межевой план такой деревни, где действует система gundale, выглядит совершенно так же, как план какой-нибудь немецкой подворной общины⁹³ на Мозеле или в Хохвальде. Род продолжает жить также и в «factions»⁹⁴. Ирландские крестьяне часто делятся на партии, которые различаются по совершенно бессмысленным или нелепым на внешний взгляд признакам, абсолютно непонятным для англичан, и как будто не преследуют никакой другой цели, кроме излюбленных в торжественные дни потасовок этих партий между собой. Это – искусственное возрождение уничтоженных родов, заменитель их, появившийся после их гибели, своеобразно свидетельствующий о живучести унаследованного родового инстинк-

⁹² «Gewanne».

⁹³ Gehoferschaft.

⁹⁴ «Партиях».

та. Впрочем, в некоторых местностях члены рода еще живут вместе на старой территории; так, еще в тридцатых годах значительное большинство жителей графства Монахан имело всего четыре фамилии, то есть происходило от четырех родов или кланов⁹⁵.

В Шотландии гибель родового строя совпадает с подавлением восстания 1745 г. Остается еще исследовать, какое именно звено этого строя представляет шотландский клан, но что он является таким звеном, не подлежит сомнению. В романах Вальтера Скотта перед нами, как живой, встает этот клан горной Шотландии. Этот клан, – говорит Морган, –

⁹⁵ За несколько дней, проведенных в Ирландии, я снова живо осознал, в какой степени еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще своего рода вождем клана, обязанным распоряжаться землей в интересах всех; крестьянин полагает, что уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий более богатый человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде. Такая помощь – не милостыня, она по праву полагается менее состоятельному члену клана от более богатого или от вождя клана. Понятны жалобы экономистов и юристов на невозможность внушить ирландскому крестьянину понятие о современной буржуазной собственности; собственность, у которой одни только права и никаких обязанностей, просто не умещается в голове ирландца. Но понятно также, что ирландцы, внезапно попадающие со столь наивными, свойственными родовому строю, представлениями в большие английские или американские города, в среду с совершенно иными нравственными и правовыми воззрениями, – что такие ирландцы легко оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто в массовом масштабе становятся жертвами деморализации. (*Примечание Энгельса к изданию 1891 года.*)

«превосходный образец рода по своей организации и по своему духу, разительный пример власти родового быта над членами рода... В их распрях и в их кровной мести, в распределении территории по кланам, в их совместном землепользовании, в верности членов клана вождю и друг другу мы обнаруживаем повсеместно устойчивые черты родового общества. Происхождение считалось в соответствии с отцовским правом, так что дети мужчин оставались в клане, тогда как дети женщин переходили в кланы своих отцов».

Но что ранее в Шотландии господствовало материнское право, доказывает тот факт, что, по свидетельству Беды, в королевской фамилии пиктов наследование происходило по женской линии. Даже пережиток пуналуальной семьи сохранился как у уэльсцев, так и у скоттов вплоть до средних веков в виде права первой ночи, которым, если оно не было выкуплено, мог воспользоваться по отношению к каждой невесте вождь клана или король в качестве последнего представителя прежних общих мужей⁹⁶.

Не подлежит сомнению, что германцы вплоть до пересе-

⁹⁶ В издании 1884 г. за этими словами следует текст, опущенный Энгельсом в издании 1891 г. «Такое же право – в Северной Америке оно встречается на крайнем северо-западе довольно часто – действовало также и у русских; его отменила великая княгиня Ольга в X веке». Далее приводится абзац о «коммунистических хозяйствах крепостных семей в Ниверне и Франш-Конте, подобных славянским семейным общинам в сербско-хорватских землях», перенесенный Энгельсом в издании 1891 г. в главу II и включенный им в несколько измененном виде в одно из добавлений к этой главе.

ления народов были организованы в роды. Они, по-видимому, заняли территорию между Дунаем, Рейном, Вислой и северными морями только за несколько столетий до нашей эры; переселение кимвров и тевтонов было тогда еще в полном разгаре, а свевы прочно осели только во времена Цезаря. О последних Цезарь определенно говорит, что они расселились родами и родственными группами (*gentibus cognationibusque*), а в устах римлянина из *gens Julia*⁹⁷ это слово *gentibus* имеет вполне определенное и бесспорное значение. Это относилось ко всем германцам; даже в завоеванных римских провинциях они еще селились, по-видимому, родами. В «Алеманнской правде» подтверждается, что на завоеванной земле к югу от Дуная народ расселился родами (*genealogiae*); понятие *genealogia* употреблено здесь совершенно в том же смысле, как позднее община-марка или сельская община⁹⁸. Недавно Ковалевский высказал взгляд,

⁹⁷ Рода Юлиев.

⁹⁸ Дальнейший текст до слов: «Как у мексиканцев и греков, так и у германцев» включен Энгельсом в издание 1891 г. вместо напечатанного в издании 1884 г. следующего текста: «Таким образом мы видим, что один из германских народов, и именно опять-таки свевы, расселился здесь родами, *gentes*, и каждому роду была отведена определенная территория. У бургундов и лангобардов род назывался *fara*, а употребляемое в «Бургундской правде» наименование членов рода (*faramanni*) одновременно означает также и самих бургундов, в противоположность римскому населению, которое, естественно, не входило в состав бургундских родов. Распределение земель происходило, следовательно, у бургундов также по родам. Так решается вопрос о *faramanni*, над которым сотни лет понапрасну ломали головы германские юристы. Название *fara* едва ли было общим обозначением рода у всех германцев, хотя мы и находим его у одного народа

что эти *genealogiae* представляли собой крупные домашние общины, между которыми была разделена земля и из которых лишь впоследствии развилась сельская община. То же самое может относиться тогда и к *faga*, выражению, которое у бургундов и лангобардов, – следовательно, у готского и герминонского, или верхненемецкого, племени, – обозначало почти, если не совсем то же самое, что и слово *genealogia* в «Алеманнской правде». Действительно ли перед нами род или домашняя община – подлежит еще дальнейшему исследованию. Памятники языка оставляют перед нами открытым вопрос относительно того, существовало ли у всех германцев общее выражение для обозначения рода – и какое именно. Этимологически греческому *genos*, латинскому *gens* соответствует готское *kuni*, средневерхненемецкое *kunne*, и употребляется это слово в том же самом смысле. На времена материнского права указывает то, что слово для обозначения женщины происходит от того же корня: греческое *gune*, славянское *zena*, готское *qvinu*, древнескандинавское *kona*, *kuna*. У лангобардов и бургундов мы встречаем, как уже сказано, слово *faga*, которое Grimm выводит от гипотетического корня *fisan* – рождать. Я предпочел бы исходить из более очевидного происхождения от *fagan* – ездить⁹⁹, кочевать, воз-

готской и у другого народа герминонской (верхненемецкой) ветви. В немецком языке существует большое количество корней, применяемых для обозначения родства, и они одновременно используются в выражениях, которые, как мы можем предположить, имеют отношение к роду».

⁹⁹ По-немецки *fahren*.

вращаться, как обозначения некоторой определенной части кочующей группы, состоящей, само собой разумеется, только из родственников, – обозначения, которое за время многовековых переселений сначала на восток, а затем на запад постепенно было перенесено на самую родовую общину. – Далее, готское *sibja*, англосаксонское *sib*, древневерхненемецкое *sipria*, *sipra* – родня¹⁰⁰. В древнескандинавском языке встречается лишь множественное число *sifjar* – родственники; в единственном числе – только как имя богини Сиф¹⁰¹. – И, наконец, в «Песне о Хильдебранде» попадает еще другое выражение, именно в том месте, где Хильдебранд спрашивает Хадубранда:

«Кто твой отец среди мужчин в народе или из какого ты рода?» («*eddo huêlfihhes cnuosles du sîs*»).

Если только вообще существовало общее германское обозначение для рода, то оно, очевидно, звучало как готское *kunî*; за это говорит не только тождество с соответствующим выражением в родственных языках, но и то обстоятельство, что от него происходит слово *kuning* – король¹⁰², которое первоначально обозначает старейшину рода или племени. Слово *sibja*, родня, не приходится, по-видимому, принимать в расчет; по крайней мере, *sifjar* означает на древнескандинавском языке не только кровных родственников, но и свой-

¹⁰⁰ По-немецки *Sippe*.

¹⁰¹ *Sif*.

¹⁰² По-немецки *König*.

ственников, то есть включает членов по меньшей мере двух родов: само слово *sif*, таким образом, не могло быть обозначением рода.

Как у мексиканцев и греков, так и у германцев построение боевого порядка в отряде конницы и в клиновидной колонне пехоты происходило по родовым объединениям; если Тацит говорит: по семьям и родственным группам, то это неопределенное выражение объясняется тем, что в его время род в Риме давно перестал существовать как жизнеспособная единица.

Решающее значение имеет то место у Тацита, где говорится, что брат матери смотрит на своего племянника как на сына, а некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда требуют заложников, сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын того человека, которого хотят связать этим актом. Здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного в соответствии с материнским правом, следовательно, первоначального, и притом такого, который составляет отличительную черту германцев¹⁰³. Если член тако-

¹⁰³ Особенно тесная по своей природе связь между дядей с материнской стороны и племянником, ведущая свое происхождение от эпохи материнского права и встречающаяся у многих народов, известна грекам только в мифологии героического периода. Согласно Диодору (IV, 34), Мелеагр убивает сыновей Тестия, братьев своей матери Алтеи. Последняя видит в этом поступке такое ничем не искупимое преступление, что проклинает убийцу своего собственного сына и

го рода отдавал собственного сына в залог какого-либо торжественного обязательства и сын становился жертвой нарушения отцом договора, то это было только делом самого отца. Но если жертвой оказывался сын сестры, то этим нарушалось священнейшее родовое право; ближайший сородич мальчика или юноши, обязанный больше всех других охранять его, становился виновником его смерти, этот сородич либо не должен был делать его заложником, либо обязан был выполнить договор. Если бы мы даже не обнаружили никаких других следов родового строя у германцев, то было бы достаточно одного этого места¹⁰⁴.

Еще более решающее значение, поскольку это свидетельство относится к периоду более позднему, спустя почти 800 лет, имеет одно место из древнескандинавской песни о сумерках богов и гибели мира «Voluspa». В этом «Вещании прорицательницы», в которое, как доказано теперь Бангом и Бугге, вплетены также и элементы христианства, при описании эпохи всеобщего вырождения и испорченности, предшествую-

призывает на него смерть. «Боги, как рассказывают, вняли ее желаниям и превали жизнь Мелеагра». По словам того же Диодора (IV, 43 и 44), аргонавты под предводительством Геракла высаживаются во Фракии и находят там, что Финей, подстрекаемый своей новой женой, подвергает позорному истязанию своих двух сыновей, рожденных от отвергнутой жены его, Бореады Клеопатры. Но среди аргонавтов оказываются также Бореады – братья Клеопатры, то есть братья матери истязуемых. Они тотчас же вступаются за своих племянников, освобождают их и убивают стражу.

¹⁰⁴ Дальнейший текст до слов «Впрочем, во времена Тацита» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

щей великой катастрофе, говорится:

«Broedhr munu berjask ok at bonum verdask, munu systrungar siijumspilla» – «Братья будут между собой враждовать и убивать друг друга, дети сестер порвут узы родства».

Systrungr – значит сын сестры матери, и то обстоятельство, что они, дети сестер, отрекутся от взаимного кровного родства, представляется поэту еще большим преступлением, чем братоубийство. Это усугубление преступления выражено в слове *systrungar*, которое подчеркивает родство с материнской стороны, если бы вместо этого стояло *syskma-born* – дети братьев и сестер или *syskina-synir* – сыновья братьев и сестер, то вторая строка означала бы по отношению к первой не усугубление, а смягчение. Таким образом, даже во времена викингов, когда возникло «Вещание провидицы», в Скандинавии еще не исчезло воспоминание о материнском праве. Впрочем, во времена Тацита у германцев, по крайней мере у более ему известных¹⁰⁵, материнское право уступило уже место отцовскому; дети наследовали отцу, при отсутствии детей наследовали братья и дяди с отцовской и материнской стороны. Допущение к участию в наследовании брата матери связано с сохранением только что упомянутого обычая и также доказывает, как ново еще было тогда отцовское право у германцев. Следы материнского права обнаруживают

¹⁰⁵ Слова «по крайней мере у более ему известных» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

ся также еще долго в эпоху средневековья. Еще в ту пору, по-видимому, не очень полагались на происхождение от отца, в особенности у крепостных, так, когда феодал требовал обратно от какого-нибудь города сбежавшего крепостного, то, как, например, в Аугсбурге, Базеле, Кайзерслаутерне, крепостное состояние ответчика должны были под клятвой подтвердить шесть его ближайших кровных родственников, и притом исключительно с материнской стороны (Маурер, «Городское устройство», I, стр. 381). Еще один пережиток только что отмершего материнского права можно видеть в том уважении германцев к женскому полу, которое для римлянина было почти непостижимым. Девушки из благородной семьи признавались самыми надежными заложниками при заключении договоров с германцами; мысль о том, что их жены и дочери могут попасть в плен и рабство, для них ужасна и больше всего другого возбуждает их мужество в бою, в женщине они видят нечто священное и пророческое; они прислушиваются к ее совету даже в важнейших делах; так, Веледа, жрица племени бруктеров на Липпе, была душой всего восстания батавов, во время которого Цивилис во главе германцев и белгов поколебал римское владычество во всей Галлии. Дома господство жены, по-видимому, бесспорно; правда, на ней, на стариках и детях лежат все домашние работы; муж охотится, пьет или бездельничает. Так говорит Тацит, но так как он не говорит, кто обрабатывает поле, и определенно заявляет, что рабы платили только оброк, но не

отбивали никакой барщины, то, очевидно, масса взрослых мужчин все же должна была выполнять ту небольшую работу, какую требовало земледелие. Формой брака был, как уже сказано выше, постепенно приближающийся к моногамии парный брак. Строгой моногамией это еще не было, так как допускалось многоженство знатных. Целомудрие девушек в общем соблюдалось строго (в противоположность кельтам) и равным образом Тацит с особой теплотой отзывается о нерушимости брачного союза у германцев. Как основание для развода он приводит только прелюбодеяние жены. Но его рассказ оставляет здесь много пробелов, и, кроме того, он слишком явно служит зеркалом добродетели для развращенных римлян. Несомненно одно: если германцы и были в своих лесах этими исключительными рыцарями добродетели, то достаточно было только малейшего соприкосновения с внешним миром, чтобы низвести их на уровень остальных средних европейцев; последний след строгости нравов исчез среди римского мира еще значительно быстрее, чем германский язык. Достаточно лишь почитать Григория Турского. Само собой разумеется, что в германских девственных лесах не могли, как в Риме, господствовать изощренные излишества в чувственных наслаждениях, и, таким образом, за германцами и в этом отношении остается достаточное преимущество перед римским миром, если даже мы не будем приписывать им того воздержания в плотских делах, которое нигде и никогда не было общим правилом для целого

народа. Из родового строя вытекало обязательство наследовать не только дружеские связи, но и враждебные отношения отца или родственников; равным образом наследовался вергельд – искупительный штраф, уплачиваемый вместо кровной мести за убийство или нанесение ущерба. Существование этого вергельда, признававшегося еще прошлым поколением специфически германским институтом, теперь доказано для сотен народов. Это общая форма смягчения кровной мести, вытекающей из родового строя. Мы встречаем ее, как и обязательное гостеприимство, также, между прочим, и у американских индейцев; описание обычаев гостеприимства у Тацита («Германия», гл. 21) почти до мелочей совпадает с рассказом Моргана о гостеприимстве его индейцев.

Горячий и бесконечный спор о том, окончательно ли поделили уже германцы времен Тацита свои поля или нет и как понимать относящиеся сюда места, – принадлежит теперь прошлому. После того как доказано, что почти у всех народов существовала совместная обработка пахотной земли родом, а в дальнейшем – коммунистическими семейными общинами, которые, по свидетельству Цезаря, имелись еще у свевов, и что на смену этому порядку пришло распределение земли между отдельными семьями с периодическими новыми переделами этой земли, после того как установлено, что этот периодический передел пахотной земли местами сохранился в самой Германии до наших дней, едва ли стоит даже упоминать об этом. Если германцы за 150 лет, отделя-

ющих рассказ Цезаря от свидетельства Тацита, перешли от совместной обработки земли, которую Цезарь определенно приписывает свевам (поделенной или частной пашни у них нет совсем, говорит он), к обработке отдельными семьями с ежегодным переделом земли, то это действительно значительный прогресс; переход от совместной обработки земли к полной частной собственности на землю за такой короткий промежуток времени и без всякого вмешательства извне представляется просто невозможным. Я читаю, следовательно, у Тацита только то, что у него лаконично сказано: они меняют (или заново переделывают) обработанную землю каждый год, и при этом остается еще достаточно общей земли. Это та ступень земледелия и землепользования, какая точно соответствует тогдашнему родовому строю германцев¹⁰⁶. Предыдущий абзац я оставляю без изменений, каким он был в прежних изданиях. За это время дело приняло другой оборот. После того как Ковалевский доказал широкое, если не повсеместное, распространение патриархальной домашней общины как промежуточной ступени между коммунистической семьей, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьей, речь идет уже больше не о том, как это было в споре между Маурером и Вайцем, – общая или частная собственность на землю, а о том, какова была форма общей собственности. Нет никакого сомнения, что во

¹⁰⁶ Дальнейший текст до слов: «Тогда как у Цезаря германцы» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

времена Цезаря у севов существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли общими силами. Еще долго можно будет спорить о том, был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы. Но вот Ковалевский утверждает, что описанные Тацитом порядки предполагают существование не общины-марки или сельской общины, а домашней общины; только из этой последней много позднее, в результате роста населения, развилась сельская община. Согласно этому взгляду, поселения германцев на территориях, занимаемых ими во времена Рима, как и на отнятых ими впоследствии у римлян, состояли не из деревень, а из больших семейных общин, которые охватывали несколько поколений, занимали под обработку соответствующий участок земли и пользовались окружающими пустошами вместе с соседями как общей маркой. То место у Тацита, где говорится, что они меняют обработанную землю, следует тогда действительно понимать в агрономическом смысле: община каждый год запахивала другой участок, а пашню прошлого года оставляла под паром или совсем давала ей зарости. При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, что делало излишними всякие споры из-за обладания землей. Только спустя столетия, когда число членов домашних общин так возросло, что при тогдаш-

них условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти общины распались; находившиеся до того в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникшими теперь отдельными домашними хозяйствами, сначала на время, позднее – раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими. Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным. Что же касается Германии и, во вторую очередь, остальных германских стран, то нельзя отрицать, что это предположение во многих отношениях лучше объясняет источники и легче разрешает трудности, чем господствовавшая до сих пор точка зрения, которая отодвигала существование сельской общины еще ко временам Тацита. Древнейшие документы, как, например *Codex Laureshamensis*, в общем гораздо лучше объясняются при помощи домашней общины, чем сельской общины-марки. С другой стороны, это объяснение, в свою очередь, вызывает новые трудности и новые вопросы, которые еще требуют своего разрешения. Здесь могут привести к окончательному решению только новые исследования; я, однако, не могу отрицать большую вероятность существования домашней общины как промежуточной ступени также в Германии, Скандинавии и Англии.

Тогда как у Цезаря германцы частью только что осели на землю, частью еще отыскивали места постоянного поселения, во времена Тацита они имеют уже позади себя целое

столетие оседлой жизни; этому соответствовал и несомненный прогресс в производстве средств существования. Они живут в бревенчатых домах, носят еще примитивную одежду жителей лесов: грубый шерстяной плащ, звериную шкуру; у женщин и знати – полотняная нижняя одежда. Пищу их составляют молоко, мясо, дикие плоды и, как добавляет Плиний, овсяная каша (еще и поныне – кельтское национальное блюдо в Ирландии и Шотландии). Их богатство заключается в скоте, но плохой породы: быки и коровы – низкорослые, невзрачные, без рогов; лошади – маленькие пони и плохие скакуны. Деньги употреблялись редко и мало, притом только римские. Изделий из золота и серебра они не изготовляли и не ценили, железо было редко и, по крайней мере, у племен, живших по Рейну и Дунаю, по-видимому, почти исключительно ввозилось, а не добывалось самостоятельно. Рунические письма (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайнопись и служили только для религиозно-магических целей. Еще было в обычае приношение в жертву людей. Одним словом, здесь перед нами народ, только что поднявшийся со средней ступени варварства на высшую. Но в то время как у непосредственно граничивших с римлянами племен развитию самостоятельного металлического и текстильного производства мешала легкость ввоза продуктов римской промышленности, такое производство, вне всякого сомнения, было создано на северо-востоке, на побережье Балтийского моря. Найденные в болотах

Шлезвига вместе с римскими монетами конца II века предметы вооружения – длинный железный меч, кольчуга, серебряный шлем и т. п., а также распространившиеся благодаря переселению народов германские металлические изделия представляют собой отличающийся довольно высоким уровнем развития совершенно своеобразный тип даже в тех случаях, когда они приближаются к первоначальным римским образцам. Переселение в цивилизованную Римскую империю положило конец этому самобытному производству всюду, кроме Англии. Какое единообразие обнаруживается в возникновении и дальнейшем развитии этого производства, показывают, например, бронзовые застёжки; эти застёжки, найденные в Бургундии, в Румынии, на берегах Азовского моря, могли выйти из той же мастерской, что и английские и шведские, и они столь же несомненно – германского происхождения. Высшей ступени варварства соответствует и организация управления. Повсеместно существовал, согласно Тациту, совет старейшин (*principes*), который решал более мелкие дела, а более важные подготовлял для решения в народном собрании, последнее – на низшей ступени варварства, по крайней мере там, где мы о нем знаем, у американцев, существует только для рода, но не для племени или союза племен. Старейшины (*principes*) еще резко отличаются от военных вождей (*duces*), совсем как у ирокезов. Первые живут уже отчасти за счет почетных приношений от членов племени скотом, зерном и пр., их выбирают, как

в Америке, большей частью из одной и той же семьи, переход к отцовскому праву благоприятствует, как в Греции и Риме, постепенному превращению выборного начала в наследственное право и тем самым возникновению знатной семьи в каждом роде. Эта древняя так называемая племенная знать в большинстве своем погибла при переселении народов или же вскоре после него. Военачальники избирались независимо от происхождения, исключительно по способности. Их власть была невелика, и они должны были влиять своим примером, собственно дисциплинарную власть в войске Тацит определенно приписывает жрецам. Действительная власть сосредоточивалась у народного собрания. Король или старейшина племени председательствует, народ выносит свое решение: отрицательное – ропотом, утвердительное – возгласами одобрения и бряцанием оружия. Народное собрание служит вместе с тем и судом, сюда обращаются с жалобами и здесь же их разрешают, здесь выносят смертные приговоры, причем смерть полагается только за трусость, измену своему народу и противоестественные пороки. Внутри родов и других подразделений суд также вершат все сообща под председательством старейшины, который, как и во всем германском древнем судопроизводстве, мог только руководить процессом и ставить вопросы, приговор у германцев всегда и повсюду выносился всем коллективом. Со времени Цезаря образовались союзы племен, у некоторых из них были уже короли, верховный военачальник, как у греков

и римлян, уже домогался тиранической власти и иногда достигал ее. Такие удачливые узурпаторы, однако, отнюдь не были неограниченными властителями, но они уже начинали разбивать оковы родового строя. В то время как вольноотпущенные рабы вообще занимали подчиненное положение, так как они не могли принадлежать ни к какому роду, у новых королей любимцы из их среды часто достигали высоких постов, богатства и почета. То же самое происходило после завоевания Римской империи с военачальниками, которые теперь становились королями крупных стран. У франков рабы и вольноотпущенники короля играли большую роль сначала при дворе, а затем в государстве; большая часть новой знати ведет свое происхождение от них.

Возникновению королевской власти содействовал один институт – дружины. Уже у американских краснокожих мы видели, как рядом с родовым строем создаются частные объединения для ведения войны на свой страх и риск. Эти частные объединения стали у германцев уже постоянными союзами. Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливал известную иерархию между ними, для малых походов они служили ему отрядом телохранителей и всегда готовым к выступлению войском, для более крупных – готовым офицерским корпусом. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно ока-

зались, например, позже у Одоакра в Италии, все же в их существовании таился уже зародыш упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов и после него. Ибо, во-первых, они благоприятствовали возникновению королевской власти; во-вторых, как замечает уже Тацит, их можно было удержать как организованное целое только путем постоянных войн и разбойничьих набегов. Грабеж стал целью. Если предводителю дружины нечего было делать поблизости, он направлялся со своими людьми к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу, германские вспомогательные войска, которые в большом количестве сражались под римским знаменем даже против самих же германцев, набирались частично из таких дружин. Система военного наемничества – позор и проклятие немцев – была уже здесь налицо в своей первоначальной форме. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с придворными слугами из числа несвободных и римлян, вторую из главных составных частей позднейшей знати. Таким образом, в общем, у объединявшихся в народы германских племен существовала такая же организация управления, как та, которая получила развитие у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей народное собрание, совет родовых старейшин, военачальник, стремившийся уже к подлинной королевской власти. Это была наиболее развитая организация управления,

какая вообще могла сложиться при родовом строе, для высшей ступени варварства она была образцовой. Стоило обществу выйти из рамок, внутри которых эта организация управления удовлетворяла своему назначению, наступал конец родовому строю, он разрушался, его место заступало государство.

VIII. Образование государства у германцев

Германцы, по свидетельству Тацита, были очень многочисленным народом. Приблизительное представление о численности отдельных германских народов мы получаем у Цезаря; он определяет число появившихся на левом берегу Рейна узипетов и тенктеров в 180 000 человек, включая женщин и детей. Следовательно, около 100 000 человек приходилось на каждый отдельный народ¹⁰⁷, что уже значительно превышало, например, общее число ирокезов в период их расцвета, когда они, не достигая 20 000 человек, стали грозой всей страны, от Великих озер до Огайо и Потомака. Если мы попытаемся наметить на карте, как, согласно дошедшим до нас сведениям, были расположены более известные народы, поселившиеся вблизи Рейна, то каждый такой народ в отдельности займет в среднем приблизительно площадь прусского административного округа, то есть около 10 000 кв. километров, или 182 кв. географические мили. Но Germania

¹⁰⁷ Принятое здесь число подтверждается одним местом у Диодора о галльских кельтах: «В Галлии живет много народностей неодинаковой численности. У крупнейших из них численность населения достигает приблизительно 200 000 человек, у самых малых – 50 000» (Diodorus Siculus, V, 25). В среднем, следовательно, – 125 000; галльские отдельные народы, ввиду более высокой степени их развития, безусловно, следует считать несколько большими по численности, чем германские.

Magna¹⁰⁸ римлян охватывает, вплоть до Вислы, в круглых цифрах 500 000 кв. километров. При средней численности отдельных народов в 100 000 человек общая численность населения всей Germania Magna должна была доходить до пяти миллионов; для варварской группы народов – цифра значительная, для наших условий – 10 человек на квадратный километр, или 550 на квадратную географическую милю, – крайне малая. Но этим отнюдь не исчерпывается число живших в то время германцев. Мы знаем, что вдоль Карпат до самого устья Дуная жили германские народы готской группы племен – бастарны, певкины и другие, столь многочисленные, что Плиний считал их пятой основной группой германских племен; эти племена, которые уже за 180 лет до нашего летоисчисления состояли наемниками на службе у македонского царя Персея, еще в первые годы правления Августа прорвались до окрестностей Адрианополя. Если мы определим их численность только в один миллион, то вероятное число германцев к началу нашего летоисчисления составит по меньшей мере шесть миллионов.

После того как они осели в Германии, население должно было увеличиваться со все возрастающей быстротой; одни вышеупомянутые успехи в области развития производства могли бы доказать это. Находки в болотах Шлезвига, судя по обнаруженным в них римским монетам, относятся к III веку. Таким образом, к этому времени на побережье Балтий-

¹⁰⁸ Великая Германия.

ского моря уже было распространено развитое производство металлических и текстильных изделий, велись оживленные торговые сношения с Римской империей, и более богатые жили уже в известной роскоши – все это признаки более густого населения. Около этого же времени начинается также общее военное наступление германцев по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря – прямое доказательство все большего роста населения, которое стремилось к расширению своих владений. Триста лет длилась борьба, во время которой вся основная часть готских народов (исключая скандинавских готов и бургундов) двинулась на юго-восток и образовала левое крыло растянутой линии наступления, в центре которой верхнегерманцы (гермионы) прорвались на Верхний Дунай, а на правом крыле исевоны, получившие теперь название франков, – на Рейн; на долю ингевонов выпало завоевание Британии. В конце V века путь в Римскую империю, обессиленную, обескровленную и беспомощную, был открыт для вторгнувшихся германцев.

Выше мы стояли у колыбели античной греческой и римской цивилизации. Здесь мы стоим у ее могилы. По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные разли-

чия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков – все они стали римлянами. Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности. Элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными территориями, еще существовали и все еще давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной соединить эти элементы в новые нации; нигде еще не было и следа способности к развитию и сопротивлению, не говоря уже о творческой энергии. Для громадной массы людей, живших на огромной территории, единственной объединяющей связью служило римское государство, а это последнее со временем сделалось их злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим, Рим сам превратился в провинциальный город, подобный другим, привилегированный, но уже не господствующий более, переставший быть центром мировой империи и даже резиденцией императоров, а также их наместников; они жили теперь в Константинополе, Трире, Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасыва-

ния соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода поборы ввергали массу населения во все более глубокую нищету, этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему пришло римское государство с его мировым господством, свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей.

Состояние общества было не менее отчаянным. Уже начиная с последних времен республики, римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему. Чем более империя приходила в упадок, тем больше возрастали налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали чиновники. Торговля и промышленность никогда не были делом римлян – покорителей народов; только в ростовщичестве они превзошли все, что было до и после них. То, что имелось ранее и что сохранилось от торговли, погибло из-за вымогательства чиновников, то, что уцелело от нее, относится к восточной, греческой части империи, которая выходит за рамки нашего рассмотрения. Всеобщее обнищание, упадок торговли, ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низко-

му уровню – таков был конечный результат римского мирового владычества.

Земледелие, решающая отрасль производства во всем древнем мире, теперь снова, более чем когда-либо, приобрело такое значение. В Италии громадные комплексы имений (латифундии), после падения республики охватывавшие почти всю территорию, использовались двояким образом: либо под пастбища, и там население было заменено овцами и быками, уход за которыми требовал лишь небольшого числа рабов; либо в качестве вилл, где руками массы рабов велось садоводство в больших размерах – отчасти для удовлетворения потребностей живущего в роскоши владельца, отчасти для сбыта на городских рынках. Крупные пастбища сохранились и были даже расширены, поместья-виллы и их садоводство пришли в упадок вместе с разорением их владельцев и запустением городов. Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход, но в ту эпоху оно было единственно возможной формой крупного сельского хозяйства. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия. Одна вилла за другой дробились на мелкие парцеллы, последние передавались наследственным арендаторам, уплачивавшим определенную сумму, или их получали *partiarum*¹⁰⁹, которые были скорее управляющими, чем арендаторами, и получали за свой труд шестую, а то и всего лишь девятую часть годового

¹⁰⁹ Дольщики.

продукта. Преобладала, однако, сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой, они, правда, не были рабами, но и не считались свободными, не могли вступать в брак со свободными, и их браки между собой рассматривались не как законные, а, подобно бракам рабов, как простое сожитительство (*contubernium*). Они были предшественниками средневековых крепостных.

Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывавшего затраченный труд, – рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, до размеров которых сократилось огромное производство времен расцвета империи, не могло найти применение большое число рабов. Только для рабов, обслуживавших домашнее хозяйство и роскошную жизнь богачей, оставалось еще место в обществе. Но отмирающее рабство все еще было в состоянии поддерживать представление о всяком производительном труде, как о рабском деле, недостойном свободных римлян, а таковыми теперь были все граждане. Результатом было, с одной стороны, – увеличение числа отпускаемых на волю рабов, излишних и ставших обузой, а с другой стороны, – увеличение числа колонов и обнищавших свободных (напоминающих *poor whites*¹¹⁰ бывших рабо-

¹¹⁰ Белых бедняков.

владельческих штатов Америки). Христианство совершенно не повинно в постепенном отмирании античного рабства. Оно в течение целых столетий уживалось в Римской империи с рабством и впоследствии никогда не препятствовало работоторговле у христиан: ни у германцев на севере, ни у венецианцев на Средиземном море, ни позднейшей торговле неграми¹¹¹. Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир, рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция.

В провинциях дело обстояло не лучше. Больше всего сведений мы имеем относительно Галлии. Наряду с колонатами здесь существовали еще свободные мелкие крестьяне. Чтобы оградить себя от насилия чиновников, судей и ростовщиков, они часто прибегали к покровительству, патронату какого-нибудь могущественного лица, так поступали не только отдельные крестьяне, но и целые общины, так что императоры в IV веке неоднократно издавали эдикты о запреще-

¹¹¹ По словам епископа Лиутпранда Кремонского, в X веке в Вердене, следовательно, в Священной германской империи XVII в., главным промыслом была фабрикация евнухов, которые с большой прибылью вывозились в Испанию для мавританских гаремов.

нии этого. Но что это давало искавшим покровительства? Патрон ставил им условие, чтобы они передавали ему право собственности на их земельные участки, а он взамен этого обеспечивал им пожизненное пользование последними. Эту уловку усвоила святая церковь и усердно применяла в IX и X веках в целях расширения царства божьего и своих собственных земельных владений. Правда, тогда, примерно в 475 г., епископ Сальвиан Марсельский еще возмущается против такого грабежа и рассказывает, что гнет римских чиновников и крупных землевладельцев сделался столь невыносимым, что многие «римляне» бегут в местности, уже занятые варварами, а поселившиеся там римские граждане ничего так не боятся, как очутиться снова под римским владычеством. О том, что в то время родители из-за бедности часто продавали своих детей в рабство, свидетельствует изданный против этого закон.

Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой. Раздел происходил согласно порядкам родового строя, ввиду сравнительно небольшой численности завоевателей обширные земли оставались неразделенными, во владении частью всего народа, частью отдельных племен и родов. В пределах каждого рода пахотная земля и луга были поделены между отдельными хозяйствами равными участками по жребию; повторялись ли переделы в дальнейшем – нам неизвестно, во всяком случае,

в римских провинциях они скоро прекратились, и отдельные участки были превращены в отчуждаемую частную собственность – аллод. Лес и выгоны оставались неподеленными в общем пользовании; это пользование ими, а также способ обработки поделенной пашни регулировались древним обычаем и постановлениями всей общины. Чем дольше жил род в своем селе и чем больше постепенно смешивались германцы и римляне, тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род растворялся в общине-марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины. Так незаметно, по крайней мере в странах, где удержалась община-марка, – на севере Франции, в Англии, Германии и Скандинавии, – родовая организация переходила в территориальную и оказалась поэтому в состоянии приспособиться к государству. Но она все же сохранила свой естественно сложившийся демократический характер, отличающий весь родовой строй, и даже в той вырождающейся форме, которая была ей навязана в дальнейшем, удержала вплоть до новейшего времени живые элементы этого строя, а тем самым оружие в руках угнетенных.

Если, таким образом, кровная связь в роде вскоре утратила свое значение, то это было следствием того, что и в племени, и во всем народе его органы тоже выродились в результате завоевания. Мы знаем, что господство над покоренными несовместимо с родовым строем. Здесь мы видим это в

крупном масштабе. Германские народы, ставшие господами римских провинций, должны были организовать управление этой завоеванной ими территорией. Однако невозможно было ни принять массы римлян в родовые объединения, ни господствовать над ними посредством последних. Во главе римских местных органов управления, вначале большей частью продолжавших существовать, надо было поставить вместо римского государства какой-то заменитель, а этим заменителем могло быть лишь другое государство. Органы родового строя должны были поэтому превратиться в органы государства, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военачальник. Защита завоеванной области от внутренней и внешней опасности требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военачальника в королевскую власть, и это превращение совершилось.

Остановимся на Франкском королевстве. Здесь победоносному народу салических франков достались в полное обладание не только обширные римские государственные имения, но также и все огромные земельные участки, оказавшиеся при разделе не включенными в общинные владения крупных и мелких округов¹¹², и общин-марок – в частности, все более крупные лесные массивы. Первым делом франкского короля, превратившегося из простого верховного военачальника в настоящего монарха, было превратить это на-

¹¹² Gau.

родное достояние в королевское имущество, украсть его у народа и раздать его в виде подарков или пожалований своей дружине. Эта дружина, первоначально состоявшая из его личной военной свиты и остальных подчиненных ему военачальников, скоро увеличилась не только за счет римлян, то есть романизированных галлов, которые вскоре стали для него необходимы благодаря своему умению писать, своему образованию, своему знанию романского разговорного и латинского литературного языка, а также и местного права; она увеличилась также за счет рабов, крепостных и вольноотпущенников, которые составляли его придворный штат и из среды которых он выбирал своих любимцев. Все они получали участки принадлежащей народу земли, в первое время большей частью как подарки, позднее как пожалования в форме бенефициев, причем первоначально, как правило, до конца жизни короля. Так за счет народа создавалась основа новой знати.

Мало того. Ввиду обширных размеров государства нельзя было управлять, пользуясь средствами старого родового строя; совет старейшин, если он уже давно не исчез, не мог бы собираться и был вскоре заменен постоянными приближенными короля; старое народное собрание продолжало для вида существовать, но также все более и более становилось собранием лишь подчиненных королю военачальников и новой нарождающейся знати. Свободные, владевшие землей крестьяне, которые составляли массу франкского наро-

да, были истощены и разорены вечными междоусобными и завоевательными войнами, последними особенно при Карле Великом, точно так же, как раньше римские крестьяне в последние времена республики. Эти крестьяне, из которых первоначально состояло все войско, а после завоевания территории Франции – его основное ядро, так обеднели к началу IX века, что едва только один из пяти крестьян в состоянии был выступить в поход. Место созываемого непосредственно королем ополчения свободных крестьян заняло войско, составленное из служилых людей новой народившейся знати, включая и зависимых крестьян, потомков тех, кто прежде не знал другого господина, кроме короля, а еще раньше вообще не знал никаких господ, и короля в том числе. При преемниках Карла разорение франкского крестьянского сословия было довершено внутренними войнами, слабостью королевской власти и соответственными посягательствами магнатов – к ним прибавились еще назначенные Карлом графы округов¹¹³, стремившиеся сделать свои должности наследственными, – наконец, набегами норманнов. Через пятьдесят лет после смерти Карла Великого империя франков столь же беспомощно лежала у ног норманнов, как за четыре столетия до того Римская империя лежала у ног франков.

И почти такой же она оказалась не только по своему бессилию перед внешними врагами, но и по своему внутренне-

¹¹³ Gaugrafen.

му общественному порядку, или, скорее, беспорядку. Свободные франкские крестьяне очутились в таком же положении, как и их предшественники, римские колонны. Разоренные войнами и грабежами, они должны были прибегать к покровительству новой народившейся знати или церкви, так как королевская власть была слишком слаба, чтобы защитить их; но это покровительство им приходилось приобретать дорогой ценой. Как прежде галльские крестьяне, они должны были передавать покровителю право собственности на свой земельный участок, получая последний от него обратно в виде зависимого держания на различных и меняющихся условиях, но всегда только взамен выполнения повинностей и уплаты оброка; раз попав в такого рода зависимость, они мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они были уже в большинстве своем крепостными. Как быстро исчезало свободное крестьянское сословие, показывает составленная Ирминоном опись земельных владений аббатства Сен-Жермен-де-Пре, находившегося тогда близ Парижа, а теперь – в самом Париже. В обширных владениях этого аббатства, разбросанных по окрестностям, находились тогда, еще при жизни Карла Великого, 2788 хозяйств, заселенных почти исключительно франками с германскими именами. В это число входило 2080 колоннов, 35 литов, 220 рабов и только 8 свободных поселенцев! Объявленный Сальвианом безбожным обычай, согласно которому покровитель заставлял крестьянина передавать

свой земельный участок ему в собственность, а затем отдавал этот участок крестьянину лишь в пожизненное пользование, теперь повсюду практиковался церковью в отношении крестьян. Барщинные повинности, которые теперь стали все более и более входить в обыкновение, имели своим прообразом как римские ангарии, принудительные работы в пользу государства, так и повинности, выполнявшиеся членами германской общины-марки по сооружению мостов, дорог и для других общих целей. Таким образом, масса населения, спустя четыреста лет, вернулась как будто бы целиком к своему исходному положению.

Но это лишь доказывало, во-первых, что общественное расслоение и распределение собственности в Римской империи периода упадка вполне соответствовали тогдашнему уровню производства в земледелии и промышленности, следовательно, были неизбежны; и, во-вторых, что этот уровень производства в течение последующих четырехсот лет существенно не понизился и не повысился, а потому с такой же необходимостью вновь породил такое же распределение собственности и те же самые классы населения. В последние столетия существования Римской империи город утратил свое прежнее господство над деревней и не вернул его себе в первые столетия владычества германцев. Это предполагает низкую ступень развития как земледелия, так и промышленности. Такое общее положение с необходимостью порождает обладающих господством крупных землевладельцев и зави-

симых мелких крестьян. Как мало было возможности навязать такому обществу, с одной стороны, хозяйство римских латифундий с рабами, с другой стороны – новейшее крупное хозяйство с барщинным трудом, доказывают грандиозные, но прошедшие почти бесследно эксперименты Карла Великого с знаменитыми императорскими виллами. Эти опыты продолжали только монастыри, и только у них они были плодотворны; но монастыри были ненормальными общественными организмами, основанными на безбрачии; они могли давать исключительные результаты, но должны были именно поэтому сами оставаться исключениями.

И все же за эти четыреста лет был сделан шаг вперед. Если и в конце периода мы встречаем почти те же основные классы, что и вначале, то люди, составлявшие эти классы, все же стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. «Бесполезные воспоминания и тщетная борьба» гибнущего римского мира канули в вечность. Общественные классы IX века сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках новой цивилизации. Новое поколение – как господа, так и слуги – в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Те отношения между могущественными земельными магнатами и зависимыми от них крестьянами, которые для римлян являлись

формой, выразившей безысходную гибель античного мира, были теперь для нового поколения исходным моментом нового развития. И затем, какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили один крупный результат: современные национальности, новое формирование и расчленение западноевропейской части человечества для грядущей истории. Германцы действительно вновь оживили Европу, и поэтому разрушение государств, происходившее в германский период, завершилось не норманно-сарацинским порабощением, а перерастанием системы бенефициев и отношений покровительства (коммендации) в феодализм и столь громадным увеличением населения, что менее чем через двести лет были без ущерба перенесены страшные кровопускания, причиненные крестовыми походами¹¹⁴.

Что же это было за таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу? Была ли это особая, прирожденная германской расе чудодейственная сила, как это измышляет наша шовинистическая историография? Отнюдь нет. Германцы были, особенно тогда, высокоодаренной ветвью арийской группы и притом находившейся в полном расцвете жизненных сил. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй.

¹¹⁴ Конец фразы от слов «и столь громадным увеличением населения...» добавлен Энгельсом в издании 1891 г.

Их личные способности и храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, побуждавший видеть во всех общественных делах свое собственное дело, — одним словом, все те качества, которые были утрачены римлянами и благодаря которым только и можно было образовать из тины римского мира новые государства и дать толчок росту новых национальностей, — чем было все это, как не характерными чертами человека, стоящего на высшей ступени варварства, как не плодами его родового строя? Если германцы преобразовали античную форму моногамии, смягчили господство мужчины в семье, дали женщине более высокое положение, чем то, которое когда-либо знал классический мир, — что сделало их способными на это, как не их варварство, их родовые обычаи, их еще живые пережитки эпохи материнского права?

Если они, по меньшей мере в трех важнейших странах, в Германии, Северной Франции и Англии, сумели спасти и перенести в феодальное государство осколок настоящего родового строя в форме общины-марки и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления, чего в готовом виде не могли найти ни античные рабы, ни современные пролетарии, — то чем это было вызвано, как не их варварством, не их способом селиться родами, свойственным исключительно периоду варварства?

И, наконец, если они могли развить и поднять до положения всеобщей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство, – форму, которая, как впервые отметил Фурье, дает порабощенным средство к постепенному освобождению их как класса (*fournit aux cultivateurs des moyens d'affranchissement collectif et progressif*¹¹⁵), форму, стоящую благодаря этому значительно выше рабства, при котором возможен лишь отпуск отдельного лица на волю сразу без переходного состояния (уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает), тогда как крепостные средних веков в действительности постепенно добивались своего освобождения как класса, – то чему мы этим обязаны, если не их варварству, в силу которого они не довели у себя эту зависимость до вполне развитого рабства: ни до античной формы рабского труда, ни до восточного домашнего рабства?

Все жизнеспособное и плодотворное, что германцы привили римскому миру, принадлежало варварству. Действительно, только варвары способны были омолодить дряхлый мир гибнущей цивилизации. И высшая ступень варварства, до которой и на которую поднялись германцы перед переселением народов, была как раз наиболее благоприятной для этого процесса. Этим объясняется все.

¹¹⁵ Дать земледельцам средства для коллективного и постепенного освобождения.

IX. Варварство и цивилизация

Мы проследили разложение родового строя на трех отдельных крупных примерах – греков, римлян и германцев. Рассмотрим в заключение общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства и совершенно устранили ее с появлением цивилизации. Здесь «Капитал» Маркса будет нам столь же необходим, как и книга Моргана.

Возникнув на средней ступени дикости и продолжая развиваться на высшей ее ступени, род, насколько позволяют судить об этом наши источники, достигает своего расцвета на низшей ступени варварства. С этой ступени развития мы и начнем.

Мы находим здесь, где примером должны служить нам американские краснокожие, вполне развившийся родовой строй. Племя делилось на несколько родов, чаще всего на два¹¹⁶; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род выступает как фратрия; самое племя распадается на несколько племен, в каждом из них мы большей частью вновь встречаем прежние роды; союз включает, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена. Эта простая организация вполне

¹¹⁶ Слова «чаще всего на два» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

соответствует общественным условиям, из которых она возникла. Она представляет собой не что иное, как свойственную этим условиям, естественно выросшую структуру; она в состоянии улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри организованного таким образом общества. Конфликты с внешним миром устраняет война; она может кончиться уничтожением племени, но никак не порабощением его. Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том, что здесь нет места для господства и порабощения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, являются ли еда, сон, охота – правом или обязанностью? Точно так же невозможно расслоение племени и рода на различные классы. И это приводит нас к рассмотрению экономического базиса этого строя.

Население в высшей степени редко; оно гуще только в месте жительства племени; вокруг этого места лежит широким поясом прежде всего территория для охоты, а затем нейтральная полоса леса, отделяющая племя от других племен и служащая ему защитой. Разделение труда – чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добыва-

ет продукты питания в сыром виде и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды – варит, ткёт, шьёт. Каждый из них – хозяин в своей области: мужчина – в лесу, женщина – в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина – оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина – домашней утвари. Домашнее хозяйство ведётся на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями¹¹⁷. То, что изготавливается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует придуманная юристами и экономистами цивилизованного общества «собственность, добытая своим трудом», – последнее лживое правовое основание, на которое ещё опирается современная капиталистическая собственность.

Но люди не везде остановились на этой ступени. В Азии они нашли животных, которых можно было приручать и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же – она ежегодно приносила телят и, кроме того, давала молоко. У некоторых наиболее передовых племён – арийцев, семитов, может быть уже и у туранцев – главной отраслью

¹¹⁷ В особенности на северо-западном побережье Америки – см. у Банкрофта. У племени хайда на островах Королевы Шарлотты встречаются домашние хозяйства, охватывающие под одной кровлей до 700 человек. У нутка под одной кровлей жили целые племена.

труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров – это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На более ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен; особое искусство в изготовлении оружия и орудий могло вести к временному разделению труда. Так, например, во многих местах были найдены несомненные остатки мастерских для изготовления каменных орудий позднего каменного века; мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали, вероятно, за счет и на пользу всего коллектива, как это и сейчас еще делают постоянные ремесленники родовых общин в Индии. На этой ступени развития обмен мог возникнуть только внутри племени, да и тут он оставался исключительным явлением. Теперь же, напротив, после выделения пастушеских племен мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного института. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых ста-

рейшин каждой стороны; когда же стада стали переходить в обособленную собственность¹¹⁸, все больше стал преобладать, и, наконец, сделался единственной формой обмена – обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все другие товары и который повсюду охотно принимался и в обмен на них, – одним словом, скот приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре – деньгах.

Огородничество, вероятно, неизвестное жителям Азии, находившимся на низшей ступени варварства, появилось у них не позднее средней ступени как предшественник полеводства. В климатических условиях Туранской равнины невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луговое хозяйство и культура зерновых были здесь, таким образом, необходимы. То же самое следует сказать о степях к северу от Черного моря. Но если сначала зерно производилось для скота, то скоро оно стало пищей и для человека. Обрабатываемая земля оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала ро-

¹¹⁸ В издании 1884 г. вместо слов «обособленную собственность» («Sondereigenthum») напечатано «частную собственность» («Privateigenthum»).

ду, позднее самим родом – домашним общинам, наконец¹¹⁹, отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше.

Из достижений этой ступени в области промышленной деятельности особенно важное значение имеют два: первое – ткацкий станок, второе – плавка металлических руд и обработка металлов. Самыми важными из них были медь и олово, а также выплавляемая из них бронза; бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели. Для нарядов и украшений начали употреблять золото и серебро, которые, по-видимому, уже имели бо́льшую ценность, чем медь и бронза.

Увеличение производства во всех отраслях – скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле – сделало рабочую силу человека способной производить бо́льшее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, приходившееся на каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Появилась потребность в привлечении новой рабочей силы. Война доставляла ее: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сфе-

¹¹⁹ Слова «домашним общинам, наконец» добавлены Энгельсом в издании 1891 г.

ры производительной деятельности, при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Как и когда стада из общего владения племени или рода перешли в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени. А с приобретением стад и прочих новых богатств в семье произошла революция. Промысел всегда был делом мужчины, средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми средствами промысла; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье обуславливало распределение собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось тем же самым, и, тем не менее, оно совершенно перевернуло теперь существовав-

шие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме – ограничение ее труда домашней работой, – эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа – незначительным придатком. Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнивание в правах с мужчиной невозможно ни сейчас, ни в будущем, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом. Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере. А это сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его и все более и более стремится растворить частный домашний труд в общественном производстве.

С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это

создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду.

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, – эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний – вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно; не только в «Песне о Хильдебранде», но и при Гастингсе в 1066 г. в бою пускались еще в ход каменные топоры. Но прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее. Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен, – показатель огромного прогресса в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличившейся опасности и потребности в защите. Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более

и более обособлявшихся друг от друга, во все возрастающей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства; земледелие давало теперь наряду с зерном, стручковыми растениями и фруктами также растительное масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия. Непрерывающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, повышал ценность рабочей силы человека, рабство, на предыдущей ступени развития только возникавшее и носившее спорадический характер, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми подручными; их десятками гонят теперь работать на поля и в мастерские. С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, – товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с заморскими странами. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде; благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром – деньгами, но их еще не чеканят, а только обменивают просто по весу.

Различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, – с новым разделением труда возникает новое разделение общества на клас-

сы. Имущественные различия между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли средствами этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям – сначала на время, потом раз и навсегда, переход ее в полную частную собственность совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества.

Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военный вождь народа – rex, basileus, thiudans – становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более

легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не расколело членов рода на богатых

и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс)¹²⁰ и если бы в результате распространения рабства добывание средств к существованию собственным трудом не начало уже признаваться делом, достойным лишь раба, более позорным, чем грабеж.

* * *

Мы подошли теперь к порогу цивилизации. Она открывается новым шагом вперед в разделении труда. На низшей ступени люди производили только непосредственно для собственного потребления; изредка происходившие акты обмена были единичны, касались только случайно остававшихся излишков. На средней ступени варварства у пастушеских народов мы находим уже имущество в виде скота, которое при известной величине стада регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью; одновременно мы находим также разделение труда между пастушескими народами и отставшими племенами, не имеющими стад, следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства и, значит, условия для регулярного обмена. На высшей ступени варварства происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, следовательно, произ-

¹²⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 343.

водство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества. Цивилизация упрочивает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней (причем экономически господствовать может город над деревней, как это было в древности, или же деревня над городом, как это было в средние века), и присоединяет к этому третье, свойственное лишь ей, разделение труда решающего значения – создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, а именно купцов. До сих пор причины образования классов были связаны еще исключительно с производством; они вели к разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего и меньшего масштаба. Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует их обоих. Под предлогом избавления производителей от труда и риска, связанных с обменом, расширения сбыта их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и создания тем самым якобы наиболее полезного класса населения образуется класс паразитов, класс настоящих общественных тунеяд-

цев, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им влияние в обществе и именно поэтому в период цивилизации захватывает все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока наконец сам не создает свой собственный продукт – периодические торговые кризисы.

Впрочем, на рассматриваемой нами ступени развития молодое купечество еще не имеет никакого представления о тех великих делах, какие ему предстоят. Но оно формируется и становится необходимым, и этого достаточно. А вместе с ним появляются металлические деньги, чеканная монета, и с металлическими деньгами – новое средство господства непроизводителя над производителем и его производством. Был открыт товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, волшебное средство, способное, если это угодно, превращаться в любую заманчивую и желанную вещь. Кто обладал им, тот властвовал над миром производства. А кто прежде всего обладал им? Купец. Культ денег был в его надежных руках. Он взял на себя заботу возвестить, что все товары, а с ними и все товаропроизводители должны с благоговением повергнуться в прах перед деньгами. Он доказал на практике, что все другие формы богатства – всего лишь тень перед этим воплощением богатства как такового. Никогда впоследствии власть денег не высту-

пала в такой первобытно грубой и насильственной форме, как в этот период их юности. Вслед за покупкой товаров на деньги появилась денежная ссуда, а вместе с ней – процент и ростовщичество. И ни одно законодательство позднейшего времени не бросает должника столь жестоко и беспощадно к ногам кредитора-ростовщика, как законодательство Древних Афин и Рима, – а то и другое возникло спонтанно как обычное право, исключительно в силу экономической необходимости.

Наряду с богатством, заключающимся в товарах и рабах, наряду с денежным богатством теперь появилось также богатство земельное. Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти парцеллы стали принадлежать им на правах наследственной собственности. Ведь за последнее время они более всего стремились именно к тому, чтобы освободить парцеллу от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами. От этих оков они избавились, но вскоре после того избавились также и от своей новой земельной собственности. Полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и пле-

мени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей. Что это означало, разъяснили ему деньги, изобретенные одновременно с частной собственностью на землю. Земля могла теперь стать товаром, который продают и закладывают. Едва была установлена собственность на землю, как была уже изобретена и ипотека (см. Афины). Как по пятам моногамии следуют гетеризм и проституция, так по пятам земельной собственности отныне неотступно следует ипотека. Вы желали полной, свободной, отчуждаемой земельной собственности, – так получайте же ее, вот она: *tu l'as voulu, George Dandin*¹²¹!

Так вместе с расширением торговли, вместе с деньгами и ростовщичеством, земельной собственностью и ипотекой быстро происходили концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса, а наряду с этим росло обнищание масс и возрастала масса бедняков. Новая аристократия богатства окончательно отесняла на задний план старую родовую знать (в Афинах, в Риме, у германцев), если только она с самого начала не совпадала с ней. И наряду с этим разделением свободных на классы в соответствии с имущественным положением происходило, особенно в Греции, громадное увеличение числа рабов¹²², принудительный

¹²¹ Ты этого хотел, Жорж Данден! (*Мольер*. Жорж Данден, акт I, сцена девятая).

¹²² Число рабов в Афинах см. выше. В Коринфе в эпоху расцвета города оно доходило до 460 000, в Эгине – до 470 000, в обоих случаях в десять раз превышавшая численность свободных граждан.

труд которых служил основанием, на котором возвышалась надстройка всего общества.

Посмотрим же теперь, что стало при этом общественном перевороте с родовым строем. Он оказался бессильным перед лицом новых элементов, развившихся без его участия. Его предпосылкой было то, что члены одного рода или хотя бы племени жили совместно на одной и той же территории, заселенной исключительно ими. Это давно уже прекратилось. Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы. Достигнутая лишь к концу средней ступени варварства оседлость населения то и дело нарушалась изменениями в его составе и частой переменой местожительства, обусловленными торговой деятельностью, сменой рода занятий, отчуждением земельной собственности. Члены родовых объединений не могли уже собираться для рассмотрения своих собственных общих дел; кое-как улаживались еще только незначительные дела, такие, как проведение религиозных празднеств. Наряду с потребностями и интересами, обеспечивать которые были призваны приспособленные для этого родовые объединения, в результате переворота в условиях производства и вызванных им изменений в общественной структуре возникли новые потребности и интересы, не только чуждые древнему родовому строю, но и во всех отношениях противоположные ему. Интересы ремесленных групп, возникших благодаря разделению тру-

да, особые потребности города в противоположность деревне требовали новых органов, но каждая из этих групп состояла из людей самых различных родов, фратрий и племен, включала даже чужестранцев; эти органы должны были поэтому возникать вне родового строя, рядом с ним, а вместе с тем и в противовес ему. – И в каждом родовом объединении сказывалось, в свою очередь, это столкновение интересов, достигавшее своей наибольшей остроты там, где богатые и бедные, ростовщики и должники были соединены в одном и том же роде и в одном и том же племени. – К тому же имелась масса нового, чуждого родовым общинам, населения, которое могло стать силой в стране, как это было в Риме, и притом было слишком многочисленно, чтобы его можно было постепенно включить в основанные на кровном родстве роды и племена. Этой массе родовые общины противостояли как замкнутые, привилегированные корпорации; первобытная, естественно выросшая демократия превратилась в ненавистную аристократию. – Наконец, родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к нему. У него не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения. Здесь же возникло общество, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на свободных и рабов, на эксплуататоров-богачей и эксплуатируемых бедняков, – общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности,

но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляла их открытые столкновения и допускала классовую борьбу, самое большее, только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием – расколом общества на классы. Он был заменен государством.

* * *

Выше мы рассмотрели в отдельности три главные формы, в которых государство поднимается на развалинах родового строя. Афины представляют собой самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом; победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором скоро совершенно растворяются и родовая аристократия, и плебс. Наконец, у германских победителей Римской империи государ-

ство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств. Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, и экономическая основа общества остается, следовательно, прежней, то родовой строй может продолжать существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме в виде маркового строя и даже на некоторое время восстанавливаться в более слабой форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, и даже в родах крестьянских, как это было, например, в Дитмаршене¹²³.

Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с проти-

¹²³ Первым историком, который имел хотя бы приблизительное представление о сущности рода, был Нибур, и этим, – но также и своими почерпнутыми прямо оттуда ошибками, – он обязан своему знакомству с родами Дитмаршена.

воречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство.

По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям. Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались, как мы видели, недостаточными большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись, безотносительно к роду и племени. Такая организация граждан по месту жительства общепринята во всех государствах. Она поэтому нам кажется естественной; но мы видели, какая потребовалась упорная и длительная борьба, пока она могла утвердиться в Афинах и Риме на место старой организации по родам.

Вторая отличительная черта – учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с насе-

лением, организующим самое себя как вооруженная сила. Эта особая публичная власть необходима потому, что самодельствующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы. Рабы также входят в состав населения; 90 000 афинских граждан по отношению к 365 000 рабов образуют только привилегированный класс. Народное войско афинской демократии было аристократической публичной властью, направленной против рабов, и держало их в повиновении; но для того, чтобы держать в повиновении также и граждан, оказалась необходимой, как рассказано выше, жандармерия. Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому устройству общества. Она может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоположностями и в отдаленных областях, как это наблюдается иногда кое-где в Соединенных Штатах Америки. Публичная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили публичную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство.

Для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан – налоги. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу. Но мы теперь их знаем достаточно хорошо. С развитием цивилизации даже и налогов недостаточно; государство выдает векселя на будущее, делает займы, государственные долги. И об этом старушка Европа может порассказать немало.

Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым относились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающейся от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность. Самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним.

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же вре-

мя возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было прежде всего государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство – органом дворянства для подавления крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга; таков бонапартизм Первой и особенно Второй империи во Франции, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата. Новейшее достижение в этой области, при котором властитель и подвластные выглядят одинаково комично, представляет собой новая Германская империя бисмарковской нации: здесь поддерживается равновесие между капиталистами и рабочими, противостоящими друг другу, и они подвергаются одинаковому надувательству

в интересах оскудевшего прусского захолустного юнкерства.

Кроме того, в большинстве известных в истории государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и этим прямо заявляется, что государство – это организация имущего класса для защиты его от неимущего. Так было уже в Афинах и Риме с их делением на имущественные категории. Так было и в средневековом феодальном государстве, где степень политического влияния определялась размерами землевладения. Это находит выражение и в избирательном цензе современных представительных государств. Однако это политическое признание различий в имущественном положении отнюдь не существенно. Напротив, оно характеризует низшую ступень государственного развития. Высшая форма государства – демократическая республика, становящаяся в наших современных общественных условиях все более и более неизбежной необходимостью и представляющая собой форму государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и буржуазией, – эта демократическая республика официально ничего не знает о различиях по богатству. При ней богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников – классическим образцом является Америка, – с другой стороны, в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше воз-

растают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и самое производство и делают своим средоточием ту же биржу. Ярким примером этого, кроме Америки, служит новейшая Французская республика, и даже добропорядочная Швейцария внесла свою лепту на этом поприще. Но что для этого братского союза правительства и биржи совсем не требуется демократической республики, доказывает, кроме Англии, новая Германская империя, где нельзя сказать, кого выше вознесло всеобщее избирательное право: Бисмарка или Блейхредера. Наконец, имущий класс господствует непосредственно при помощи всеобщего избирательного права. До тех пор, пока угнетенный класс – в данном случае, следовательно, пролетариат – еще не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственно возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло. Но, по мере того как он созревает для своего самоосвобождения, он конституируется в собственную партию, избирает своих собственных представителей, а не представителей капиталистов. Всеобщее избирательное право – показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, они, как и капиталисты,

будут знать, что делать.

Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.

* * *

Итак, согласно сказанному, цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было, по существу, коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой господство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства. Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы, как это постоянно и неизбежно бывает в эпоху цивилизации.

Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними – как это происходит, мы исследовали выше. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

При товарном производстве, производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, продукты по необходимости переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой продукт; он уже не знает, что с ним станет. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс об-

мена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов – еще неопределеннее. Купцов много, и ни один из них не знает, что делает другой. Товары теперь переходят уже не только из рук в руки, но и с рынка на рынок; производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни, но эта власть не перешла и к купцам. Продукты и производство попадают во власть случая.

Но случайность – это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью. В природе, где также как будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, которые пробивают себе дорогу в рамках этой случайности. Но что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества. Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробивают себе дорогу в рамках этой случайности свойственные ей внутренние законы. Такие законы господствуют и над случайностями товарного производства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых только еще подлежит тщательному изучению и познанию. Эти экономические законы товарного производства

видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства. Еще и теперь продукт господствует над производителями, еще и теперь все общественное производство регулируется не согласно обща обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, в последней инстанции – в бурях периодических торговых кризисов.

Мы видели, как на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в основном есть та самая ступень, на которой возникает разделение труда и обмен между отдельными лицами. И немного потребовалось теперь времени для того, чтобы открыть великую «истину», что человек также может быть товаром, что силу человека¹²⁴ можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена. Действительный залог превратился в страдательный – хотели того люди или нет.

С появлением рабства, достигшего при цивилизации своего наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый

¹²⁴ В издании 1884 г. вместо слов «силу человека» напечатано «рабочую силу человека».

классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство – первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает.

Степень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства. Цивилизации соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи – моногамия, господство мужчины над женщиной и отдельная семья как хозяйственная единица общества. Связующей силой цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством исключительно господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса. Для цивилизации характерно еще следующее: с одной стороны, закрепление противоположности между городом и деревней как основы всего общественного разделения труда; с другой стороны, введение завещаний, с

помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти. Этот институт, прямо противоречащий древнему родовому строю, в Афинах был неизвестен вплоть до Солона; в Риме он был введен уже на ранней стадии, но когда именно, – мы не знаем¹²⁵; у германцев ввели его попы, для того чтобы добропорядочный германец мог беспрепятственно завещать церкви свое наследство.

Основывающаяся на этих устоях цивилизация совершила такие дела, до каких древнее родовое общество не доросло даже в самой отдаленной степени. Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более раз-

¹²⁵ «Система приобретенных прав» Лассалья во второй части возвращается главным образом вокруг положения, что римское завещание столь же старо, как и самый Рим, что в римской истории никогда «не существовало времени без завещаний», что завещание возникло скорее в доримский период из культа умерших. Лассаль, как правоверный старогегельянец, выводит римские правовые нормы не из общественных отношений римлян, а из «спекулятивного понятия» воли, и приходит при этом к указанному утверждению, полностью противоречащему истории. Это неудивительно в книге, автор которой на основании того же спекулятивного понятия приходит к выводу, что у римлян при наследовании передача имущества была чисто второстепенным делом. Лассаль не только верит в иллюзии римских юристов, в особенности более раннего времени, но идет еще дальше этих иллюзий.

вивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства.

Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, то есть огромного большинства. Всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса – новым угнетением для другого. Наиболее ярким примером этого является введение машин, последствия которого теперь общеизвестны. И если у варваров, как мы видели, едва можно было отличить права от обязанностей, то цивилизация даже круглому дураку разъясняет различие и противоположность между ними, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности.

Но этого не должно быть. Что хорошо для господствующего класса, должно быть благом и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет. Поэтому чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, приукрашивать их или лживо отрицать, – одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним

формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое, наконец, достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодарность по отношению к благодетелям – эксплуататорам¹²⁶.

А теперь в заключение – суждение Моргана о цивилизации:

«С наступлением цивилизации рост богатства стал столь огромным, его формы такими разнообразными, его применение таким обширным, а управление им в интересах собственников таким умелым, что это богатство сделалось неодолимой силой, противостоящей народу. Человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед своим собственным творением. Но все же настанет время, когда человеческий разум окрепнет для господства над

¹²⁶ Я сначала собирался привести рядом с моргановской и моей собственной критикой цивилизации блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах произведений Шарля Фурье. К сожалению, у меня нет времени заняться этим. Замечу только, что уже у Фурье моногамия и земельная собственность служат главными отличительными признаками цивилизации и что он называет ее войной богатых против бедных. Точно так же мы уже у него находим глубокое понимание того, что во всех несовершенных, раздираемых противоречиями обществах отдельные семьи (*les familles incoherentes*) являются хозяйственными единицами.

богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества, безусловно, выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармонические отношения. Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого. Время, прошедшее с наступления цивилизации, – это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему еще предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением – но в высшей форме – свободы, равенства и братства древних родов» (Морган, «Древнее общество», стр. 552)¹²⁷.

Написано в конце марта – 26 мая 1884 г.

Напечатано отдельной книгой в Цюрихе в 1884 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

¹²⁷ См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 269.